

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО СТРАНАМ
ВОСТОКА

М. Оттен - А. Банса

ЧАРОДЕИ С ЯВЫ

Annotation

О природе и людях Индонезии, об их быте и верованиях, работе и развлечениях увлекательно рассказывают в этой книге французские путешественники.

- [Мэрри Оттен, Альбан Банса](#)

- [Часть первая](#)

- [ГЛАВА I](#)
 - [ГЛАВА II](#)
 - [ГЛАВА III](#)
 - [ГЛАВА IV](#)
 - [ГЛАВА V](#)
 - [ГЛАВА VI](#)
 - [ГЛАВА VII](#)
 - [ГЛАВА VIII](#)
 - [ГЛАВА IX](#)
 - [Глава X](#)

- [Часть вторая](#)

- [ГЛАВА XI](#)
 - [ГЛАВА XII](#)
 - [ГЛАВА XIII](#)
 - [ГЛАВА XIV](#)
 - [ГЛАВА XV](#)

- [ПОСЛЕСЛОВИЕ](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)

- [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
-

Мэрри Оттен, Альбан Банса
Чародеи с Явы

Часть первая

ЯВА

ГЛАВА I

ДЖАКАРТА, ИЛИ ИНДОНЕЗИЯ РАЗОМ

Джакарта гигантским осьминогом раскинулась на берегу океана; широкие щупальца её улиц намертво вцепились в песок. Город-моллюск распластался по земле и с самолёта выглядит коричнево-голубым, словно продолжение Яванского моря... Правда, кое-где высятся строгие очертания современных зданий, построенных в западном стиле: большой отель «Индонезия», возведённый американцами, универмаг «Сарина», несколько жилых строений, но бетонные стены резко контрастируют с остальными домами, в беспорядке лепящимися вдоль каналов, — низенькими, невыразительными, с дощатыми перегородками и прилавками, выставленными прямо на улицу, по которой день и ночь течёт пёстрая толпа, — типичная картина Дальнего Востока. Тем не менее в этом скопище домов можно различить кварталы, микрорайоны и даже деревни.

Где начинается город? Нигде. Понятие города погребено численностью населения. Сегодняшняя Джакарта напоминает человека на перепутье. Ей предстоит выбор между традиционным образом жизни и современным стилем, выбор более трудный, чем на Западе, где человек может схорониться за стенами своего укладного быта, спрятаться в своей работе, где он защищён «достигнутым положением». Джакарта — город, выпирающий из всех рамок, и в этом смысле символ сегодняшней Индонезии, желающей жить самостоятельно, нащупывающей свой собственный путь в хитросплетении современной экономики. Но в

Джакарте, кроме того, целый сонм людей, потерявших точку опоры, сидит между двух стульев. Это — волнующий город, волнующий смешением рас и языков, своей непохожестью и пронзительной человечностью.

Каждая встреча на улице сулит открытие: здесь видишь людей на всех стадиях общественного развития. Разнятся и лица: тёмные суматранцы с жёсткой шевелюрой, светлокожие китайцы, золотистокоричневые балийцы, оливковые яванцы, буги — желтолицые мореплаватели с побережья Сулавеси. Тут встретишь людей из всех районов Индонезийской республики: рослых парней из Аче, насупленных батаков, быстроглазых минангкабау, смешливых сунданцев, мадурцев в чёрных шапочках, замкнутых яванцев^[1]; порой мелькнёт папуас в одной набедренной повязке, шагающий через улицу с сумасшедшим движением, словно по пустынному берегу...

Рядом сосуществуют вечное и сегодняшнее, нужда и излишество, крайняя бедность и беспредельное богатство: босая женщина, одетая в цветастый батик, кормит грудью ребёнка у подножия эскалатора многоэтажного универсама, мужчины играют в шашки, сидя на корточках, прямо на тротуаре.

Жизнь в этом городе протекает на улице. Здесь спят, работают, ведут бесконечные беседы, не обращая внимания на снующие автомобили. Рядом с лакированными американскими лимузинами трясутся старые колымаги, «опелеты» по-местному — невообразимые конструкции из досок и металлолома, оставшиеся со времён второй мировой войны. Глядя на них, ждёшь, что они вот-вот проломаются под тяжестью груза. Но индонезиец как истый мусульманин относится к судьбе с непоколебимой верой и покорностью. Каждый день он продлевает жизнь своему детищу, и оно продолжает годами ездить на последнем дыхании.

Роль такси выполняет «бечак». Это прочный голландский велосипед, к передней части которого приделано нечто вроде диванчика на колёсах с навесом от солнца. В подобном экипаже мощностью в одну человеческую силу зачастую не хватает необходимых деталей, но он непременно украшен множеством аксессуаров; велосипед ездит на литых шинах с сомнительными тормозами, но зато на нём развешаны разноцветные метёлочки, наклеены почтовые открытки и прочее в зависимости от фантазии водителя... А уж любезность водителя беспредельна! Велотаксист готов отвезти вас в любой квартал города... даже туда, куда вы вовсе не собирались ехать.

Колесницы принадлежат, как правило, китайцам, которые сдают их внаём нищим водителям, живущим на скудные чаевые. Те не тешат себя надеждой стать в один прекрасный день владельцами велотакси, поскольку стоимость бечака — двадцать пять тысяч рупий — превышает их годовой заработок.

Бечак, вообще говоря, — средство передвижения для привилегированных. Куда чаще встречаются пешие носильщики с гибким бамбуковым коромыслом на плечах. Тяжесть груза, болтающегося на концах коромысла, вынуждает человека двигаться быстрым шагом, почти скачками. Так переносят жестяные бидоны с хрустящими рисовыми лепёшками, разноцветные корзины с фруктами, привязанные за ноги туши баранов, а то и целые кулинарные агрегаты: маленький столик с приделанными к нему баночками для специй на одном конце и бидоном с супом на другом. Вся уличная торговля производится таким простым и дешёвым способом. Чтобы проложить себе дорогу в толпе, продавец колотит друг о друга бамбуковыми палочками. Другой способ — крик. Это может быть и вопль, и кудахтанье, и свист, и гавканье в зависимости от предмета торговли — разносит ли он

суп или «сате» — кусочки баранины на шампурах, табак, фрукты или цыплят. Когда торговца останавливают покупатели, он слегка приседает и опускает наземь весь груз. Мгновение спустя он вновь пускается в путь, топоча по мостовой босыми пятками.

А вот передвижная аптека: женщина — врач, знахарка и колдунья в одном лице — тащит за спиной в большой корзине всю фармакопею в разнокалиберных бутылочках. За пятьдесят рупий вы можете купить у неё здоровье — нет-нет, не литр, а только стаканчик! Боли, раны, бесплодие — она лечит все. Её чудо-эликсиры, похоже, в особенности по душе женщинам, которые окликают её из каждого ларька.

Улица поставляет мастеров на все руки. За несколько рупий заблудившийся европеец легко сыщет гида, который доведёт его до отеля. Если он охоч до экзотических яств, ему подадут в ресторане блюдо из змеи, обезьяны или собаки. Если он едет в машине и у него кончилось горючее, на любом перекрёстке непременно найдётся полуголый владелец нескольких бидонов бензина по два литра ёмкостью... Подпольные менялы тут же предложат ему «очень выгодно» обменять его доллары, если только он не решит рискнуть ими за карточным столом в квартале увеселений.

Нищих почти не видно... Разве что детишки, вымазанные белой и красной краской, поют и пляшут на тротуаре под аккомпанемент тамбуринов...

Невозможно перечислить все занятия уличной толпы, вынужденной искать себе пропитание. Лишь пятая часть населения имеет постоянную работу, остальные должны, чтобы выжить, заниматься всевозможными эфемерными делами. Но скороспелое суждение об Индонезии по нашим европейским меркам будет неправильным: несмотря на стеснённые

обстоятельства, люди сохраняют главную человеческую ценность — свободу.

Джакарта, подобно Амстердаму, — город каналов. Голландцы в первую очередь прорыли их, очевидно, в память о своей далёкой стране. В былые времена по водным артериям пакетботы доходили до центра города. С тех пор пески успели занести каналы и порт обмелел. Но каналам нашлось другое применение. На рассвете и вечером, когда заходящее солнце приглушает краски, мужчины, женщины и дети совершают здесь омовение. Глубоко вдавленные в землю каналы, пересекающие основные магистрали города, служат для удаления сточных вод. Однако вода, какой бы она ни была, призвана очищать тело. На Западе забота о гигиене отъединила нас от природных источников. Для индонезийцев Джакарты кроме как в «кали»^[2] воды больше в городе нет, и люди пользуются ею. Звучит смех. Дети брызгаются, повизгивая от радости. Взрослые полощут зубы, чистят их мягкими корешками. Над поверхностью кали чернеют головы, сверкают зубы. Люди очищаются от скверны. Их всех объединила вода.

Падает ночь. Солнце исчезает очень быстро. Только воздушные змеи мелькают кое-где в гаснущих лучах. Их дёргают за нитки на пустырях, стараясь поднять как можно выше в неподвижном воздухе. Когда они с шуршанием падают, кажется, что это обессиленные бабочки возвращаются на землю. Развлечение исполнено наивной прелести.

Ночь взрослит. Она приносит резкие возбуждающие запахи, которые дурманят голову, пробуждают чувственность, запахи страсти и тела, от которых начинают бегать мурашки по телу. Из глубин лавчонок

мерцают неверные огоньки керосиновых ламп, окружая ореолом умиротворённые, улыбающиеся лица. На жаровнях в кокосовом масле шкварчат кусочки сате. Дети лёгонькими ладошками берут толстенные рисовые лепёшки. Запахи манго, мандаринов, сигарет с гвоздикой придают фантастический аромат ночи, бурлящей звуками и желаниями. Мужчины собираются в кружок у зыбкого огня, приткнувшись спиной к невидимой стене. Ночь — их дом, их очаг, их прибежище. Тени искажают предметы, расстояния, лица. В отличие от европейской ночи, которая сгущается вокруг нас, не оставляя ничего, кроме звёзд над головой, индонезийская ночь размывает тьму, разжижает её влажной жарой.

Чем ближе к порту, тем плотнее жмутся к земле строения. В тёмных лужах лежат, тупо глядя перед собой, буйволы. Чуть в отдалении кое-как сколоченные дощатые хибары клонятся на покосившихся сваях, между ними носятся стайки ребятишек. Женщины, прежде чем исчезнуть в дверном проёме, посылают загадочные улыбки.

Ветер доносит запах моря, запах простора. А вот и оно само, море. Позади рыбацких селений, на песчаном берегу, где умирают тёплые волны, лежат баркасы с резными носами. Они вырублены из древесных стволов. Узкие длинные судёнышки, на которых ходят на вёслах или под парусом, похожи на вытащенных на песок рыбин. А изукрашенные фигуры чудищ на носу призваны отвести дурной глаз от рыбаков, дать знак морским монстрам, что это — «свои»...

Танджунгпериок^[3] — новый порт Джакарты. Когда голландцы строили Батавию, ставшую после обретения независимости Джакартой, они решили разбить здесь главный порт Индонезии; никто не предполагал, что русло каналов так быстро занесёт песком. Уже в 1887

году пришлось перенести порт на десять километров ближе к океану^[4]. Сегодня Танджунгприок и Сурабая — основные морские ворота страны. Но, хотя к причалам там подходят океанские лайнеры, рыбу по-прежнему ловят по старинке.

Вот как выглядит оригинальный способ «лампаро»: в большое деревянное «окно», сколоченное из бамбуковых планок, опускают подобие верши, а люди, стоя наверху, зажигают факелы. Привлечённая светом рыба собирается в центре ловушки, откуда её вытаскивают в лодки.

Яванское море неглубокое, рыба ловится хорошо. Длинный баркас рассекает поверхность воды, а гребцы восьмером, стоя, налегают на весла. Позади баркаса по дну тянется сеть. Сделав круг, баркас останавливается, ныряльщик подхватывает сеть за край и подтягивает к борту. Гребцы ритмично вскрикивают в такт, наваливаясь всем телом на весла, а вперёдсмотрящий на верхушке мачты выглядывает рифы.

Улов попадает на рынок — громадное пропахшее рыбой строение ангарного типа, откуда несётся концерт голосов и звуков. На пол, скользкий от чешуи, ведрами льют воду. Здесь вас охватывает ощущение свежести: поблёскивают в полумраке рыбы спины, торговли, сидя на корточках, брызгают на них с ладони водой, снуют взмокшие мужчины. Толпа, волнуясь, течёт между прилавками. Здесь покупают, продают, закусывают... Но богатство красок этого торжища не даёт забыть о бедности. Добывание рыбы на Яве, как и повсюду, — это тяжкий труд, едва-едва позволяющий не умереть с голоду.

И наверное, чтобы оспорить нищету, отречься от неё, утешить себя, Джакарта устремляет к небу гранит, бронзу и золото своих памятников. Почти все развивающиеся страны утверждают себя возведением

монументов-гигантов, символов новой нации, видя в этом залог будущего.

Статуя в ознаменование освобождения Западного Ириана^[5] переходит в бетонную стрелу, которая разрывает цепи колониализма и одновременно бросает вызов законам тяготения.

На площади Мердека^[6], вокруг которой расположено большинство административных правительственных зданий, президент Сукарно воздвиг огромный обелиск, на вершине которого горит золотое пламя весом в сто пятьдесят килограммов — гордость индонезийцев. В цоколе этого сооружения Сукарно намеревался разместить подобие музея восковых фигур, где в четырех композициях рассказывалась бы история Индонезии. Восковые персонажи должны были иллюстрировать то, как протомалайская культура^[7] испытала индийское, затем арабское и, наконец, голландское влияние. В специальном углублении предполагалось изобразить сцену прихода к власти Сукарно и этапы его деятельности. Но оно так и осталось пустым: мрачное предчувствие остановило президента. И действительно, в скором времени он был смещён.

В Джакарте выстроен также стадион на сто тысяч мест^[8], проложены широкие автострады.

Но все это — на поверхности. В глубине души индонезийцы, даже живя в столице, остаются связанными узами традиционной деревенской структуры. Они живут «кампунгами»^[9] — замкнутыми общинами, внутри которых действуют строгие законы. Узкие, зачастую непроезжие улочки складываются в соты гигантского улья по имени Джакарта.

Общинное сознание этих тесно спаянных городских деревень не в силах примириться с разрушением традиций. Община в Индонезии значит гораздо больше,

чем личность; община решает за человека все и яростно встаёт на защиту своих законов и верований.

Есть две Джакарты, тесно спаянные друг с другом: с одной стороны, традиционный город, состоящий из конгломерата деревень, с другой — Джакарта современных билдингов, обрисовывающих облик будущей столицы. Строгим контурам западной архитектуры город сопротивляется зыбкими формами деревянных лавчонок, живой массой покосившихся построек. Жизни в доме город предпочитает улицу, которую он наводняет пёстрой толпой. Широкие проспекты обрамлены курятниками. В небоскрёбах порой нет крыши, часто — воды и электричества; так они и высятся мрачной глыбой, словно символы половинчатой модернизации. Улицы асфальтированы, но тротуары по-прежнему земляные, в лужах. Мужчины по европейской моде носят брюки, но туфли встречаются не часто. Коловращение захватывает в водоворот событий разнородные явления; так, увядающее ремесленничество на потребу туризму все больше и больше стандартизирует свою продукцию; с другой стороны, попытки рационализировать быт по западному образцу не вписываются в рамки будничной жизни и остаются покамест не связанными с природными особенностями страны, её климатом, национальным характером. Западный рационализм не терпит компромиссов. В результате всепоглощающего желания подчинить себе все и вся, не считаясь ни с какими местными особенностями, формами жизни и традициями, Запад демонстрирует своё уродство, свои задворки. Его порождения, кичливо выставленные напоказ, где не следует, выглядят абсурдными. Колонизированный Восток — это окарикатуренный собственным тщеславием Запад.

ГЛАВА II

БОГОР И ПУНЧАК

Джакарта — своего рода анклав в провинции Западная Ява, которая занимает весь запад острова до границы, соединяющей Черибон на северном побережье с Чилачапом на южном. Долина Джакарты, прилегающая к Яванскому морю, в центре переходит в гористую возвышенность, которая круто обрывается в Индийский океан.

Вытянувшись на двести пятьдесят километров в длину и на пятьдесят в ширину, прорезанная реками, несущими плодородный ил, громадная долина, насколько хватает глаз, устлана плоскими рисовыми полями. По мере подъёма по склонам вулканов пейзаж становится богаче, появляются посадки других культур, климат увлажняется. По всей Индонезии, даже на северных склонах Джакартской долины, там, где вулканические возвышенности полого спускаются к морю, растёт гевея. На каучуковом дереве делают спиралеобразный надрез, и белёсый сок через воткнутую в ствол бамбуковую трубочку стекает в пустую половинку кокосового ореха. Высыхая, сок гевеи становится коричнево-фиолетовой эластичной массой. Несмотря на архаичный способ производства, Индонезия является сегодня вторым в мире экспортёром натурального каучука.

Голландцы завезли на острова архипелага культуру хинного дерева и были монополистами в производстве хинина, пока монополию не подорвали синтетические вещества.

Раньше Азия рисовалась нам жёлтой. Теперь мы увозим зелено-коричневый образ Азии. Набухшее от влаги низко висящее небо, мягкие контуры рисовых

полей, запах зелени, тающий в сыром воздухе, — все это оставило в памяти смутное ощущение влажной дрёмы. Прямоугольные формы европейских городов и селений контрастируют с мягкими очертаниями Индонезии. Прямые линии сталкиваются, изогнутые — сопрягаются. Жизнь на Западе, упорядоченная и расчерченная, проходит целиком за стенами домов. В Индонезии все скользит, течёт, переплетается: страна округлостей и склонов, страна гибкости и причудливых линий...

В городе людское скопление не оставляет места зелени, город — это пыль, пот, работа. Но за его окраиной царит влажная зелень деревьев и громадных кустов, растительное неистовство, гудение стволов, скрежет листвы, говор коричневых вод, несущих белую пену. По дороге из Джакарты в Бандунг попадаешь в другой мир — мир приручённой человеком природы.

Дорога медленно высвобождается из цепких лап столицы, чёткие границы угадать невозможно. Вплоть до Богора идут чередой дома — маленькие, на низких сваях, отделённые квадратиками зелени — банановыми и кокосовыми рощицами, среди которых копошатся коричневые тела. Каждые десять метров встречаешь индонезийца, чаще всего с длинным бамбуковым коромыслом на плече, настолько длинным, что концы прогибаются до земли; этим шестам суждено стать мачтами каркасов. А «панели» из плетёных бамбуковых нитей, которые мужчины переносят на голове, — это будущие стены лёгких индонезийских домов.

Богор, лежащий на высоте двухсот шестидесяти шести метров над уровнем моря, получает наибольшее количество осадков. Бывшая официальная резиденция президента Сукарно, а сегодня дачное место состоятельных джакартцев, этот город известен главным образом своим ботаническим садом, который

специалисты считают богатейшим в мире. Деревья, высаженные по линейке, тянутся к небу. Это подлинное пиршество природы, собрание её причуд и щедрот. Сад напоминает скорее буйный лес. Каждому растению здесь позволено свободно выразить себя; человек освободил его от плена ползучих кустарников и цепких паразитов, поместил в идеальные условия.

Филодендроны, в особенности *Филодендрон трипартитум* из Венесуэлы, заворачиваются в собственные корни. Их мантии ниспадают сверху, словно каменные одежды средневековых статуй. *Фагара литоралис* с Суматры, *Цизоксилум* с Явы, *Рефидора пинната* с Соломоновых островов, *Ригота алота* из Индии... За этими музейными наименованиями кроются пышущие здоровьем гиганты.

Едва ли не самое любопытное — безлистное дерево *пентас*. На его ветвях тихонько покачиваются чёрные комочки: это, спрятавшись под своими блестящими кожистыми крыльями, висят вниз головой индийские лисицы^[10] — своеобразная разновидность летучих мышей. «Живые листья» пентаса, стыдливо натянув на головы мембраны крыльев, прячут внутри рыжеватый мех. Непроницаемая плёнка создаёт впечатление, что это действительно какие-то диковинные плоды. Но едва заслышав подозрительный шум, «калонги» — так их зовут в Индонезии — разворачиваются, и изящные вещицы на глазах превращаются в жутких монстров. Гибкие тонкие перепонки расправляются с сухим треском, и летучая мышь, словно чёрный вестник несчастья, поднимается в воздух, испуская пронзительные крики. Калонги носятся в небе, покрытом дождевыми тучами, пропуская желтоватый свет сквозь прозрачные крылья, а потом вновь падают на ветви, лениво обмахиваясь.

В прудах, обсаженных экзотическими плакучими ивами, плавают гигантские лотосы, достигающие одного метра в диаметре; на них свободно помещается ребёнок. Их мясистые цветы — белые, сиреневого или бледно-розового оттенка — поистине дивной красоты.

Во влажной жаре теплиц распускаются собранные со всего света орхидеи, переливаются всеми оттенками зелёного кактусы с белыми прожилками. Дотрагиваясь до листьев, чувствуешь под рукой нежную губку, пропитанную водой. Теплица выявляет интимную жизнь растений, их чувства. Крыша, смыкающаяся над головой, создаёт впечатление, будто мы погрузились под воду и плывём в сокровенной глубине растительного мира, чувствуя биение его сердца...

Между Богором и Бандунгом дорога поднимается на высоту тысячи метров, минуя окутанный туманом перевал Пунчак. Плантации чая покрывают склоны. В своё время голландцы строили здесь дачи, чтобы хоть на несколько часов вырваться из пекла Джакарты. Четырёхгранные дома под яркими черепичными крышами среди зелени напоминают некую экваториальную Швейцарию. Зелень чайных кустов, зелень Индонезии — это цвет детства, но и цвет мудрости. Туман растворяется по мере того, как солнце поднимается к зениту. Холмы становятся ослепительно зелёными, мир брызжет свежестью и влагой. Он величествен.

Понемногу чай уступает место рису: мы спускаемся в Бандунгскую долину. Разрезанная пополам рекой Читарума, она глубоко входит в вулканические массивы — Салак на востоке, Гунтер и Галунгунг на севере. Виден Тангкубан-Прау — вулкан с двойным кратером в форме трапеции. Его название означает «Перевернутый корабль». Регулярно над конусом поднимаются с нутряным бульканьем серные пары — это дышит земля.

Вокруг дымящегося вулкана на много километров окрест все черно: обугленные деревья, изборождённая земля, где в складках прячутся хилые кустики.

В этом опустошённом пейзаже есть что-то грандиозное, как в пампе, тундре или степи. В нем чувствуется зов простора — путь свободен, все дозволено; это призыв к единоборству с дикой природой.

На Яве не перестаёшь поражаться щедрости окружающей природы. И не мудрено, что человек населил это пышное богатство целым сонмом богов и духов. Поэтому в Индонезии ислам, монотеистская религия, родившаяся в пустыне, не смог одолеть воинства богов матери-Природы.

ГЛАВА III

СУНДА

Кроме долин северного побережья в глубинных районах Западной Явы есть ещё две долины — Гарут (высохшее озеро, сохранившее плодородный ил) и Бандунг. Последняя сказочно богата, урожаи риса-падди здесь самые высокие в стране. Долина Бандунга выделена в административный округ, населённый в основном сунданцами^[11]. Эта народность отличается от остальных яванских этнических групп; у сунданцев свой язык, своя культура и своя собственная история. До того как подпасть под власть Джакарты, Сунда была самостоятельным государством. В течение нескольких веков королевства Западной Явы вели нескончаемые войны с королями Центральной Явы.

Как считают многие лингвисты, слово «Сунда» происходит от санскритского «сунд», что значит «блестящий, сверкающий, озарённый»; в индуистских эпopeях так звучит одно из имён бога Вишну. Этому слову мы обязаны наименованием архипелага Зондских островов. Сунда существовала уже в начале нашей эры, о чём свидетельствуют санскритские надписи, обнаруженные археологами в окрестностях Бандунга^[12]. На картах европейских мореплавателей раннего средневековья указывались смутные границы этой страны, прославившейся своим богатством и могуществом. Первое сунданское королевство возникло в начале пятого века. Короли Сунды сменяли друг друга на престоле, пока, с приходом ислама в Индонезию, яванцы не лишили их самостоятельности.

Наибольшего расцвета достигли Галухское и Паджажаранское королевства в XIII—XVI веках. В начале XIV века мы находим первые упоминания о

могущественном Паджажаранском королевстве. Эта эпоха знаменовала собой апогей, а вскоре и закат великих династий Западной Явы. Неудачный брак вызвал кровопролитную войну между паджажаранскими сунданцами и яванским королевством Маджапахит. Военный конфликт окончился полным разгромом сунданских войск под Бубатом в 1351 году. Это поражение подкосило Паджажаранское королевство, а приход ислама ознаменовал его падение. Центром новой религии стали мусульманские султанаты Бантам и Черибон.

Сунданцы, хотя и сделались впоследствии ревностными мусульманами, до наших дней сохранили известную неприязнь к яванцам. Голландцы очень ловко пользовались этим для нужд своей колониальной политики.

В индонезийской армии дивизия Силиванги, набранная из сунданцев, считается одной из самых боеспособных. Именно она сыграла решающую роль во время трагических событий 1965 года^[13].

Столице сунданского края Бандунгу отведена важная политическая роль в нынешней Индонезии. В 1953 году там проходила знаменитая конференция афро-азиатских стран. Кроме того, это центр традиционной культуры, о которой мало известно на Западе, поскольку европейцы интересовались в основном цивилизациями Центральной Явы.

Сунда — гористый край. После Бандунга дорога все время вьётся по склонам вулканов. Идущие террасами рисовые поля — «савахи» раскрываются подобно складкам мокрого веера. В их слепящем зеркале темно-зелёными рамками лежат тени лесов. Выше между плантациями чая появляются первые хвойные деревья.

Работая, люди сбивают саронг^[14] на шею, а то и на голову. С мотыгой на плече или коромыслом, на концах которого раскачиваются две бамбуковые корзины, они спускаются пружинистой походкой по выложенной камнем дороге. Широкоскулые коричневые лица горцев напоминают мексиканских или перуанских индейцев.

Приёмы полевых работ не изменились за тысячу лет; точно так же работали предки сунданцев. Воду для рисовых полей собирают в особых прудиках, расположенных на разных уровнях по склону горы. Перетекая из одного бочажка в другой, вода расходится по бесчисленным капиллярам. На самом верху плотина удерживает воду и разделяет её на несколько параллельных потоков, идущих к савахам. Каналы перегорожены бамбуковыми решётками, на которых оседают трава и мусор. Между бочажками насыпаны земляные дамбочки ровно такой ширины, чтобы смог пройти человек. Дамбочки сплетаются в причудливый хоровод, повторяющий складки рельефа. Кроме того, между полями проложен бамбуковый водосток из вставленных друг в друга стволов.

Крестьяне следят за ним с особым тщанием. Бамбук весьма ценный строительный материал — на то, чтобы вырастить ствол нужного диаметра, уходит не меньше шести лет.

Там и сям по склону разбросаны сторожки на сваях: те, что поменьше, зовутся «саунг»; те, что побольше, — «ранггон». В них крестьянин отдыхает, готовит подношения Матери риса или же дёргает за верёвку из бамбуковых волокон, идущую от хижины к вбитому посреди рисового поля шесту: скрежет бамбука отпугивает птиц. На Яве мы видели и другие типы пугал: умело подобранные кусочки бамбука, которые колотятся под ветром друг о друга, или большую соломенную куклу, укреплённую меж двух шестов.

Когда нижнее рисовое поле наполняется водой, об этом крестьянина оповещает трещотка — «панчуренданг»: вода переливается на бамбуковые лопасти, с мелодичным звоном ударяющие по полому стволу бамбука. С нижнего рисового поля женщины берут воду для стирки.

Сунданцы стараются возделывать небольшие савахи: работать на маленьком поле легче. Сельскохозяйственный цикл включает множество работ. Вначале высевают рис на рассаду, взрыхляя землю мотыгой и сохой на глубину тридцати сантиметров. В соху запрягают двух буйволов. Само орудие состоит из деревянного штока, иногда с металлическим наконечником. Верхний конец крепится к буйволоу упряжи. Часто он украшен резным «бушпритом», который плывёт между голов животных. В ноздри буйволам продевают верёвочку, которую крестьянин зажимает в кулаке. На пахоте человеку приходится всем телом налегать на соху, двигаясь почти по колено в жидкой грязи; следуя за ним, помощники переворачивают глыбы земли. Все одеты в чёрные холщовые штаны и рубахи, на головах — островерхие шляпы. Как правило, крестьяне поют и выкрикивают в такт.

Наконец почва выровнена. Поле готово принять семена. Деревенский мудрец — «пундух», хранитель традиций, начинает церемонию приношения: у восточного края поля он втыкает жертвенное дерево — иногда это просто ветка, увешанная пучками ритуальной травы, — воскуряет благовония. Приносит дары. Старик бормочет молитвы Матери риса, прося её защитить будущий урожай.

Согласно мифу, мать богини зачала дочь от борова. Эту дочь по имени Ньяи Поачи верховный владыка всех сунданцев Санг-Янг однажды в припадке гнева принёс в жертву. Тело девушки обратилось в зёрнышки риса и

травы, которые по традиции используют в ритуальных обрядах^[15].

Прежде чем рис созреет, его пересаживают на возделанное поле и боронят. Девять первых снопов нового урожая, перевязанные крест-накрест лентой, торжественно проносят через всю деревню и складывают в общественном амбаре. Они останутся неприкосновенными.

Надо заметить, что орудиями труда пользуются только мужчины; женщины работают голыми руками. Таков непреложный закон деревенской жизни. Женщинам достаются работы, требующие умения и долготерпения, мужчинам — операции короткие, но требующие мускульной силы.

Время жатвы — это ещё и время свадеб, время больших празднеств — «сламетанов».

Свадьбу празднуют дважды: вначале молодых венчают в мечети, а затем — по сунданскому обряду в деревне. Невесту запирают в родительском доме, и её символически выкрадывают дружки жениха. Они поют под окнами серенаду, умоляя отворить двери; им отвечает из дома старуха мать. Наконец двери распахиваются. На пороге разбивают куриное яйцо. После этого новобрачная зажигает пять волшебных травинок, а муж старательно заливает их водой. Собравшиеся односельчане осыпают молодых горстями риса и мелких монет; поверье гласит, что тому, кто дотронется до новобрачных, это приносит счастье. На застланную постель выкладывают многочисленные подарки; по большей части потом ими в хозяйстве не пользуются. Новобрачные, проведя в доме молодой три дня, переходят затем в дом мужа.

Если родители противятся браку, молодые, сговорившись, убегают в лес. Когда они возвращаются,

деревня выходит их встречать с весёлыми доброжелательными шутками.

Если поутру семья рассылает знакомым пакетики, в которые завёрнуты цветы, щепоть риса и несколько листочков, это означает приглашение на завтрашний пир. По содержанию подарка гости могут судить о характере торжества — будет ли праздноваться обрезание сына, подпиливание зубов дочери или свадьба. Семья готовится к этому событию много дней. Женщины впрягаются в работу: пекут на кухне «болу» — жёлтые квадратной формы сладкие пироги, «опак» — хрустящее печенье из рисовой муки и бесчисленные разновидности «крупука»^[16]. Кстати сказать, чтобы приготовить их в таком сыром краю, требуется недюжинное искусство... Яства украшают сахарными рыбками, шоколадом, посыпают цукатами. Отдельно готовят церемониальные блюда для умерших предков и Матери риса. Пьют в основном чай: как правило, индонезийцы не потребляют спиртного.

Перед входом в дом, где играется свадьба, воздвигают эстраду. С трех часов пополудни до утра кукловоды-«даланги» устраивают там представление. Это зрелище собирает всех от мала до велика.

Заезжему чужестранцу даланг может показаться обычным кукловодом. В действительности это артист высокого класса. С младых ногтей он посвящает себя изучению и совершенствованию мастерства. В былые времена будущего даланга посылали в учение к мудрецу-отшельнику, жившему в пещере высоко в горах. Обучение длилось годами. Кукольное ремесло требует от человека исключительной памяти, ведь ему приходится играть наизусть всю эпопею Махабхараты со множеством вариантов и отступлений. Представление театра ваянг^[17] не просто спектакль.

Это ещё и глас божий, урок житейской мудрости, коллективное священнодействие.

Даланга часто приглашают издалека и платят ему большие деньги. Вот он сидит, скрестив по-портновски ноги, позади свежесрубленного банана, в который воткнуты куклы. Театр насчитывает сто семьдесят два персонажа; по левую руку стоят «добрые», скромного вида, опустившие очи долу; по правую руку — «злые», с выпученными глазами и наглыми физиономиями. Даланг по большей части сам изготавливает своих кукол из акации. До того как начать вырезать и расписывать их по канонам древней традиции, он семь дней постится и сорок дней должен оставаться чистым помыслами и телом. Его работа — это акт вдохновения. Правда, в последнее время жертвенная сторона искусства все больше отходит на второй план.

На даланге традиционный сунданский тюрбан — «тотопонг». Перед началом представления даланг возносит молитву, подставляя «древо жизни» на восемь ветров. Он поворачивает его во все стороны, а потом ставит рядом с собой. Древо жизни выглядит, как вырезанный из целого куска кожи цветок полуметровой высоты, разделённый вертикальной чертой пополам — на стороны добра и зла. Раскрашенный цветок символизирует семь этапов, ведущих к познанию мудрости. Древо жизни, или древо мира, призвано привлечь богов к далангу; именно они будут говорить во время действия через его посредство. Так даланг устанавливает связь между небом и землёй, богами и людьми. Древо жизни он перед каждой интермедией водружает на новое место.

Народное мифотворчество перемежает сюжеты Махабхараты с событиями бурной истории древних сунданских королевств. Вначале показывается придворный танец времён Паджажарана. Даланг с необыкновенной ловкостью заставляет кукол ритмично

кланяться друг другу, а за его спиной певицы тягучими голосами вторят рассказу. На всех куклах платье из батика, руки на ниточках движутся вверх и вниз. Персонажи различаются прежде всего причёсками: у каждого она символизирует определённое свойство характера. Переходя от одной куклы к другой, даланг ударяет ногой по трём металлическим полосам; этот инструмент называется «кечер». Кроме того, кукловод каждый раз меняет тон голоса. Быстро просовывая руку под платье кукле, он пальцем поворачивает ей голову. Деревянные палочки, прикреплённые к рукам и ногам кукол, позволяют далангу виртуозно имитировать батальные сцены: добрые вступают в бой со злыми, музыка убыстряет темп. В театре ваянг нет коротких сцен, диалоги тянутся без конца, в решающие моменты вступают кечер и ксилофоны. Традиционный порядок ревниво сохраняется.

Близится ночь. Черты лица даланга становятся резче, глаза блестят, его рассказ завораживает аудиторию. Перед зрителями раскрывается подлинное таинство.

Даланг перемежает рассказ намёками на современную жизнь Индонезии, отпускает остроты по адресу того или иного политического деятеля округи. Одному из персонажей — Семару^[18], посланцу богов на земле, позволено говорить правду. Но особенные симпатии вызывает племянник Палдавов^[19] Гатоткача, своего рода сунданский рыцарь Байяр^[20]. Он обо всём говорит без утайки. Театр ваянг в этом смысле служит отдушиной; на время представления снимаются запреты, можно высказывать и такие вещи, которые обычно никто не решается произносить вслух. Ведь устами кукол говорят боги, а им все дозволено...

За спиной даланга расположился гамелан. Эти оркестры различаются по месту происхождения. Чаше

всего они играют на праздниках или сопровождают представление театра ваянг. Музыка создаёт зрителям необходимый душевный настрой, обволакивает их покровом таинственности. Она в равной степени нужна и самому далангу, и аудитории. Ритм, заданный гамеланом, подхлёстывает кукол, и очень скоро вместо деревянных изваяний зрителям являются подлинные герои — носители высоких идей. Вот почему на лицах сидящих женщин, мужчин, детей появляется выражение собранности и какого-то напряжения, хотя по ходу действия звучат и смех, и шутки... Жизнь продолжается — люди едят перед сценой, спят, женщины кормят грудью младенцев... Над всем этим царит даланг. По-звонку ксилофонов, тягучие голоса певиц, запах ладана, блестящие от пота лица женщин, потрескивание керосиновых ламп погружают нас в обстановку мистерии. Человека охватывает разом и внутреннее волнение и какое-то умиротворение. Приобщение к мудрости героя Арджуна, чьи добродетели известны всем индонезийцам, захватывает присутствующих. Искусник-даланг сумел создать среди обыденности волшебный очаг, согревающий мир.

Сунданский гамелан включает:

Два ксилофона — большой, «сарон барунг», и малый, «сарон панерус». Их медные пластинки, по которым бьют деревянными палочками, крепятся на резном основании типа деки. Часто в одном гамелане встречаются два сарона барунга и сарона панеруса.

«Бонанг», напоминающий ксилофон: на деревянную раму натянуты струны, поверх которых крепятся перевёрнутые медные тарелки. Музыкант, сидя на корточках, бьёт по ним молоточками, для смягчения звука обёрнутыми материей. Аналогичного типа инструмент встречается и на Центральной Яве, но там на деревянном корпусе ставят медные вазы,

наполненные водой. Звук в этом случае получается очень насыщенный.

«Генданги» — пузатые барабаны, с обеих сторон обтянутые кожей. Бьют в них обычно руками, акцентируя ритм.

«Ребаб» — инструмент арабо-персидского происхождения, родственник скрипки. Его держат вертикально между колен и водят по двум струнам мягким смычком. Позади ребаба стоят три певицы.

Кечер, уже упоминавшийся выше, состоит из трех скрещённых металлических пластин. По ним бьют молоточком или ногой.

Два гонга — мать и сын — висят на вертикальных богато изукрашенных рамах; в каждом не менее метра в диаметре. Чем древнее гонг, тем он дороже — в старину кузнецы-умельцы владели секретом изготовления их из цельного куска металла. Сейчас эта техника утеряна.

Сунданский гамелан выглядит не броско, в нём нет причудливого яванского изыска.

В гамелане как бы противопоставлены два типа инструментов: с одной стороны, ударные — гонги, сароны, бонанги, с другой — струнные, типа ребаба, которым вторят голоса певиц. Ритм служит фоном, по которому свободно гуляет мелодичный ребаб; вместе с певицами он рассказывает, не переводя дыхания, непрерывную историю. Словно разматывается из глубины души тончайшая нить, пульсируя в ритме ударов, среди которых выделяется гонг — стержень гамелана. Индонезийская музыка не начинается и не кончается — она существует всегда, унося на своих крыльях человека ввысь. Слушая гамелан, кажется, что ты пьёшь, пьёшь, не будучи в силах утолить жажду, ощущая лишь, как тягучее питьё входит в тебя помимо воли.

Считается, что Мать риса очень любит звуки «таравангсы». Это разновидность очень тонко звучащей виолы, сделанная из резного тика. Три струны вибрируют от прикосновения смычка, которым водит один из старейшин деревни. Голос таравангсы — это голос души риса.

Таравангсе вторит «кечапи», инструмент из восемнадцати или двадцати четырех струн, которые при игре подцепляют ногтем. Дека кечапи достигает полутора метров и по краям украшена резьбой. Весь инструмент напоминает корабль. Считается, что глубокое звучание кечапи лучше других инструментов передаёт нежность. Сегодня таравангса уже редкость в оркестре, только кое-где в горах ещё умеют играть на ней. Зато кечапи — верный страж сунданской традиции и обычно аккомпанирует «пантунам»^[21].

По вечерам кто-нибудь из стариков рассказывает по памяти пантуны, как делают это кельтские барды или лопари. Они повествуют о сотворении мира, о появлении на земле страны Сунды, о подвигах древних героев. Все это — под аккомпанемент восемнадцатиструнного кечапи. Старейшины-горцы семидесяти лет и старше рассказывают нараспев саги — «белуки». Один запекает, остальные подхватывают. Голоса сильные, исполненные уверенности, голоса настоящих горцев.

Кечапи вторит также «флейте-сулингу»; её изготавливают из бамбуковой трубочки с шестью отверстиями и язычком на конце. У сунданцев существуют два музыкальных строя — слендро и пелог. Во втором звуки более протяжные, ими выражают грусть, тоску, томление. Первый строй, более отрывистый, наполняет душу радостью. Одну и ту же мелодию исполняют в двух различных строях.

Сулинг очень тонко передаёт впечатление, которое производит сунданский пейзаж. Флейта звучит плавно, словно повторяя изгибы холмов, переходящих друг в друга. У пейзажа нет возраста. Рисовые поля наводят грусть, когда тучи заволакивают верхушки вулканов, и накладываются одно на другое, словно куски нарезанного горизонта. Рисовое поле становится частичкой неба...

«Гонг-ретенг» — это набор бронзовых ударных инструментов. Подобный тип оркестра находится на пути к исчезновению, секрет изготовления кузнецами этих гонгов ныне потерян. На гонгах играют по особым случаям; обычно событие настолько значительно, что по этому поводу режут козлёнка. Кстати сказать, пундух — человек, ударяющий в гонг, совершает жертвоприношения на рисовом поле. Гонг-ретенг — коллективная собственность деревни, но хранится у пундуха, который передаёт искусство игры на нём из поколения в поколение.

На религиозных праздниках, отмечаемых по мусульманскому календарю, играет оркестр «хадро». Песнопения, которые кто-нибудь из стариков читает по арабской рукописи, сопровождаются одним барабаном. В нужный момент вступают пятеро помощников муллы.

Слушая песнопения, если даже не знаешь языка, ощущаешь глубокое волнение. Видимо, дело в том, что музыка не нуждается в переводе, её характер улавливаешь нутром, отголоски же всегда живы в каждом из нас...

Традиционная сунданская культура больше всего сохранилась в танце. В Индонезии танцуют все — мужчины, женщины, дети; при этом танцы поражают разнообразием стиля и манер.

Существует много танцев «кшатрия». Каждый из танцоров по очереди повествует о каком-нибудь эпизоде из жизни странствующего героя. Чаще всего

роль его исполняет девочка восьми-двенадцати лет. Этот обычай, который мы наблюдали в Черибоне, соблюдается по всему сунданскому краю. Танец «топенг» (в переводе — «маска») рассказывает о том, как герой отправился на поиски разума, но встречал повсюду лишь глупость и невежество. Движениями головы девочка повторяла каждую музыкальную фразу гамелана. На танцовщице были чёрные мужские шаровары, батиковый шарф на бёдрах, за плечами колчан со стрелами. Юный герой, преклонив колено, поприветствовал публику, а затем мелкими шажками отправился в путь по белу свету. Не найдя мудрости на земле, он устремился на небеса. (В этом месте воздушного танца развевающийся шарф за спиной выглядел словно крылья.) Но и наверху, как выяснилось, нет порядка, герой возвращается на землю: ему остаётся лишь с юмором отнестись к такому положению вещей. Лицо его отныне скрытопод маской тщеславияили глупости.

Маска-топенг держится на танцовщице с помощью кожаного ремешка. Старик, стоящий возле гамелана, иллюстрирует человеческую глупость, раскрывая в полный голос сокровенные мысли маски: «Я самый умный, самый красивый, самый сильный...», и смех старика заставляет вздрагивать плечи танцовщицы. Она превращается в живую куклу, повинующуюся голосу деревенского старейшины.

Руки её вздымаются и опадают в такт музыке, как деревяшки у куклы. Голова дёргается, словно на верёвочке. Маленькой исполнительнице десять лет, но уверенность и отточенность движений, их красота и пластичность свидетельствуют о большом мастерстве и глубоком проникновении в образ. Это, безусловно, яркая личность.

Индонезийский танец состоит из чередования фиксированных поз. Положение ноги или руки, наклон

головы или направление взгляда, короче, каждый жест — это символ. Художественный язык танца напоминает древнеегипетские или китайские иероглифы. На Западе танец — это последовательное сочетание движений, где жесты слагаются в пластическо-музыкальную фразу. Движения сами по себе лишены смысла и раскрываются только в сочетании. Положения тела напоминают буквы, приобретающие смысл только будучи сложенными в законченное слово. Восточный танец выражает все одним символом. Здесь противопоставлены как бы два мышления: одно — интуитивное, синтетическое, другое — аналитическое, описательное.

ГЛАВА IV

ШАМАНСКИЕ ЦЕРЕМОНИИ В СУНДЕ

Отправляясь в Индонезию, наша группа собиралась познакомиться с обычаями и нравами этой страны. Никто из нас не рассчитывал увидеть воочию магию и шаманство. Однако нам довелось несколько раз стать свидетелями выступлений факиров, мы видели массовые сцены экстатических трансов. На наших глазах «дукуны» (колдуны, шаманы) подчиняли себе людей. Мы убедились, что в сегодняшней Индонезии по-прежнему живы тысячелетние верования и влияние колдунов очень велико. У президента Сукарно тоже был свой дукун... Шаманы лечат, предсказывают будущее, гадают. Их не следует путать с муллами: те скорее чиновники мечети, официально призванные следить за соблюдением мусульманских обрядов. Под личиной народного зрелища дукуны вершат древний языческий культ анимистского происхождения. Веротерпимость индонезийцев легко допускает подобный дуализм. В этом нашли выражение две стороны религии: догматизм и мистика.

Повсюду в деревнях Западной Явы мужчины танцуют «пенчак» — боевой танец, несколько напоминающий борьбу дзюдо или каратэ. Мужчины состязаются под аккомпанемент гамелана. От традиционного оркестра здесь остаются только два генданга, но зато добавляется ещё один инструмент: труба — «теромпет». К его мундштуку приделаны два полудужья, которые не дают щекам музыканта раздуться до отказа. Пронзительный, колющий, упрямый теромпет выводит на фоне бешеного ритма, заданного грохочущими гендангами, нервную,

назойливую, возбуждающую мелодию. Перед началом борцы кланяются на восемь ветров, сложив руки ладонями перед носом, потом начинают кружиться по краю земляной насыпи; танцуя, они зорко следят друг за другом. Выставив вперёд руки, они норовят, улучив момент, броситься в атаку или отразить нападение. Теромпет накаляет атмосферу. Напряжение все усиливается. Охваченная страстью толпа безмолвствует.

Для пенчака не нужен особый костюм. На участниках широкие штаны, перехваченные в талии ярким поясом. В резких бросках полуобнажённые тела мелькают в воздухе. Вот борцы сплелись намертво. Музыка смолкла, оркестр ждёт, пока один из соперников не разожмёт объятий. Тогда труба вновь взовьётся, разрывая воздух.

Поначалу сходится молодёжь, за ней в борьбу вступают взрослые, а под конец и сам дукун. Весь в чёрном, перехваченный в талии алым шарфом, он горделиво потряхивает гривой чёрных, как смоль, волос. У него нет дома, он — странник. Говорят, он перенял своё искусство у мудреца-отшельника, жившего высоко в горах. Пока это ещё не великий шаман, но его внешность — глубоко посаженные угольно-чёрные глаза, сильные руки, обёрнутые в запястьях лоскутами тигровой шкуры, и большое родимое пятно на переносице — производит большое впечатление. Чувствуется, что это человек с незаурядной волей. Он танцует куда уверенней остальных, оркестр задаёт для него особый темп. Перед дукуном выстраиваются мужчины, вооружённые толстыми бамбуковыми дубинками. Дукун перебегают взглядом с одного на другого. Безжалостный теромпет испарывает воздух, сладостное ожидание, словно дурман, охватывает зрителей, музыкантов, танцоров.

Атмосфера становится напряжённой, почти взрывчатой.

Внезапно гамелан смолкает. Мы впиваемся взором в танцоров, сердце вот-вот выскочит из груди. Дукун склоняет голову, и его противники, потряхивая дубинками, вдруг начинают обрушивать ему на голову мощные удары. После удара по голове полагается ещё нанести удар по спине и ногам. Бамбук раскалывается с сухим треском. Толпа испускает неистовый вопль облегчения. Теромпет вновь взмывает, танец продолжается... У дукуна а на голове ни малейшей царапины, он не проявляет никаких признаков боли или оглушения! Во взгляде прежняя уверенность и твёрдость.

Он перемещается понемногу к стене общественного амбара, потом разбегается и вдруг с размаху головой вперёд ударяется в столб, подпирающий крышу, ещё и ещё раз! Дукун остаётся не только цел и невредим, но, похоже, даже не почувствовал удара. Публика разражается громом аплодисментов.

Глаза у дукуна горят огнём, он не даёт зрителям перевести дух. Схватив стакан с чаем, он залпом выпивает его, а потом... съедает. Слышно, как стекло хрупает на зубах. Дукун медленно жуёт стакан, словно это корка хлеба. Публика хохочет. Видно, она давно знает этот трюк — он входит в классический репертуар колдунов.

Судя по реакции присутствующих, пока что это цирковые номера, призванные продемонстрировать самообладание дукуна и его нечувствительность к боли. Нам предстоит ещё увидеть «лаис» и «бенджанг».

Лаис — это выступление на бамбуковых шестах. Между двумя бамбуковыми шестами высотой по восемнадцать метров провисает прочная верёвка. У подножия сооружения в половинке кокосового ореха курятся сигара и благовония. Дукун добавляет

подношения: девять волшебных травинок, гребень, зеркальце и фрукты. Для лаиса шаман переодевается в женщину: повязывает на голове косынку, стягивает в талии саронг, берег в руку зонтик, даже кладёт немного грима на лицо. Как всегда, он кланяется на восемь ветров. Звучит та же музыка, что и в начале пенчака, — она, похоже, придаёт участникам особый настрой.

Колдун хватается за верёвку и подтягивается наверх. Теромпет и гendanг неистовствуют. Дукун ложится спиной на вершину шеста и балансирует, потом ловким движением садится на верёвку верхом. Ребятишки внизу восторженно хлопают в ладоши. Дукун принимает позу «лотос» и вдруг повисает вниз головой. Он бросает наземь зонтик, потом хватается за верёвку зубами и отпускает руки. Гибкие бамбуковые шесты прогибаются под тяжестью тела, клонятся все ниже, ниже, верхушки их сходятся, и колдун, раскинув в стороны руки и ноги, словно громадная птица, медленно спускается с небес на землю...

Случай привёл нас в глухую горную деревушку, где мы попали на необыкновенную церемонию. В древней психологической драме бенджанг кроме дукуна участвовали актёры из местного населения.

Жители деревни высыпали на пустырь, окаймлённый несколькими свайными хижинами. Женщины и дети расположились по одну сторону, мужчины — по другую. Перед началом действия дукун в задумчивости постоял над чашей с фруктами, в половинке кокосового ореха тихонько дымилась сигара и несколько зёрнышек кофе. Голову шамана венчал традиционный сунданский тюрбан — тотопонг. Этот зелёный убор носят те, кто находится в сношениях с потусторонними силами.

Скрестив ноги и сложив ладони, дукун молча возносил молитву. Позади него, под стеной

общественного амбара, расположился гамелан; среди инструментов выделялись громадные генданги, а знакомый теромпет выводил свою излюбленную тему: ту же, что мы слышали во время пенчака и лаиса.

Все танцоры приукрасились: у одного на шее длинное кольцо, у другого цветастая косынка, у третьего пол-лица выкрашено в белое, у четвёртого на голове причудливая тиара с колокольцами, звякающими при каждом шаге. Рядом с группой танцоров держатся двое мужчин в женских одеяниях — головы повязаны платком, яркие батиковые платья стянуты вокруг талии; в ожидании они переминаются с ноги на ногу.

Дукун расставляет партнёров по местам. Он выделяется среди них чёрной одеждой. Только ярко-красный пояс и зелёный тотопонг оживляют костюм. На запястьях повязаны лоскутья тигровой шкуры и болтаются амулеты, пальцы унизаны кольцами.

Танец начинается. Его движения напоминают прыжки. Раскинув в стороны руки, мужчины движутся по кругу, тщательно следя за положением ладоней.

Ритм убыстряется и очень скоро становится таким бешеным, что танцоры, музыканты и зрители начинают кричать. Крик вырывается как дыхание: на вдохе пронзительный и тонкий, на выдохе — басовитый.

Число танцоров растёт, вокруг шамана уже семеро мужчин. У дукуна горят глаза, изборождённое морщинами лицо не позволяет определить его возраст. Он излучает силу, власть, мощь. Толпа неотрывно следит за ним.

Уже сейчас, на этой стадии, церемония предвещает необычную развязку. Нас охватывает ощущение подъёма, какое-то неистовство поднимается из глубин сознания, кружит голову.

Дукун хватает палки с лошадиными головами и раздаёт их танцорам: те садятся в седла, сплетённые из

рисовой соломы. Удар гонга, ритм ещё больше убыстряется, всадники галопом несутся по кругу.

Шаман достаёт из маленькой корзиночки пригоршню пепла и рассыпает по возвышению. Получается «волшебный круг», внутри которого и будет происходить дальнейшее действо. Родилось новое пространство, священное измерение, за границами которого — все то же безмятежное спокойствие рисовых полей. Не здесь, внутри круга, все иное. В течение несколькими часами мир будет подчиняться иным законам — законам колдуна. Музыка, с прежней силой разрывая воздух, захватила нас без остатка, отрезала от обыденности, от привычных понятий. Время исчезло. Мы вовлечены в таинственный механизм колдовства.

Теперь дукун потряхивает маской, завернутой в белую ткань; ловким жестом он раскутывает её и прикладывает к лицу одного из танцоров. Это красный топенг, который мы уже видели на девочке, изображавшей странствующего героя. Мужчина в маске подпрыгивает, отчаянно крутя головой во все стороны.

Не знаю почему, но вид этой ярко-красной маски рождает подспудное беспокойство, атмосфера с каждой минутой утяжеляется, становясь трагической; звуки отдаются внутри, как эхо. Пытаться быть сторонним наблюдателем, сохранять объективность, продолжать этнографические наблюдения — какое там! Ритмы, краски, кружение танцоров, тревожные лица — все вместе делает церемонию такой насыщенной, что мы не в силах оставаться спокойными.

Вот танцор рывком сбрасывает маску. И шаман тут же достаёт «тигра». Это мешок из грубой холстины с нашитыми чёрными полосами, на верху которого болтается громадная тигриная челюсть. При движении она клацает зубами. Внутри волшебного круга остаются только колдун и двое танцоров. Они уже давно успели сбросить рубашки, саронги, украшения, и коричневые

мускулистые тела их блестят на солнце. Внезапно один из них ныряет в тигриный мешок и начинает бешено метаться в нём. Холст извивается, сверху щёлкает страшными зубами маска. Человек-тигр бросается на дукуна, тот увёртывается — подлинная коррида! Танцор в мешке поднимает маску на вытянутой руке: зверь вырастает до громадных размеров. Дукун ловко уходит от противника, а потом простым движением руки, как дрессировщик, умирляет его.

Тут же он берет зверя за ус и начинает водить взад-вперёд. Это, очевидно, призвано ввести человека в транс. Он уже полностью подчинился воле колдуна, приручён, он слушается приказаний и покорно дёргается в заданном ритме: направо, налево, лечь, сесть... порой у него вдруг вырывается хриплый рёв.

Музыка безжалостно с каждой минутой все повышает тон, атмосфера все больше накаляется, реальность исчезает: переодетый человек на глазах становится тигром. В это веришь. По толпе пробегает дрожь.

За спиной «тигра» маячит другой танцор. Неожиданно тот, в мешке, срывает с себя маску и напяливает на соседа. В коротких штанах, голый по пояс, он опускается на четвереньки и движется по краю волшебного круга, прижимается к земле, раскрывает страшную пасть. Человек-тигр бьёт по воздуху когтистой лапой, готовый рвать живое мясо. Дукун пристально смотрит ему в лицо... Человек-тигр полностью впал в транс, он отождествляет сейчас себя с владыкой джунглей.

Что происходит? Где мы? Голова идёт кругом. Нас вовлекли в действие, результат которого нам неведом, и удивление постепенно сменяется ступором^[22]. Мы ловим ртом воздух.

Движениями рук шаман плетёт вокруг человека-тигра невидимую паутину, опутывая его все больше. Чародей властвует над танцором. Неистовствуют гendanги и теромпет. Сосредоточенное лицо дукуна, взрывная музыка, тревожные лица зрителей придают всему происходящему характер трагедии, все тяжело дышат.

Шаман кладёт руку на голову укрощённому тигру и пригибает его искажённое лицо к земле. Взгляд колдуна леденеет, мускулы на руках вздуваются от напряжения, пальцы оставляют на коже «тигра» синие отметины. Какое-то мгновение только тихо рокочут барабаны. Человек-тигр уже не рычит, дукун тихонько опускает правой рукой его голову ниже, ниже. И вот человек-тигр рушится на землю: из транса он перешёл в кому [\[23\]](#).

Его недвижимое, обмякшее тело переносят под стену амбара и кладут рядом с гамеланом. Музыка смолкла. Дукун подходит к лежащему и начинает проделывать у него над головой горизонтальные пассы, но экс-тигр лежит в полной прострации, смежив веки, разметав руки и ноги по земле. Колдун склоняется и дует ему в уши, потом смотрит на небо и проделывает несколько ритуальных движений, напоминающих пенчак: он обращается к небесным владыкам за помощью. Шаман подпрыгивает и кричит. От него исходит ощущение жуткой силы, и человек, только что лежавший перед ним в полной прострации, встаёт и начинает танцевать!

После такого эмоционального потрясения хочется перевести дух, собраться с мыслями, проанализировать, попытаться понять. Где там! Музыка неустанно накаляет атмосферу, несёт нас дальше — церемония продолжается.

Дукун делает шаг вперёд, шаг в сторону, и его движения повторяет бывший человек-тигр с залитым

потом лицом, он не выказывает никаких признаков усталости или перенесённого безумия. Колдун испускает пронзительный крик, заставляя танцора опуститься на четвереньки. Он кладёт ему руку на затылок, потом повязывает вокруг талии шнурок... ещё несколько пассов... и вот человеком, только что находившимся в нормальном состоянии, овладевает транс. На сей раз он олицетворяет другое животное — обезьяну. Он подпрыгивает, испускает пронзительные крики, оглядывает присутствующих беспокойно-любопытным взглядом лесного зверя, всем своим видом подчёркивая, что все человеческое покинуло его. Психологически он действительно превратился в обезьяну.

Заколдованный почёсывает голову и бока. Шаман бросает ему зелёный кокосовый орех, тот хватает его с довольным визгом. Удивлённый взгляд перебегает с плода на дукуна. Но вот он решительно вгрызается в зелёную кожуру, сплёвывает её. Не так просто добраться до мякоти; человек-обезьяна поднимает двумя руками орех и раскалывает его ударом о голову! Из плода брызжет сок, шаман выбрасывает растрёпанный орех из волшебного круга.

Человек-обезьяна одним прыжком вскакивает на крышу амбара, но колдун успевает схватить его за верёвку и заставляя слезть. Одержимый съедает несколько брошенных ему зелёных бананов, затем на четвереньках выскакивает из круга и с удивительным проворством вскарабкивается на высокое дерево позади одного из домов. Покачавшись на ветвях, он испускает пронзительный крик и через минуту уже раскачивается на верхушке.

Гамелан внизу смолк. Шаман, оставшийся стоять в центре круга, постукивает колотушкой в маленький барабан и заставляя «обезьяну» вернуться. Толпа безмолвствует. Дукун и на расстоянии держит человека

в своей власти! Это кульминация церемонии. Мы с тревогой задаём себе вопрос: что. станет с несчастным, если колдуну не удастся вывести его из этого состояния? «Обезьяна» вернулась в волшебный круг, и шаман, как и раньше, переводит человека из «танца-олицетворения» в кому, а затем возвращает ему нормальный облик.

Возвращение, воскрешение, возрождение человеческого облика воспринимаешь с удивлением. Как объяснить эти резкие скачки из смерти в жизнь? Шаман, как: податливую массу, мнёт человеческое сознание.

Вновь музыка. Не знаем, попадают ли оркестранты под чары колдуна или они захвачены ритмом собственной музыки, но их глаза, устремлённые в пространство, туманятся... Они грезят наяву. Неистовство барабанов, острые пронзительные покалывания теромпета не дают покоя. Каждый инструмент затрагивает какую-то особую струну в наших чувствах, музыка становится реально ощутимой материей. Низкие звуки спускаются куда-то в глубины естества, а пронзительность трубы леденит мозг. Нет сил сопротивляться этому натиску. Тело тяжелеет, становится вялым и, кажется, существует только для того, чтобы отзываться на весь этот адский ритм. И разум, не поддерживаемый телом, начинает мутиться: удивление, страх, тревога и чувство бессилия смешиваются воедино. Полное смятение. Ис-подволя возникает животное желание кричать, орать, броситься очертя голову навстречу колдуну... Но здравый смысл и западное воспитание в последний момент удерживают: «Нет, надо выстоять, чтобы потом все толком рассказать...» Наверное, то, что у каждого из нас в руках была либо камера, либо магнитофон, либо фотоаппарат, мешало нам впасть, если не в транс, то, по крайней мере в полное отупение. Мы судорожно

цеплялись за технические приспособления — символы нашей цивилизации.

Дукун ворожил уже несколько часов. Возвратив нормальный облик человеку-обезьяне, он приступил к новым метаморфозам, на сей раз с двумя танцорами. Схватив парней за шею, шаман пронзительным криком заставил их прикинуться к земле, а затем встать на четвереньки. Быстрым жестом он повязал им вокруг талии волшебный шнурок. Юноши недвижно глядели вниз; присев на корточки перед ними, колдун дотронулся ладонями до земли... Оба танцора потянулись к ним, словно зачарованные подрагивающими пальцами шамана, их лица коснулись вытоптанной площадки... и вскоре явственно слышится утробное похрюкивание. Это кабаны! Дукун указывает им дорогу вдоль стены амбара к вскопанному полю на краю деревни: по-кабаны перебирая руками и ногами, парни семенят туда.

Прыгая от одной рисовой грядки к другой в сопровождении нескольких односельчан, они добираются до поля, засаженного маниоккой; это растение высотой примерно в полтора метра глубоко уходит корнями в красноватую рыхлую землю. Дойдя до первых стеблей, люди-кабаны начинают зубами вырывать их. Ничего от человеческих движений — они суются лицом прямо в почву, разрывая корни. Их хриплое дыхание повергает в трепет. Зажав зубами маниоку и мотая головой, кабаны вытаскивают её из земли.

Но вновь слышится рокот барабана: дукун из волшебного круга велит им возвращаться. Далее в пятистах метрах от охваченных безумием людей он сохраняет полную власть над ними. Люди-кабаны немедленно повинуются, они торопятся в круг, таща за собой в зубах вырванные клубни маниоки. Глаза — человеческие глаза — налились кровью, животные

grimасы судорогой пробегают по искажённым лицам, свидетельствуя о том, что нервное напряжение достигло пароксизма. Они уже по ту сторону сущего. Люди-кабаны отделены от нас невидимой стеной. Никакой контакт извне с ними невозможен.

Их хрюканье отнюдь не кажется смешным, оно пугает, оно поражает воображение.

Что за демон, что за сила преобразили этих людей? Волшебная палочка одним мановением изгоняет сознание из их тел... Поистине лишь колдовство способно так запросто превращать людей в животных и обратно.

Шаман заставил людей-кабанов приблизиться и повернул их лицом друг к другу. Постепенно судорожное дыхание успокаивается, бока уже не вздымаются с такой силой. Колдун все ниже пригибает их затылки, генданги начинают отчаянно колотиться в ворота забвения. Совместные усилия должны вывести людей-кабанов из транса... И вот они, побеждённые, падают наземь в глубоком обмороке.

В лежащих перед дукуном с трудом можно различить признаки жизни. Из рта тянется беловатая слюна, смешанная с землёй; закрыв глаза, люди погрузились в сон.

Дукуну предстоит теперь разбудить их. Он развязывает ненужные больше шнурки, потом по очереди за волосы поднимает лежащим головы. Люди в полном забвении не оказывают сопротивления. Челюсти безвольно отвисли. Дукуну удаётся посадить их. Музыканты гамелана тотчас подхватывают спящих под мышки и бережно относят под стену амбара.

Музыка смолкает. Шаман пальцем тщательно очищает им рот от листьев маниоки и комочков земли. Погруженные в небытие существа уже не кабаны, но ещё и не люди. Дукун в волшебном круге вновь делает пассы: разводит руки, прижимает к груди, кружится на

месте, опускается коленом на землю, протягивает руки навстречу ветру. Его отточенные движения насыщены силой; видно, как они действуют на присутствующих. Колдун возвращается к лежащим, приседает рядом на корточки и растопыренными пальцами касается их лиц. Потом, вперив в них взор, вдувает в тела лежащих жизнь. Пальцы его подрагивают, и с каждым движением к распростёртым на земле людям постепенно возвращается сознание. Шаман дует им в уши. Медленно освобождаясь от гипноза, люди открывают глаза и узнают мир.

Но чародей сыграл ещё не на всех струнах своей волшебной арфы. Предстоит ещё превращение людей в выдр. Это происходит у пруда.

Заколдованные люди ползут к воде и ныряют. Настоящие выдры—они в точности имитируют их посвист. Дукун, хотя и остался пока в кругу, полностью держит их в своей власти. Погрузившись в грязнова-тую озёрную воду, «выдры» роются лапами в зарослях лотоса. Теперь дукун зашёл по пояс в воду и сверлит взором одержимых людей, пока один из них, нырнув, не поймал зубами трепещущую рыбу.

«Выдры» поймали добычу и держат её в стиснутых челюстях. Дукун призывает их назад в волшебный круг. Рыбины трепещут в зубах, по подбородку стучится вода.

Как и в предыдущих случаях, дукун положил головы своих жертв себе на колени и погрузил их в глубокий обморок. Затем, проделав обычные пассы попытался вырвать добычу, но сведённые челюсти не желали разжиматься, хотя головы безвольно мотались из стороны в сторону. Тихонько подёргивая рыбину за хвост, шаман вытянул её. Затем трогательным движением он припал по очереди губами ко рту каждой «выдры» и вытянул оттуда воду, набившийся ил и рыбью чешую.

Для возвращения к жизни людей, объятых бесовской страстью, колдун на сей раз воспользовался крисом — отточенным кинжалом с волнообразным лезвием и резной рукоятью. Легонько водя им вдоль позвоночника от затылка к пояснице, он вызвал дрожь в сведённых телах. Зрители в волнении ждали, когда сознание односельчан всплывёт из тьмы, в которую погрузил их всевластный шаман.

Кстати, в некоторых случаях дукун пользовался особым приёмом: чтобы вывести людей из транса, он неожиданно плевал им в лицо, после чего те начинали дрожать мелкой дрожью. Тогда дукун брал их одной рукой за голову, а другой — за штаны, поднимал в воздух и несколько раз встряхивал... Сознание возвращалось к ним.

Дукуны способны превращать людей во многих животных. Если не считать признаков лёгкой усталости (что не мудрено после такого действия), на лицах людей, только что бывших тиграми, обезьянами, кабанами и выдрами, нельзя было увидеть ничего особенного. Они улыбались и возвращались к своим обычным делам.

Человек, находящийся в состоянии транса, отождествляет себя с выдрой. Вот он вышел из пруда, сжимая в зубах трепещущую добычу.

А этот сунданец вообразил себя обезьяной. Ловко прыгает он с ветки на ветку, издавая резкие вопли.

В доказательство своего искусства молодой шаман жуёт стеклянный стакан, поднимает зубами двадцатикилограммовую ступку для риса, с разбегу ударяется головой об стену.

В церемонии «лаис» шаман повисает между восемнадцатиметровыми шестами, то зацепившись зубами за слабо натянутую верёвку, то прикрепив её к поясу.

Церемонии, свидетелями которых мы явились, становятся все более редкими. Да, в каждой деревне есть свой шаман, но далеко не каждый способен на такое. Подобные превращения можно увидеть лишь в заброшенных горных селениях. Мы увидели умирающую традицию, и можно смело сказать, что нам очень повезло.

ГЛАВА V

ФЕНОМЕН ТРАНСА В ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВАХ

Прежде чем попытаться дать объяснение описанным церемониям, попробуем вспомнить, что такое транс. Этот феномен был известен в этнических группах всего мира. А если говорить о современности, то явление транса распространено куда более широко, чем это кажется; у нас тоже есть свои дукуны и гамеланы— достаточно взглянуть на Джонни Холлидея и иже с ним, беснующихся с электрогитарами на сцене «Олимпии»^[24]... Это не что иное, как возрождение под новой личиной древних обрядов — начиная с дионисийских культов и кончая «бесноватыми» святого Медара^[25]. Кстати, во всех народных сказках заколдованный герой превращается в животное, так что в этом смысле привычные легенды предстают в новом свете.

Хотя транс выглядит везде одинаковым, необходимо различать мифологические системы, в которые он включён. Именно в связях и соответствиях между символами, существующими в каждой этнической группе, в каждом обществе, нужно искать объяснение того, что нам довелось увидеть.

Подобно тому как это было на Западе во времена средневековья, в нынешних архаических обществах большее значение имеет символическая, а не реальная суть вещей. Иными словами, во внешней стороне каждого явления люди видят не конечную форму, а лишь проявление некоей невидимой высшей сущности.

Невидимое якобы проявляется через видимое. Все материальное, всякий физический процесс является

отражением трансцендентного мира, существующего по ту сторону видимых форм. Именно эта символика создаёт священный порядок вещей и делает их тем, что они есть: деревом, источником, звездой, красивым пейзажем, пещерой, прекрасным телом, чистым голосом, болезнью, смертью, трансом и т. д. То, что естественно и сообразно для рационального разума, представляется сверхъестественным явлением для сознания религиозного. Земля, скажем, в этом случае — образ мифической земли, своего рода материальное отражение царства невидимого.

Пространство также воспринимается сквозь призму традиционных представлений. Сунданцы и яванцы смотрят на географию иначе, чем мы: поля, леса, горы, дождь, ветер наделены для них голосами; природа — это вечная книга, и человек в ней — случайный персонаж. Он занимает в космическом порядке заранее определённое место и призван сохранять традиционный порядок. Люди созданы для служения богам, для поддержания вселенской гармонии. И, исполняя религиозные обряды, соблюдая заведённый порядок, верующие соединяются после смерти вокруг очага вечности. Вот почему каждая церемония, каждый обряд приобщает человека к частице вечности. Вечность же очищает от скверны и дарует молодость.

После беглого изложения представлений традиционного сознания мы перейдём к описанию древних индонезийских культов.

До прихода ислама, а ещё раньше индуизма в Индонезии были распространены анимистские верования. Кроме того, здесь существовала ещё одна форма приближения к божественному — шаманизм. Его нельзя выделять в особый культ или секту. Шаманизм по отношению к анимизму занимает то же место, какое занимает мистика внутри больших религий — таких, как

христианство, ислам, индуизм. Но мистика доступна каждому, а здесь лишь одному человеку — шаману — дано познать божественное через экстаз.

Шаманизм не получил большого распространения. Он практиковался главным образом в Центральной Азии и Сибири. Само слово «шаман» пришло из словаря одного из племён пастухов-земледельцев Центральной Азии^[26]. По сути дела, о шаманизме можно говорить только применительно к народам, обитающим возле Полярного круга. Тем не менее в Китае, Индии, Малайе, Индонезии этнографы отмечают довольно значительное наличие местного шаманизма. Несмотря на влияние местных верований и некоторое различие в обрядах, типичная структура шаманской мистики у монголов и у саами одна и та же.

Предназначение шамана — якобы путешествовать в виде духа по ту сторону видимого мира, с тем чтобы встретиться с праотцом и праматерью всего сущего. По возвращении он должен рассказать о своём пребывании в царстве мёртвых, духов и богов. При этом шаман использует чаще всего мифические элементы религии, распространённой в данной местности. Структурно шаманское искусство подчиняется единой схеме: с помощью танца он доводит себя до транса и падает замертво. Во время священного сна его душа покидает тело и улетает в мир иной. Затем она возвращается и вновь вдыхает жизнь в телесную оболочку шамана.

Излишне говорить, что подобное умение наделяет шамана большой властью: он якобы укрощает огонь, умеет летать, спускается в преисподнюю, исцеляет хворь, приманивает дичь, говорит со зверями, а то и превращается в медведя, волка, тигра, выдру и т. п.

Каждый его подвиг обставлен определённой символикой. Шаман может отправиться в путешествие, только впад в транс, когда он покидает свою земную

человеческую оболочку. Он должен вначале умереть, чтобы воскреснуть затем в царстве бессмертия. Смерть тела — это воскрешение души.

Вряд ли имеет смысл останавливаться здесь подробно на многочисленных разновидностях шаманизма. Вышеизложенной схемы достаточно для того, чтобы попытаться проанализировать сунданскую церемонию бенджанг.

Сунда представляет собой довольно однородную культурную сферу, поэтому мы рассмотрим вместе три описанные выше церемонии. В них нетрудно увидеть символику, общую для всей Юго-Восточной Азии.

Так, в бенджангё танцоры скачут, оседлав палку-лошадь. На Суматре батаки пользуются ею при обрядах, включающих транс. Большинство религиозных культов мира связывает одержимость с духом, который уносит человека на спине. Чаще всего это крылатый конь, мчащий человека в подземное царство, в потусторонний мир. В верховой езде есть ещё и сексуальный символ — демонов распаляет вынужденная пассивность седока. Кто на ком сидит — не имеет значения, это два лика одержимости. Лошадь-палка фигурирует и во время церемонии обрезания в Сунде: этот обряд отмечает переход от детства к юношеству. Осёдланный конь знаменует власть над собственными инстинктами, собственной сексуальностью: укрощённый человеком конь — это урезоненное воображение. А укрощать — значит приводить к порядку. Обрезание, обряд инициации, знаменует появление нового человека, и в этом тоже есть элемент шаманизма: побеждая собственное тело, свою природу, инициированный возрождается, возносясь над хаосом, приобщается к миру духов.

Эта лавина символов рискует показаться чистым произволом, но символизм не однозначен. Он

приспособлен к различным граням сознания индивидуума. Религии типа христианства и индуизма возникли на базе древней символики, смысл которой затем трансформировался, но всякий мог найти в системе символов то, что больше всего соответствовало ему лично. Это, кстати, было одним из открытий психоанализа, рассмотревшего сквозь призму символики глубинные мотивы человеческого поведения.

Данное отступление имеет прямое отношение к церемонии бенджанг, ибо понять её можно, лишь увидев во впавших в транс сунданцах не дикарей, принявших звериный облик, а одну из тенденций духовной жизни, кроющуюся в сознании каждого.

Церемония бенджанг начинается, как вы помните, с перевоплощения человека в тигра. Подобную «мутацию» изучала в Малайе, в районе Келантана, Жанна Кюизинье. Тигр присутствует в мифологии всех народов Юго-Восточной Азии. Кстати сказать, в Индонезии он и поныне встречается в горах Суматры и Явы. Свирепая полосатая кошка не случайно занимает столь большое место в легендах, обрядах инициации и даже некоторых национальных праздниках: ежегодно в мае, когда дивизия Силиванги торжественно марширует по улицам Бандунга, впереди неё шествует человек, одетый в шкуру тигра. Малайский шаман, прежде чем получить своё звание, должен отправиться в джунгли, найти там тигра и оседлать его (хотя бы фигурально). Сунданцы верят в то, что их прародителем был тигр. Находясь среди них, мы нередко слышали, что после смерти каждый сунданец вновь перевоплощается в зверя. Яванцы и сунданцы часто делают подношения владыке джунглей. Иначе он может явиться в деревню и утащить ребёнка — такое, к слову сказать, до сих пор случается в заброшенных деревнях Суматры и Западной Явы.

Итак, тигр не только фигурирует в сеансах шаманского колдовства, но и является существенной частью анимистических верований в Юго-Восточной Азии. У сунданцев кроме бенджанга есть ещё просто танец тигра. Его обычно исполняет старик. Впадая в транс, он отождествляет себя со зверем. Однако без посторонней помощи он не в силах выйти из сумеречного состояния — в отличие от шамана, способного и тогда сохранять самообладание.

Отождествление с другими животными распространено у многих народов мира. В частности, в Центральной Азии и у саами известен культ медведя и волка. Превращаясь в них, шаман посылает удачу охотникам и рыболовам. В самом деле, медведь привлекает других медведей — колдун как бы превращается в живую приманку. Существуют и другие толкования этого феномена, на которых мы не будем задерживаться.

За всеми этими перевоплощениями и анималистскими танцами кроется идея жертвоприношения могущественным силам природы. Человек покидает свою личину, чтобы понравиться окружающему его растительному и животному миру, от которого целиком и полностью зависит его существование. Став тигром или обезьяной (иногда, как мы видели, с помощью маски), он тем самым умалиет в себе человека, становится равным всем прочим порождениям природы. Не следует думать, что человек *низводит* себя до животного состояния; он скорее *возвышается*: ведь человек-зверь возвращается в мифический мир, где нет разницы между живыми существами. Это — возвращение к золотому веку, когда люди и звери свободно общались друг с другом. Природа, символ вечности, не ведаёт добра и зла и в этом смысле всегда чиста. В ней нет человеческого или животного, для неё все едины.

На животных стали смотреть как на низшие существа сравнительно недавно, под влиянием эволюционистских теорий. Мифическое же сознание, свойственное человеку прежних веков и встречающееся сейчас у первобытных народов, считает все живое единым целым; ритуальные церемонии позволяют с ним слиться.

Проникновение в царство природы предполагает смерть с последующим перевоплощением. Подобная схема толкования традиционных мифических церемоний заставляет нас взглянуть на бенджанг под несколько иным углом зрения. По-видимому, здесь мы имеем дело не с чистым шаманизмом, а с более или менее выродившейся традицией. Дукун не сам совершает экстатическое путешествие, а использует посредников^[27]. Почему? Ведь прежде шаман *сам* общался с потусторонними силами. Можно предположить, что бенджанг, который в древности был обрядом инициации, давал шаману случай показать кому-либо из непосвящённых небесное царство. Постепенно, под влиянием наложившихся друг на друга индуизма и ислама, церемония превратилась в акт коллективной инициации. А в наше время, когда понятие инициации постепенно исчезает, бенджанг остался своего рода жертвоприношением богам и мифическим предкам.

Как правило, в архаичных обществах, подвергшихся влиянию других религий, древние верования сохраняют свою форму. Смысл бенджанга теперь непонятен его участникам, обряд сохраняет своё ритуальное значение лишь благодаря древней традиции. Дукун не обращается к уже забытым представлениям. Кстати, в ответ на наш вопрос он сказал, что бенджанг — это молитва, возносимая к Аллаху. Дукун желает остаться прежде всего мусульманином, а уж потом анимистом, и

свои действия рассматривает как часть правоверного обряда.

Хотя должность дукуна переходит от отца к сыну, шаманизм сохранился лишь в упрощённом виде. Мистическое таинство постепенно превращается в сеанс одержимости, а то и просто в фольклорный спектакль, воскресное развлечение. Прежде колдун отправлялся с открытыми глазами в потусторонний мир, чтобы рассказать затем общине обо всём виденном. Сам он не впадал полностью в одержимость. Транс был призван помочь ему возвыситься до божественного. Транс означал, что шаман как бы умер, он больше не танцует, его душа отправилась в долгий путь. Если в рамках какой-то культуры состояние транса считается *самоцелью*, а не способом достижения экстаза, это означает, что идея таинства утеряна.

Шаманством могли заниматься только очень сильные личности, дукуном не становился первый встречный. Ведь транс был лишь одним из элементов сложного ритуала.

Зато одержимость доступна каждому. В отдельных культурах, не знавших шаманства, например в большей части Африки, практиковался только транс. И тот факт, что общества, не знавшие шаманизма, не стали колыбелью более разработанных религий, на наш взгляд, не случаен. Там, где зародились индуизм, буддизм, христианство и ислам, уже существовал мощный мистический фермент — шаманизм. Эти религии укоренились на символах, свойственных миру шаманов. Оставалось только обобщить их в систему. Так, в Индии на основе древнего шаманизма развилась спиритуалистская техника йога. Древняя техника экстаза отличалась от религиозного культа тем, что она не позволяла поддерживать длительный контакт с миром божественного. В самом деле, ведь шаман познает высшее откровение лишь на короткое

мгновение. С течением времени там, где древний мистический опыт вливался в развитую религиозную систему, он приобретал новые формы. Там же, где по географическим причинам или в силу культурных особенностей шаманизм оставался вне рамок религиозной эволюции, он постепенно вырождался, становясь подобием магии и колдовства. Неординарные способности шамана теряли смысл божественного откровения, все более уподобляясь искусству факира.

В Индонезии шаманизм столкнулся с новыми религиозными веяниями. В Сунде, на Центральной Яве, в Аче и на севере Суматры он принял формы, пришедшие из Индии и Аравии. В результате родилось своеобразное индонезийское религиозное мышление. При этом интересно отметить, что от индуизма, буддизма и ислама индонезийцы заимствовали главным образом не догму, а мистический опыт индусов и арабов.

ГЛАВА VI

ВОЛШЕБНАЯ ОХОТА НА КАБАНОВ

Шаманизм и все с ним связанное имеют прямое отношение не только к жречеству, но и к будничной жизни.

Перед лицом враждебной природы, неохотно расстающейся со своими богатствами, человеку первобытного общества надо было прежде всего выжить. Это было тем более сложно, что эволюция орудий труда и охоты происходила очень медленно. Чтобы помочь себе в рыбной ловле и преследовании зверя, человек обращался за помощью к высшим силам — через посредство магии.

В новейшее время, с появлением в Индонезии огнестрельного оружия, ситуация изменилась. Взаимоотношения человека с природой упростились. Колдовство как обязательный ритуал перед началом охоты или выходом на рыбную ловлю начало забываться. Сейчас только ритуальные церемонии типа бенджанга позволяют наблюдать чародейство, которое прежде считалось подспорьем человека в ежедневной борьбе за существование.

Наша группа пыталась найти в Индонезии следы «практического» шаманизма. Для этого, будучи в горах Сунды, мы организовали «волшебную охоту» на кабанов.

Знакомые сунданцы, с которыми у нас завязались тёплые, дружеские отношения, говорили, что такой охоты не устраивалось уже лет сорок; они предупреждали, что нам придётся преследовать зверей по всей округе и кое-где даже рубить лес. Было ясно, что без разрешения префекта — «бупати» не обойтись.

Охота, таким образом, приобрела официальный характер.

Губернатор провинции выделил в наше распоряжение свой джип, а «лурах» — глава деревни — велел разыскать колдуна, знатока волшебной охоты, «малима». В районе были известны несколько стариков малимов, наделённых, как утверждали, поразительными способностями. Однако, когда дошло до дела, оказалось, что по большей части они успели умереть, а оставшиеся слишком дряхлы. Сунданцы-помощники знали о технике ворожбы лишь понаслышке, и их не меньше нашего разбирало любопытство. Прошло несколько дней, прежде чем мы нашли малима. Им оказался нищий горец, лет шестидесяти от роду, худой, убелённый сединой, но с необыкновенно живыми карими глазами. Голову его венчал тотопонг, что говорило о принадлежности к сословию сунданских дукунов и далангов. Он согласился возглавить охоту, взяв на себя всю ответственность, так что неудача грозила ему существенными неприятностями.

Малим выбрал себе помощника и пять-шесть охотников для основной группы, попросив у нас аванс в счёт обещанного вознаграждения. Крестьяне не могли просто так бросить свои поля и пойти охотиться; потерянное время надо было компенсировать. Поэтому по мере развёртывания операции нам приходилось кормить все больше людей и вопросы снабжения приобретали все более острый характер.

Перед тем как приступить к ворожбе, малим на три дня заперся в доме для поста. Всякий акт волшебства требует предварительного очищения. На четвёртый день малим вышел к народу и собрал помощников для ритуальной молитвы.

Сунданцы не мыслят сколько-нибудь значительное начинание без церемонии приношения; вот и сейчас в

большой кубок положили кофе, яйца, бананы, кокосовые орехи и кусочки пищи, которой охотники будут питаться в горах.

Итак, малим читал молитвы, а охотники, подняв к груди ладони, вторили ему дружными возгласами «амин». Это продолжалось четверть часа, после чего колдун разбил охотников на несколько групп — им надлежало прочесать горы и установить местонахождение кабанов.

Глава деревни между тем распорядился построить несколько «гедеков» — бамбуковых изгородей, соединённых друг с другом. Когда малим усыпит кабанов, их окружают сплошной изгородью, не давая уйти. Всего в операции приняли участие жители четырнадцати деревень, фактически вся округа. Помимо нанятых охотников группа молодых парней вызвалась добровольно нам помогать.

Чтобы не пропустить подготовительную стадию, нам тоже пришлось переселиться в горы, в глухое селенье на границе рисовых полей, у кромки леса.

По мере того как мы поднимались, рис уступал место маниоковым полям. Затем пошло редколесье: карликовые хвойные деревца, хилые бананы, кустарник, ползучие растения. Деревья на склонах вулканов не успевают подрасти — их пожирает очередное извержение. В этих низких зарослях и водятся дикие кабаны, небольшие звери (максимум полметра до холки), но с острыми зубами, а иногда и с короткими клыками.

Доставка на джипе киносъёмочной аппаратуры по узенькой выбитой дороге вызвала волнение среди местных крестьян: ещё бы, автомобиль на такой высоте большая редкость! И без того мучительный подъем осложнился — люди, весело хохоча, гроздями висли на борту. Мальчишки вскакивали на подножку, карабкались на капот, толкались, падали... каждый

хотел хоть немного прокатиться. Шофёр, гордый таким вниманием, не слишком ясно представлял себе возможности своей машины. Индонезийцы обычно убеждены, что мотор обязан работать столько, сколько ему прикажут, как тягловое животное. Если же он останавливается, значит, умер... что поделаешь!

Лурах определил нас в дом. Хозяева оказались предельно тактичными и гостеприимными людьми. Скучившись в одном углу, они старались создать нам как можно больше удобств и при этом не мешать. Скажем, снятая рубашка тут же исчезала и через пару часов оказывалась на том же месте выстиранная и отглаженная.

Базовый лагерь был разбит в общей комнате дома — у сунданцев она начинается сразу за входом. Как правило, чужестранца пускают не дальше этой «гостиной», где стоят несколько низеньких кресел и столик. Но, учитывая исключительность визита, нам позволили ходить по всему дому. Еду готовили в углу большой комнаты над треугольным очагом. Топили в этой деревне по-чёрному: дым выходил сквозь щели в крыше. Из-за наплыва охотников и просто любопытных, прихода начальников групп и их помощников, посыльных и гонцов женщины не отходили от огня. Им приходилось без конца разогревать чай, рис и сате. Маленькая хижина стала походить на штаб-квартиру поднятой по тревоге воинской части.

Прошло десять дней. Наконец в одной из долин обнаружили следы кабанов. Малим немедленно послал несколько групп следить за зверями. Охотники по очереди возвращались в деревню, чтобы съесть цыплёнка с рисом, вытянуться на матрасе и немного поспать.

Кабаны превратились для нас в какое-то наваждение. С утра мы выходили в горы; молча шли гуськом, не поднимая глаз от земли, мимо кустарников,

маниоковых полей и карликовых сосновых рощиц. Малим заставлял нас внимательно осматривать все источники и водопои, ручейки и лужи. Следов и в самом деле было множество, но почти все — давнишние. К тому же они вели в такие густые заросли, что там нельзя было ничего рассмотреть, а тем более снимать. Требования кинематографа усложняли и без того нелёгкую задачу.

Охотники рассыпались по сторонам, но неизменно собирались в одном месте и делились наблюдениями. Горцы знали здесь каждый куст, каждый камень; они легко перебирались с одной кручи на другую там, где нам приходилось съезжать на «пятой точке», цепляться за ветви и корни. Обувь вскоре оказалась обузой, и дальше мы продвигались босиком. Каждые два часа малим объявлял привал: мы располагались в сторожках на краю маниокового поля и жадно глотали рис, который несли с собой завернутым в банановые листья.

Вечером, пошатываясь после адского перехода, мы возвращались в базовый лагерь, а охотники оставались на месте, подле следов, — кабаны семьи ходят в основном ночами.

Звери, конечно, были напуганы нашим присутствием и уходили все дальше на запад, так что вскоре нам пришлось перенести базовый лагерь. Этот тактический манёвр потребовал переброски более чем полусотни людей и нескольких сот килограммов снаряжения; не раз и не два отважное предприятие грозило завершиться катастрофой.

Выступление состоялось ночью. Нагруженный сверх всякой меры джип двинулся первым. Наше новое местожительство находилось всего в нескольких километрах, но едва мы проехали первый вираж, как путь преградил ручей. Сунданцы хотели тут же повернуть назад, хотя постройка мостков не отняла бы много времени. Индонезийцы не любят неизвестности,

им по душе установленный порядок, не сулящий неожиданностей. В этой психологической особенности легко усмотреть следы трех с половиной веков колонизации. Долгое время индонезийцев приучали лишь подчиняться чужой команде, поэтому сейчас они не без труда разрешают проблему свободного выбора. Твёрдое руководство здесь было необходимо. Наша группа построила мостки под восхищённые возгласы окружающих; шофёр, замирая от ужаса, осторожно въехал передними колёсами на настил. Затем, видимо, чтобы закончить поскорей мучения, он выжал до отказа акселератор, бамбук жалобно заскрипел, и автомобиль одним прыжком очутился на том берегу ручья.

Этот маленький подвиг позволил нам доехать до другого, на сей раз более серьёзного препятствия: путь преграждала речушка около шести метров шириной, довольно глубокая. Пришлось наводить солидную переправу, взяв для этого у плотника в соседней деревушке готовые балки. Сунданцы не могли скрыть ужаса при виде того, как мы копошимся в ночи, укладывая бревна при свете фонариков. Шофёра снедали беспокойство и сомнения; правда, один индонезиец, студент технического факультета, поддерживал нашу оптимистическую точку зрения, уверяя соотечественников, что предприятие не грозит смертельным исходом. По обоим берегам реки собрались окрестные жители, чтобы не пропустить сенсационного номера. Каждый вслух прикидывал наши шансы на удачу. Вскоре ночь огласили голоса спорщиков. Экипаж джипа редел на глазах.

Чтобы успокоить шофёра, мы набросали на стыки между балками связки бамбука. Водитель, не в силах сдержать дрожи, в конце концов согласился ехать. Но едва передние колеса коснулись брёвен, бамбук с треском начал ломаться. Присутствующие всплеснули руками. Женщины и дети пронзительно закричали.

Шофёр дал задний ход, вылез из машины и наотрез отказался вновь сесть за руль. После продолжительной дискуссии Мерри занял место водителя и осторожно переехал речку. С той памятной ночи ему предстояло войти в устные предания суданцев, если только кто-нибудь из далангов не увековечил его черты, вырезав из акации сто семьдесят третьего голека — Мерри Оттена.

На месте нас уже ждали охотники; их предупредили, что кабаны, возможно, уже сегодня окажутся в пределах досягаемости чар малима.

Однако от этого события нас отделяло ещё несколько дней.

Система выслеживания зверя была усовершенствована. Лурах разбил охотников на мобильные группы по пять-шесть человек, и те стали прочёсывать горный массив по маршруту, проложенному на штабной карте. Постоянную связь с лагерем они поддерживали с помощью наших приёмно-передающих устройств «воки-токи». Тактическая диспозиция пришлась по душе сунданцам; глава деревни с картой в руках мнил себя генералом, весть о происходящем разнеслась далеко окрест, царило всеобщее возбуждение.

Однажды поутру, привычно следуя гуськом за малимом, мы натолкнулись на свежие следы кабанов: ночью животные совершали набег на маниоковое поле. Малим тотчас сделал нам знак оставаться на местах, а сам с помощником и несколькими охотниками двинулся дальше. Они спустились в низину, на дне которой журчал ручеёк. Кабаны протоптали в зарослях тропку, и на крутом склоне горы — там, где они скользили по земле, образовался жёлоб. Известно, что кабаны всегда ходят по одной и той же тропе, поэтому здесь решено было устроить засаду.

Мы стояли на вершине горы. Долина спускалась вдоль русла потока вниз, образуя своеобразный коридор. Малим прошёл его из конца в конец и возвратился к нам наверх. «Звери остались в долине, — сказал он. — Малим усыпил их. Теперь надо закрепить успех». Однако колдун не разрешил нам присутствовать на заключительной церемонии.

Что он делал, мы не знаем, но факт остаётся фактом: четыре часа, т. е. почти до ночи, кабанов не было видно и слышно. Даже шум при установке бамбуковых заслонов не побеспокоил их. Малим со своими людьми очертил волшебный круг, из которого звери уже не смогут выйти; в том месте, где надлежало поставить гедек, он вырывал траву и связывал бамбуковые колышки. Ритуал напоминал уже виденную нами церемонию бенджанга. Молитвы и жертвоприношения довершили ритуал. Строго говоря, речь шла не о ритуале, а о технике. Малим не призывал на помощь предков, он использовал в данном случае свою власть для сугубо практических целей. Молитвы и приношения скорее призваны были способствовать тому, чтобы колдун обрёл нужное состояние.

Наконец все было готово. Малим приказал бить в барабан (маленький генданг), чтобы предупредить окрестные деревни. Круг пока не был замкнут, надо было поставить ещё примерно двести гедеков вплоть до самой вершины горы. После полудня показались первые колонны носильщиков: каждый нёс на плече один-два гедека. Крутой склон затруднял продвижение. Сверху вид людей, извилистой лентой поднимавшихся между глыбами камней и застывшей лавы, напоминал сцену строительства пирамиды. Блестевшие на солнце коричневые тела, согнутые под тяжестью гедеков, покрывали теперь весь склон. Сорок лет уже эти места не видывали ничего подобного.

А что же кабаны? Колдун усыпил их до той поры, пока зловещий круг не сомкнётся окончательно.

Мужчины и подростки забивали в землю гедеки с помощью колотушек. Часто приходилось большими ножами заострять колышки, чтобы воткнуть их в каменистую почву. На особо крутых склонах изгородь подпирали кольями из срубленных молодых сосенок. Все делалось ловко, споро, умело. Когда человек настолько сживается с окружающей природой, как эти горцы, его жесты и движения становятся точными, экономными, тело приучается избегать препятствий, человек превращается в органическую часть ландшафта. Для сунданцев это уже врождённая привычка.

Тяжёлые фиолетовые облака оповестили о приближении ночи. Стало свежо. С верхушки горы мы любовались догорающим закатом, когда действительность вернула нас на землю. Когорта носильщиков исчезла, не осталось ни души, хотя в некоторых местах не хватало гедеков! Лурах уверял, что люди вернутся, но никто не появлялся. В довершение всего в зарослях завозились кабаны. Охотники рассыпались живой цепью в тех местах, где зияли прорехи в изгороди. Едва кабаны показались из кустов, их с криком и шумом загнали обратно. Но решение нужно было принимать как можно быстрее. Лурах пошёл вниз в деревню выяснить ситуацию, а малим приказал разжечь костры и внимательно наблюдать за зверями. Из нескольких камней сложили очажок, в пустых консервных банках заварили чай, достали рис и кусочки цыплёнка. Охотники по очереди подходили к биваку, закусывали и тут же возвращались на место.

Ночной костёр сплавивает людей. Мы сидели тесным кругом и шёпотом рассказывали друг другу разные истории, легенды, предания.

Ожидание затягивалось. Воки-токи не улавливали никаких сообщений, кроме переговоров пилотов самолётов, пролетающих время от времени высоко в небе над нашим районом. Тревога не оставляла нас, и в конце концов мы решили спуститься сами, чтобы узнать, в чём дело. Несколько охотников вызвались показать нам дорогу в зарослях. Решено было идти напрямик по узеньким дамбочкам, разделяющим рисовые поля...

Спуск походил на шествие лунатиков и длился около двух часов. Луна заливала облака мертвенным светом; в чёрной воде отражались звезды; широкие банановые листья, качаясь, скрежетали на ветру. Идущий впереди возгласами предупреждал нас об опасностях — сплошные камни, мостики, каналы.

В деревне, где был разбит наш базовый лагерь, лурах не обнаружил гедеков. Что случилось? Сунданские друзья смущённо избегали ответа, переводя разговор на другие темы. Но мы накинулись на них с расспросами, и лурах нехотя признался, что назначенная цена оказалась слишком низкой. Крестьяне изготовили гедеков только на ту сумму, которую получили. Неужели из-за финансовой неувязки пойдут насмарку плоды двухнедельных мытарств! Нужно было во что бы то ни стало раздобыть недостающие части, изгороди.

Преисполненные надежды, наши друзья разошлись по ближайшим деревням. Лурах распорядился будить жителей. На рассвете последние гедеки были установлены. Круг наконец замкнулся.

Новость с необыкновенной быстротой облетела горы, и к окружённой долине потянулись многочисленные зрители. Женщины по такому случаю облачились в праздничные одежды, детишки торопились занять лучшие места в «амфитеатре», рассаживаясь на изгороди. Из города по приглашению

лураха прибыли официальные лица. Им пришлось оставить свои машины внизу и лезть со всеми на гору.

До того как приступить к заключительной фазе, следовало прорубить внутри волшебного круга дорогу для охотников. Крестьяне быстро сделали это с помощью ножей. Кабаны по-прежнему прятались в густых зарослях.

Малим по обыкновению начал с молитв и приношений. Только на сей раз, к нашему вящему удивлению, кроме кусочков пищи в кубке добавились деньги, выданные в качестве вознаграждения его группе. После краткой церемонии первые охотники под радостные крики окружающих вошли внутрь волшебного круга.

По традиции мужчинам надлежало действовать голыми руками. Обнажённые по пояс, подоткнув полы саронга, они бросились в чащобу. На поляне показались первые кабаны, но громкое улюлюканье заставило их тут же скрыться. Охотники на бегу старались схватить животных за задние ноги. Если это удавалось, они передавали зверей через ограду в толпу; их осторожно держали на вытянутых руках, животом кверху, чтобы они не могли укусить. Снаружи горцы ловко связывали им лапы и клали на бок.

В начале охоты несколько человек все же получили ранения, быстро истощившие нашу аптечку.

Спустя какое-то время внутрь ограды были пущены собаки. Приземистые с белыми подпалинами дворняги бесстрашно бросались на кабанов, выгоняли их на открытое место и мёртвой хваткой впивались в горло. Охотник тут же отнимал добычу и быстро перекидывал её в толпу за оградой.

Под конец в ход пошло холодное оружие. Но какое! Это были поистине музейные вещи — копья, быть может, эпохи Маджапахита. На деревянных древках, отполированных ладонями воинов и охотников, были

насажены металлические наконечники — затупленные, заржавевшие, едва державшиеся. Они с трудом входили в тела кабанов. Звери пронзительно визжали, удивительным образом напоминая одержимых во время бенджанга.

Крупного вожака горцам пришлось не только колоть пиками, но и рубить ножами. Поросят сунданцы уносят в деревню, там помещают в загон, и детишки долго ещё с ними играют.

Неожиданно малим объявил, что охота окончена. Близилась ночь. Того и гляди, может случиться несчастье! — сказал он. Присутствующие разошлись, унося с собой воспоминание о чудесном зрелище, ставшем ныне редкостью.

По традиции за поимкой кабанов должен последовать большой пир — сламетан с гамеланом, театром ваянг и танцами. Сунданцы говорили нам, что в стародавние времена так охотились не только на кабанов, но и на молодых тигров. Шаману надлежало схватить грозного хищника голыми руками — в этом крылся ещё и символический смысл.

Нет необходимости говорить, что «волшебная охота» интересовала нас не столько сама по себе, сколько как явление традиционной сунданской жизни. Магия, вопреки распространённому мнению, не есть спектакль, рассчитанный на то, чтобы поразить воображение. Это — средство решения практических задач. Только так — сочетая волшебное и земное — человек мог надеяться обуздать окружающую природу.

В те времена, когда человек располагал лишь самыми примитивными орудиями, он развивал в себе особые качества. Магия родилась из нужды в самозащите, из потребности выжить во враждебной среде.

ГЛАВА VII

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЯВА

Историю Явы европейцы долгое время считали историей одной только Центральной Явы. Там сохранилось больше следов индуистской и буддийской цивилизаций, чем в других местах. К тому же типичная культура Центральной Явы представлялась первым путешественникам более утончённой и развитой. Придворный стиль Джокьякарты и Суракарты поражал своей пышностью куда сильнее, чем крестьянские традиции Сунды. Высшая яванская аристократия, задавая тон, содержала при себе искусных ремесленников. Сунданцы в своём гористом краю вели более замкнутый образ жизни, к тому же трудности сообщения мешали взаимопроникновению культур. Не случайно в Сунде мы столкнулись с удивительно самобытными явлениями.

Приезжая из Бандунга в Джокьякарту, поражаешься разнице между сунданцами и яванцами. Несмотря на некоторую общность культуры, это тем не менее две особые этнические группы: отличны методы мышления, отличны даже лица. Плоские лица сунданцев с высокими лбами и чуть раскосыми глазами по малейшему поводу озаряются улыбкой. Характеры у них открытые, они исполнены чувства юмора. Творчество сунданцев, простое и доходчивое, тоже лишено напыщенности и тяжеловесного пафоса.

В Джокьякарте как будто падает занавес. У яванцев гладкие непроницаемые лица, скрытый взор; кажется, что они смотрят всегда мимо вас, а улыбка — загадочная, рассеянная — призвана что-то скрыть и «надета» только из вежливости. На Центральной Яве подчёркнуто официальная атмосфера. Европейцу,

живущему в Джокье, нелегко завязать дружбу с яванцами, чаще всего его избегают. Очень многое совершается здесь незаметно для глаз, втихую. Стереотип поведения яванцев даже стал легендой у европейцев, и те пустили в оборот выражение «действовать по-явански».

После заката королевства Шривиджайя на Суматре Центральная Ява осталась главным очагом индуистской культуры на архипелаге. По мере удаления от места происхождения культура эта все больше теряла свою чистоту, вступая в контакт с местными верованиями. Шло интенсивное взаимопроникновение цивилизаций. Как писал Зутмюлдер, «культ предков не был вытеснен великими религиями, пришедшими из Индии; он слился с ними в своеобразном синтезе». К сожалению, сохранилось крайне мало письменных источников для того, чтобы исчерпывающе восстановить процесс зарождения индо-яванского синкретизма.

Известно, что в VIII веке, т. е. в начале проникновения индуизма в сердце Явы, здесь развилась письменность бесспорно индуистского происхождения, но с алфавитом, отличающимся от паллава, принятого в Индии^[28]. Индуизм и буддизм — религии, вышедшие из общего метафизического источника, из вед, — придя на Яву, претерпели трансформацию. Учение Будды сохранило здесь элементы, свойственные шиваизму; так, яванские скульптуры, изображающие Будду, схожи с изображениями индуистских божеств. Во многих статуях смешаны две троицы — тримурти (Брахма, Вишну, Шива) и тринарта (Будда, Дхарма и Шанга).

Индуизм и буддизм входили в контакт с яванскими верованиями по-разному. По всей видимости, шиваизм оказался более популярным, чем буддизм; последнее учение, метафизически более усложнённое, получило распространение среди высших классов. Святилища,

посвящённые Шиве, Вишну и Брахме, рассеяны по Центральной и Восточной Яве, а Будду почитали в пышных храмах, воздвигнутых на Суматре и лишь кое-где на Яве.

Наиболее известный памятник буддизма — величественная ступа Боробудур. Это шедевр религиозной архитектуры. Он был воздвигнут в VIII веке нашей эры — в письменных источниках о нем не сохранилось упоминаний. Вообще описывать его нелегко, Боробудур следует изучать на месте.

По мере приближения к вулкану Мерапи почва приобретает фиолетовый оттенок, становится каменистой, в реках виднеются громадные куски застывшей лавы. Тем более неожиданным выглядит в окружении зелени Боробудур. Издали его этажи напоминают складки старческого подбородка, но вблизи захватывающая красота заставляет забыть обо всём. Храм из серовато-жёлтого, даже маслянистого, камня повторяет округлые формы гармоничного тела — живое воплощение Будды.

Боробудур, возведённый на холме, состоит из десяти террас. Шесть нижних — квадратные, четыре верхние — круглые. Первая терраса предназначалась для процессий, здесь на широких тёсанных плитах выстраивались монахи. Туда же, очевидно, во время буддийских праздников, знаменующих приобщение Будды к нирване или победу учителя над духами зла, пускали народ.

Пять следующих террас разделены внешними и внутренними перегородками на узкие галереи, украшенные тысячами тремястами скульптурными барельефами. На самом верху, на четырех круглых террасах, возвышаются ступы в форме перевёрнутых колоколов с остроконечными шпилями. В каждой ступе (всего их семьдесят две плюс большая центральная) находилась раньше статуя Будды с реликвиями. В

плане Боробудур символизирует разделение мира на три части, согласно учению Великой Колесницы, а также, по любопытной аналогии, напоминает триединство индонезийских храмов^[29]. Это позволяет предположить влияние местных культов, в частности культа предков.

Сто двадцать барельефов первой галереи повествуют о юности Будды Сакьямуни. Разнообразие эпизодов позволило таланту скульптора проявиться во всем великолепии. На первой террасе паломник оказывается между видимым и желанным миром: его ожидают поэтому страдания. Но, поднимаясь постепенно по одной из четырех лестниц, ведущих на холм мудрости, мы возвышаемся до уровня символов, постигая истину «единственного пути». Каждый этап жизни Будды приобретает значение мифа, зовущего человека следовать той же дорогой внутреннего совершенствования. Цель — достичь чистой медитации, как учил Будда. Эту стадию духовной эволюции иллюстрируют статуи, украшающие верх балюстрады: постепенно, покинув мир желаний, мудрец с помощью очищения души достиг высшего блаженного состояния, которому соответствуют идеальные формы. А следующий этап завершает эволюцию: медитация приводит к созерцанию абсолюта, уже не имеющего формы. Этому состоянию соответствуют четыре круглые террасы, ничем не украшенные, кроме ступ. Попадая внутрь их, не видишь ничего, но зато тебе является божество. В центральной ступе, закрытой со всех сторон, поначалу не было никакой статуи, она символизировала вершину познания и мудрости, высшее Я, нирвану.

На вершине Боробудура царит глубокая тишина. Если чутко прислушаться, улавливаешь лишь дыхание леса у подножия храма — равномерный приглушённый

шум, напоминающий морской прибой. Над зелёной массой деревьев поднимается горная цепь и вершина вулкана Мерапи. И вдруг понимаешь: Боробудур мог быть построен здесь, и только здесь. Как в Дельфах, в этом месте обитают боги. Пейзаж навевает удивительное спокойствие и умиротворение — то самое, что искали монахи Боробудура.

Культ Шивы пришёл в Джокьякарту^[30] одновременно с культом Будды — в VIII—IX веках. Свидетельство тому — храм Прамбанан по дороге в Суракарту. Его строительство приписывают королю Дакса, первому представителю династии, сменившей на троне в начале X века знаменитую династию Шайлендра, царствовавшую в Матараме. Храм Прамбанан, больше известный под названием Лара-Джонггранг^[31], представляет собой индуистский аналог Боробудура. В отличие от Боробудура, подвергшегося разрушению, он был недавно реставрирован, по крайней мере его центральный храм.

Шедевры Прамбанана — это прежде всего барельефы, украшающие святилища Шивы и Брахмы. Скульптор с большим искусством поведал в них историю Рамы. Барельефы изобилуют трогательными деталями, в которых уравновешено земное и небесное: миф сплетается с историей, вечное — с преходящим.

Рамаяна, индийская эпопея о Раме и Сите, известна во всей Юго-Восточной Азии; о ней рассказывают стены храмов и представления театра ваянг, танцы и народные предания. Сын Дхасараты, Рама, выиграл с помощью воплотившегося в нём бога Вишну состязание в стрельбе из лука и получил за это руку красавицы Ситы. Однако вскоре после свадьбы он узнал, что его мачеха противится тому, чтобы он стал королём Айодхь. Мачеха прочила на это место его сводного брата

Бхарата. Рама покидает королевский двор и уходит в лес вместе с женой и братом Лакшманом. В это время коварный правитель Цейлона Равана решает украсть красавицу Ситу. Он обращается в золотую лань и подманивает во время охоты молодую женщину. Рама бросается за ланью. В лесу слышится крик. Лакшман кидается на помощь Раме, оставив на время Ситу одну. Тут Равана похищает её и убивает орла, кинувшегося было выручать супругу Рамы.

Рама в отчаянии призывает на помощь армию обезьян. Их царь Хануман приказывает построить из камней мост от Индии до Цейлона. После долгих перипетий Рама одерживает победу в войне и освобождает Ситу. Эпопея заканчивается битвой между Раваной и Рамой. Однако вновь обретя возлюбленную супругу, Рама упрекает её в том, что во время заточения она была ему неверна. Красавица Сита, вне себя от горя, бросается в огонь, чтобы доказать свою добродетель.

В зависимости от места действия Рамаяна расцвечивается множеством деталей и вариантов. Ежегодно перед храмом Прамбанан в летние месяцы при свете луны танцевальная группа из Суракарты и Джокьякарты играет эпопею. Представление длится шесть ночей подряд. Несколько лет назад, правда, спектакль был урезан до четырех ночей. Ежегодный приток туристов, к счастью, не повлиял на очарование спектакля.

Действие происходит на большой эстраде (увы, из бетона...) перед фасадом храма Шивы, на которой уместается до сотни танцоров. Спектакль состоит из танцев и театральных сцен; трагическая красота представления хорошо передаёт волнующее дыхание эпопеи. Кумбокарно, военачальник Раваны, в одиночку сражается до последнего с армией обезьян; он размахивает жуткой маской, трясёт пышной

шевелюрой. Стрела Лакшмана ранит его в руку; гигант начинает кружиться на месте, мощными ударами ноги разгоняя обезьян. Воинственные звери карабкаются на него, он стряхивает их, как пёс, вылезший из воды. Лакшман выпускает ещё одну стрелу и попадает ему в ногу. Кумбокарно не желает ронять свою честь. Подпрыгивая, словно раненая птица, он извивается всем телом, пытаясь освободиться от обезьян, и, только после того как стрела вонзается и во вторую ногу, падает. Но и на земле Кумбокарно не прекращает битвы, рычит, катается. Наконец, последняя стрела пронзает его, и тогда наступает смерть.

Сцена вырастает до масштабов подлинной трагедии. Вся битва — это танец точных пластичных движений. Голова, руки движутся в резких сгибах, не нарушая вместе с тем впечатления плавности. Танцоры — словно ожившие куклы, и, может быть, поэтому спектакль разом переносит зрителей в иное — волшебное — измерение. Каждая поза могла бы быть изваяна, и живая скульптура, каковой является яванский танец, как нельзя лучше подходит для олицетворения мифов. Жесты героя — полубога-получеловека — являют нечто среднее между движением и неподвижностью.

Яванцы смотрят на танец как на разновидность ваянга, и весь спектакль поэтому называется «ваянг-оранг» — ваянг в исполнении людей. В прежние времена танцоры (ими были только мужчины) носили маски; женщин не допускали к священнодействию — изображению богов. Мужчины, кстати, тоже не могли являть свой лик вместо божьего. Постепенно маски заменил густой слой грима, священнодействие превратилось в земное искусство, и женщины получили допуск на подмостки.

Ваянг-оранг очень популярен на Яве. В его репертуаре кроме сцен из Рамаяны и Махабхараты —

множество легенд, навеянных народной традицией. Поначалу их играли без всяких декораций; художественное оформление — наивные рисунки на холсте — появилось недавно. Эти задники разворачивают перед каждой сценой, подсвечивая их по-разному, в зависимости от обстоятельств.

В Индонезии танцуют все. Перед началом спектакля желающие из публики надевают костюмы актёров, чтобы на одну ночь стать героями, шутами или чудовищами. В спектакле непременно сталкиваются носители добра и зла, начинается сложное действие, в котором замешаны волшебники, лесные духи и добрая фея.

В Джакарте, Суракарте и Семаранге в театрах ежевечерне собираются толпы людей. Легенды, которые они смотрят, насчитывают по несколько веков, но бесхитростные сердца воспринимают тысячелетнюю традицию просто и естественно.

Яванская религиозная традиция сохранилась во многом благодаря оригинальной форме искусства — «ваянг-пурва», яванскому театру теней. Плоские куклы из кожи (в былые времена их вырезали из шкуры молодого, ни разу не мытого буйвола-самца) отбрасывают на экран тонкие кружевные тени. Над головой даланга висит масляная лампа. Представление длится с вечера до утра. До рассвета кукловод переставляет кожаные персонажи, повествуя о великих эпопеях минувшего.

Истоки этого искусства до сих пор не выявлены^[32]. Театр теней встречается в Турции (Карагёз), в Китае, Индии, Малайе. Но театр плоских кожаных кукол представляет собой самостоятельное явление... Гротескные и даже карикатурные формы кукол вызывают удивление. Некоторые учёные усматривают в

них влияние ислама: как известно, Магомет запрещал изображать человеческое лицо. Чтобы не нарушать закон Корана, далангу приходилось искажать свои персонажи, чтобы те не напоминали живых людей. Не обошлось и без известной стилизации. Ведь миф — вещь непростая для понимания, так что бывает необходимо подчеркнуть ту или иную характерную черту героя, наделить персонаж индивидуальностью. Постепенно выработался стереотип для доброго, злого, хитрого, скрытного, весёлого характера. Ислам выступил здесь в роли упростителя. Кстати, его влияние не пошло дальше формы, поскольку ваянг-пурва играет репертуар, почерпнутый из Махабхараты и Рамаяны, а не из мусульманских преданий.

Индуизм также пометил своим влиянием спектакли кукольного театра: достаточно упомянуть вырезанное из кожи символическое древо жизни, или «гунунган». Как вы помните, даланг в Сунде тоже пользовался им во время представления. Гунунг означает в переводе «гора». Имеется в виду гора Махамеру, почитаемая как в Индии, так и на всем вулканическом индонезийском архипелаге. Гора — это возвышение до вершины мудрости, космическое единство всего сущего. Гора — посредник между людьми и богами, и, похоже, в театре ваянг-пурва ей отведена та же роль. Но — и вот тут обнаруживается доиндуистский слой яванской культуры — даланг, повествуя о небесной жизни, населяет ареопаг богов ещё и умершими предками. Герои — это прежде всего родоначальники яванского народа. Не случайно в начале представления даланг поёт вполголоса древнюю песнь XII века Кидунг-Мадрака: «Деревья успели сменить свои тени, и духи предков повелевают миром живых».

Приведённые строки иллюстрируют жреческий характер ваянг-пурва: театр теней — место встречи людей с предками. Даланг просит у зрителей тишины и

шепчет дальше: «Вызываю божественного гуру Рекакама-тантра. Мой голос — голос восьми добродетелей». Молитва призывает предков спуститься вниз и заговорить устами даланга.

Но гунунган ещё и древо жизни, символ бессмертия. Ведь рассказываемое принадлежит иному времени. Вот почему любое представление театра ваянг-пурва погружает зрителей в атмосферу глубокого раздумья. Сегодняшний день становится отражением вечности.

Толпа, как правило, делится на две половины: перед экраном сидят женщины и дети, а по другую сторону — мужчины, которым позволено видеть механизм представления, т. е. приблизиться непосредственно к предкам. В наше время подобное разделение соблюдается уже не столь строго, и публика рассаживается как придётся.

Волшебная ночь ваянга делится на три музыкальных периода, звучащих в разных тональностях. Гамелан соответственно настраивает свои инструменты. Основная мелодия — «патетуем», в духе лёгкой прелюдии, звучит до полуночи. Затем тональность меняется, и до рассвета спектакль погружается в атмосферу таинственности. На заре мелодия меняется ещё раз — становится живой, земной.

Музыка как бы проводит даланга и оркестрантов от низшего к высшему, религиозный смысл ваянг-пурва очевиден.

На Яве нет деревни, в которой не было бы своего театра теней. После обретения независимости Индонезией политические деятели, прекрасно зная это, используют его для целей просвещения и пропаганды.

Яванский гамелан богаче сунданского: в нём больше инструментов, причём некоторые не встречаются нигде, кроме Центральной Явы.

«Челемпунг» — разновидность кифары, лежащей на подставке в форме трапеции. Он несколько напоминает сунданский кечапи, но в нём тридцать шесть струн, что позволяет строить более богатые вариации вокруг темы, заданной саронами.

«Кенонг» — большая медная тарелка, подвешенная на скрещённых струнах над наполненным водой ящиком. При ударе изогнутого молотка получается необыкновенно насыщенный звук.

Кроме того, мы встречаем здесь знакомые по Сунде генданги, сулинг, сарон, ребаб.

Раньше яванцы различали «женские» инструменты — светлого прозрачного тона, на которых играют в помещении, и «мужские», звучащие куда ниже, с большим резонансом, используемые при игре на воздухе. Слияние индийской и яванской культуры в V веке ознаменовало соединение в одном ансамбле-гамелане «женских» и «мужских» инструментов.

Наряду с деревенскими существуют большие оркестры при дворах султанов. Они играют во дворцах и появляются перед народом раз в году по случаю пышного торжества. Музыканты исполняют старинную яванскую музыку, не предназначенную для сопровождения спектакля.

Влияние современности не распространилось ещё на индонезийский костюм. В городах и сёлах женщины и мужчины чаще всего носят саронги и юбки из батика всех цветов. Разнообразие рисунков, теплота тонов и расцветок, богатство орнамента обогащают жизнь красотой. Ею Индонезия обязана древнему ремесленному способу изготовления батика — «воскованию». Отрез ткани (обычно два с половиной метра на метр) опускают в краску, предварительно покрыв воском рисованный мотив. Постепенно снимая

воск и опуская ткань в различные красители, получают материю удивительно яркой расцветки.

Простой как будто способ требует, однако, большой сноровки и терпения. Ремесленник не только сам наносит рисунок, но и покрывает его воском с помощью «чантинга», маленькой бюретки с деревянной ручкой. Воск растапливают тут же рядом на костре, чтобы он тёк ровной струйкой. До XVII века воск лили по каплям, поэтому рисунок получался не таким чётким и ясным, как сейчас. Ремесленники обычно пользуются природными красителями, изготавливаемыми из дерева менгкуду, растущего на Сумбаве и Сулавеси. Батик красят в коричневые тона — от темно-красного до золотого.

Все это, казалось бы, свидетельствует об индонезийском происхождении батика. Однако часть специалистов указывает, что практика холодного воскования была давно известна в Египте, Персии и на юге Индии. Следует заметить также, что в таких замкнутых районах, как центральная часть Сулавеси, техника батика была распространена до прихода в Юго-Восточную Азию индийской цивилизации. Как бы то ни было, несомненна связь этого ремесла с прочими искусствами, типичными для азиатского юго-востока. В «ваянг-бебере», самом древнем театре теней, и поныне ещё используют вместо кукол свёртки раскрашенного пергамента которые даланг показывает публике. Рисунки и расцветки пергаментных свёртков повторяют раскраску древнейших батиков. А некоторые мелодии гамелана носят наименования древнейших батиковых стилей — Писангбали, Кавунг, Скиратон и т. д. Нередко случается, что один и тот же художник-артист работает чантингом, ведёт представление ваянга и играет на музыкальном инструменте.

Подобная взаимозависимость наводит на мысль о том, что техника батика — чисто яванское явление.

Ремесло это процветало главным образом на Центральной Яве. Княжеские дворы всемерно поощряли его, феодалы содержали большой штат работников, обновлявших гардероб придворных. В деревнях тоже изготавливали батик, причём над ним работали раньше, в основном, женщины, привнося в это занятие свойственное им терпение и вкус.

Современная индустриализация подкосила ремесленников, в особенности изготовителей батика. В начале нашего века появились набойки — «чап», позволяющие разом покрывать воском большие площади ткани. Чап облегчает работу и сокращает процесс крашения, ремесленнику уже нет надобности по три месяца раскрашивать один батик. Но одновременно в жертву индустрии были принесены эстетика и любовь к искусству. Современная химия позволила вырабатывать новые, более броские оттенки, отличающиеся от традиционных. Секреты красок, составлявших когда-то гордость мастеровых Центральной Явы, потеряны: прежде в каждой мастерской был *свой* коричневый и голубой цвет. Джокьякарта славилась богатством темно-красных оттенков, Суракарта — белизной.

Тем не менее кое-где ремесло сохранилось. Батик различается по месту происхождения, говорят: «Это балийский писанг» или: «У меня гринсинг». То же относится и к рисунку. Ислам привёл к стилизации орнамента, поэтому каждое украшение становится символом.

Наши заметки о культуре центральных районов Явы будут неполными, если не упомянуть о предмете, символизирующем силу и могущество, — о крисе. Это длинный кинжал с прямым или волнообразным лезвием, которое расширяется у рукоятки, изукрашенной, словно нос корабля. Кинжал появился на Яве в VII— XII веках. Но лишь в эпоху Маджапахита крис распространился

повсеместно, став державным знаком князей средневековья. Яванцы к тому же приписывают ему волшебную силу.

Техника изготовления криса была настоящим священнодействием. Оружейник, влачащий сегодня незавидное существование, в те времена пользовался большим престижем. Его называли «кьяй», т. е. мастер, господин. Во время изготовления кинжала мастерская превращалась в место жертвоприношений. Мастер-кузнец пользовался как обычным, так и метеоритным железом, содержащим никель. На наковальне отбивали вместе две железные полосы до тех пор, пока они не становились однородной массой. После этого оружейник вытравлял никель, в результате чего на лезвии выступал извилистый узор.

Изготовление криса часто сопровождалось на Яве и Бали чтением эпических поэм о первых кузнецах, героях-мастерах. Искусство обработки металла во всех древних обществах было связано с колдовством и волшебной властью. Кузнец был одновременно поэтом и шаманом. Он должен был передавать своё мастерство по традиции из уст в уста.

Рисунки на крисе призваны усилить действенность оружия. Как правило, на лезвии изображали змею; если лезвие прямое — значит, змея отдыхает, если извилистое — змея движется. Яванцы наделяют змею колдовскими свойствами. Поэтому лезвие криса погружали в голову или внутренности убитой змеи.

До появления ислама рукоять криса имела форму человеческой фигуры, да и сейчас она отдалённо её напоминает. Лезвие символизирует душу, ножны — тело. Когда крис вытаскивают из ножен, его нужно поднять над головой, упомянув при этом предков, которым он принадлежал. Оружие является средоточием семейного культа и переходит по наследству главе семьи. Раз в год крис торжественно

натирают благовониями. Легенда гласит, что, если недостойный человек будет носить крис на поясе, кинжал сам повернётся остриём и вспорет ему живот.

Так под индуистскими и мусульманскими наслоениями открываются древние местные верования.

ГЛАВА VIII

ВОСТОЧНАЯ ЯВА И МАДУРА

Из Суракарты в Сурабаю мы ехали дорогой, проходящей через западную часть Восточной Явы.

Широкая мутная Соло разделяет этот край с севера на юг. Её водный режим колеблется от двух кубических метров в секунду в сухой период до двух с половиной тысяч в сезон дождей. Течение питает ирригационную систему, построенную при голландцах. Соло остаётся и поныне поэтическим образом края: по преданию, в неё бросались доведённые до отчаяния неразделённой любовью. При выезде из Суракарты мы проехали по индонезийскому мосту вздохов. Дорога была забита буйволами, громыхавшими на выбоинах громадными повозками, по обочинам мелькали цветастые батики, звенели крестьянские песни, шла работа.

Короткий путь ведёт через Мاديун и Моджокерто. Но индонезийская армия оккупировала центральную часть Восточной Явы, район вулканов. Ходили слухи, что в здешних лесах скрываются коммунисты. Индонезийская компартия пользовалась широкой поддержкой среди бедных слоёв населения Восточной Явы. Сейчас патрули и отряды регулярных войск устраивали охоту на коммунистов, обыскивая глухие селения. До кровавых событий 1965 года в Индонезии насчитывалось около трех миллионов коммунистов. Что с ними стало?

В Мадииуне армия перерезала дорогу на Сурабаю, бесконечными проверками затрудняя передвижение. Решено было ехать по северному маршруту через лесную зону Боджонегоро. Индонезийцы неохотно селятся в лесу, особенно в густом и тёмном. Лес, по народному поверью, населён духами и разбойниками.

Кстати, в последнее время там нередко вспыхивает стрельба, так что эти опасения не беспочвенны.

За лесом на рисовых полях виднелись обнажённые до пояса коричневые тела крестьян, головы были скрыты под широкополыми шляпами. Время жатвы. Солнце выбелило все кругом. На поля пришли женщины. Рисовые стебли, достигающие до плеч, они срезают «ани-ани»: это небольшой острый резак, насаженный на рукоять.

Лезвие так и мелькает в руках. Женщины и девушки, идущие сзади, собирают — стебель к стебельку — драгоценный урожай в тяжёлые снопики, а мужчины переносят их на коромыслах; рис шуршит в такт шагам. На убранном поле остаются сорняки, их выпалывают ребятишки; над охапкой травы едва торчат макушки. Небо пронзительной белизны, ни ветерка. Мы находимся в самом сухом районе Явы.

Административный округ Восточная Ява составляет скорее историческую провинцию, чем географическую единицу. Рельеф делит район на несколько неоднородных частей. На северо-западе размытые реками и выветрившиеся плоскогорья Рембанг и Кенденг покрыты тиковыми лесами. Они плохо держат известняковые и мергелевые почвы. Зато южнее, в долинах верхней Соло, Мадун и Кедеи покрыты богатым чернозёмом, позволяющим снимать по два урожая риса в год, а часто и сажать между ними сахарный тростник и кукурузу. Восточная оконечность Явы являет собой нечто среднее между северным засушливым берегом, стиснутым между морем и вулканическим массивом, и южным влажным побережьем, где разбиты плантации кофе и гевеи. В центре три вулканических массива вздымают коричневую шкуру острова; сверху, с самолёта, их

кратеры выглядят словно голубые зрачки в глазницах. Население тесно сбилось в долинах.

Главный город Восточной Явы — Сурабая — второй по значению порт Индонезии. И едва ли не самый бедный город архипелага. Он вытянулся с севера на юг, вобрав в свои границы свыше миллиона человек — с 1930 года население утроилось. В городских кварталах обитает немало выходцев из других стран; наиболее многочисленны китайцы, за ними следуют арабы, и, наконец, выделяется старая еврейская колония. Как ни странно, подобное смешение не бросается в глаза на улице — люди предпочитают сидеть дома. В городе есть несколько широких проспектов, окаймлённых многоэтажными зданиями, но основная масса народа ютится в кампунгах.

В китайском квартале лачугнет. Стоят большие дома сбесчисленными комнатами, кухнями и коридорами. По ним можно бродить бесконечно. Внезапно в полумраке перед вами открывается пещера Али-Бабы: китайские фонарики, экзотические хвостатые рыбки в громадных зелёных аквариумах, антикварные редкости, выставленные на продажу. Ява сейчас, пожалуй, единственное место в мире, где можно найти фарфор династии Сун, подлинные статуэтки и вазы танской эпохи. Здесь же торгуют дивной мебелью железного дерева и, конечно, яванскими редкостями, собранными по всему острову, — среди останков рухнувших королевств найдено немало археологических шедевров.

Китайская община, составляющая лишь два процента населения Индонезии, сосредоточила в своих руках почти всю торговлю; по поводу любых видов перевозок лучше всего обращаться к знаменитой китайской автобусной фирме «Элтеха». Однако владение домами и магазинами не избавляет китайцев от тревоги и беспокойства — индонезийские солдаты

без зазрения совести их грабят. Со времени событий 1965 года налёты участились. Китайцы молча сносят их, опасаясь за свою жизнь. Они предпочитают откупаться.

Власти не заинтересованы в том, чтобы пресекать эти эксцессы: они боятся быть обвинёнными в сообщничестве с торговцами. Многие трезво мыслящие индонезийцы утверждают, что основная причина затяжного экономического кризиса в стране — коррупция на всех ступенях административной лестницы. Существует даже студенческая организация, ставящая главной целью своей политической борьбы искоренение взяточничества.

Сурабая, бывшая военно-морская база голландцев, сохранила многие черты колониального города. Это особенно чувствуется в архитектуре богатых кварталов, застроенных вилами и отелями. Широкие веранды с колоннами, громадные холлы, выложенные поддельным мрамором, и увешанные зеркалами коридоры выводят в прохладные дворы; скучное однообразие этой фальшивой пышности производит удручающее впечатление. Медленное, пыльное увядание... Нелепая, громоздкая мебель чёрного дерева не в силах заполнить пустоту коридоров. Лампочки горят вполнакала, отбрасывая немошные блики на стены. В чёрных колодцах глубоких кресел покоятся в вечной дрёме властители края. Что ещё остаётся делать здесь? Фальшивая роскошь и поддельное величие действуют разрушительно.

Торговля в Сурабайском порту идёт более оживлённо, чем в Танджунгприоке. Здесь разгружают уголь и готовую продукцию, грузят сахар. По глади бухты скользят бесчисленные парусники, бок о бок стоят судёнышки и океанские гиганты. Нагруженные донельзя небольшие шаланды с шатким такелажем везут товары на Калимантан и Сулавеси. Ритм товарообмена зависит от ветров, хотя жестокие бури в

этих местах редкость, поскольку Яванское море со всех сторон защищено островами.

Напротив Сурабаи лежит отделённый нешироким проливом остров Мадуро. Его населяет особый народ — ещё один в многоцветье индонезийского архипелага.

Плоский остров Мадуро имеет чахлую растительность. Сильная эрозия, которую с трудом сдерживают тиковые рощицы на восточном берегу, не позволяет вести интенсивное земледелие. А плотность населения между тем велика: четыреста человек на квадратный километр. Земля даёт небольшие урожаи риса, на западном берегу кое-где растут фруктовые деревья. На северном берегу существуют соляные выработки, где занято много народу: на горах соли копошатся люди с лопатами в руках.

Сухой климат (на Мадуре восемь месяцев в году не бывает дождя!) не мешает жителям исстари разводить коров. Более того, они экспортируют быков во все районы Индонезии. В августе — сентябре, когда скот подрастает, весь остров ежегодно отмечает грандиозный праздник карапан-сапи.

Тёплый солёный ветер клонит рисовые стебли. Колышутся на воздушных корнях мангры, похожие на недвижных цапель, — чахлая зелень над грязью болот. Серо-голубое пространство подёрнуто рябью. Отовсюду сочится влага — наступил долгожданный сезон дождей.

Мадурцев легко отличить от яванцев: у них резко очерченные скулы, впалые щеки, выпуклые лбы. Мадурцы делят с ачинцами, живущими на Суматре, репутацию наиболее фанатичных мусульман в стране. На всех без исключения — чёрные шапочки, чёрные полотняные одежды.

Мадурцы живут очень обособленно. В мадурской деревне каждый дом отделен бамбуковым забором. Только в центральном общинном доме на сваях после работы собираются мужчины.

Мадурцы — выносливые, гордые люди, долго помнящие обиды.

По берегам живут рыбаки. Ловят рыбу мужчины, вплавь тянущие сети. Увы, этот изнурительный способ малопродуктивен: пловцы больше распугивают рыбу. Практикуется и другой способ, когда на мелководье закидывают небольшую сеть на бамбуковом удище. Подождав, пока мелкая рыбёшка успокоится, сеть резким движением выдёргивают из воды. Мадурца-рыбака легко узнать по островерхой шляпе из плетёных бамбуковых листьев.

Столица острова — Памекасан — расположена на южном берегу. Недалеко от неё в Бангкалане после отборочных соревнований устраивают финал праздника карапан-сапи.

Карапан-сапи— это гонки быков на дистанцию сто десять метров, в которых встречаются экипажи главных деревень острова. Двух молодых бычков запрягают в оригинальные сохи без сошника: к деревянному расписному ярму крепятся параллельные носилки, концы которых волочатся по земле. «Водитель» этого бесколесного экипажа держится за вертикально поставленный, изогнутый на конце штырь. «Беговой плуг» хорошо скользит лишь по очень сухой земле, что весьма редко бывает в сентябре: в Индонезии это разгар мокрого сезона.

Отборочные соревнования устраиваются с 1 по 5 сентября. Из сорока участников выявляют двадцать четыре лучших. Чемпион Мадуры определяется в финале.

Плотно сбившаяся толпа болельщиков на площади Бангкалана едва оставляет свободным травяное поле для гонки. Зрители — мужчины и женщины — заключают пари и заносят их на длинные бумажные полосы. Хотя Коран формально запрещает азартные игры, эти ревностные мусульмане остаются в душе

типичными индонезийцами с их любовью к риску и бесконечным обсуждениям. На деревянных трибунах колышется море чёрных шапонеков; толпа, похоже, нисколько не страдает от нестерпимой влажной духоты. Сверкают белозубые улыбки и возбуждённые, полные вызова взоры.

Прямо возле арены под ногами животных расселись деревенские музыканты, приехавшие подбодрить своих: музыка звучит крайне воинственно, по такому случаю оркестранты не жалеют сил. Пронзительно трубит теромпет, колотят по полым стволам бамбука палочки, из глоток вырываются бравурные песни. Во время состязаний мадурцы расходятся до крайности, до неистовства. И, надо думать, поддержка зрителей не напрасна: чувствуя её, и соревнующиеся, и быки рвутся в бой.

Кортеж трогается. Упряжки, предводительствуемые оркестрами, появляются на арене. Начинается парад-представление. На концах ярма у быков болтаются зонтики, привешенные для красоты. Над каждым экипажем поднят флаг, на лбу у быков — порядковые номера. Плуги, раскрашенные в ярчайшие зелёные и жёлтые цвета, трепещущие вымпелы, красно-белые индонезийские флаги создают празднично-цирковую обстановку. К гроыханию оркестров примешивается усиленный громкоговорителем голос объявляющего: он выкликает названия деревень, выставивших свои упряжки на карапан-сапи.

Пройдя круг, соревнующиеся заходят за белую линию старта. Здесь они обмахивают нежные части быков перьевыми метёлочками, смоченными наперчённой водой! Животные, и без того возбуждённые гроыханием музыки и обилием людей, готовы кинуться вперёд очертя голову. Их едва-едва удерживают болельщики за кольцо в ноздрях, а то и просто за хвост. Прежде чем отпустить животных со

старта, односельчане хлопают быков по спине. Как же, дело идёт о чести деревни!

Быки шумно втягивают воздух, экипаж дрожит, слышатся восклицания. Но вот судья становится между двух упряжек, поднимает флажок, наездники берут в руки длинные бамбуковые погоняла. Одетые в чёрное, да ещё с угрожающе поднятой палкой, они становятся похожими на зловещих демонов. Фанфара судейской коллегии напоминает о старте. Жокей перекидывает через плечо тонкую белую ленту и прижимается животом к вертикальному штырю; босые ноги на деревянных полозьях составляют две другие точки опоры.

Все в напряжений ждут сигнала, когда люди и быки рванутся вперёд. Мадурцы исторгают вопль и в самозабвении разом опускают бамбуковые погоняла. Сухой удар устремляет экипажи вперёд, водитель хлопает быков деревянной щёткой, утыканной колючками. Выбросив в сторону одну руку, второй колотя в бок быка щёткой, вытянув шею над ярмом, мадурский жокей умудряется ещё при этом держать равновесие! Порой нога его соскальзывает с полозьев, и тогда человек, точно птица, летит вместе с экипажем. По мере того как противники приближаются к финишу, в толпе нарастает гул. Это уже не крик, а сплошной рёв!

На финише быки не замедляют бег, а, наоборот, ещё энергичнее врезаются в толпу. Они рассекают людское месиво, как корабль воду, и парни изо всех сил цепляются за хвост животных или хватают их за ноги. Наконец бешеные плуги останавливаются. При этом нередко бывают несчастные случаи: быки мчатся не строго по прямой, а мотают экипаж из стороны в сторону, сбрасывая жокеев с полозьев.

Состязания происходят утром, а к полудню уже заканчивается раздача призов. Раскинув руки,

победители совершают круг почёта. На трибунах и на поле ликуют односельчане, одним словом, царит атмосфера, как после матча по футболу или регби. Быков-победителей выводят из загона и метят калёным железом. Клеймо накаляют не в кузне, а на той же жаровне, что служит для приготовления сате. Несколько человек крепко обхватывают животное за шею, повисают у него на хвосте, а продавец шашлыка ставит на шкуру победителя метку «К», что означает «карапан-сапи». Многократные победители буквально испещрены этими знаками, и это резко повышает стоимость призёров.

Естественно, большое стечение народа не обходится без торговцев. Со всех концов острова прибывают тележки со съестным: возле арены мальчишки предлагают мороженое с кокосовыми орехами, доставая его из высоких жестяных бидонов, в стаканах плещется сок копры со льдом.

Под деревьями вокруг земляной насыпи начинается ярмарка...

Перенаселённость острова вынуждает мадурцев эмигрировать на Яву. Уже в 1930 году на востоке Явы насчитывалось больше мадурцев, чем на самой Мадуре. Кстати, в этом районе и поныне говорят в основном по-мадурски. На южном побережье Восточной Явы переселенцы нашли землю и возделывают сахарный тростник. Сегодня в округах Пасуруан и Бесуки разбиты крупнейшие сахарные плантации, перемежающиеся с посадками кукурузы. Посадки ведутся по старинке: женщины, согнувшись пополам, втыкают с размаху, помогая всем телом, острие мотыги в землю. В узкую щель бросают несколько зёрнышек маиса.

Вдали вырисовывается конус вулкана Бромо — по поверью мадурцев, это обитель духов. Ежегодно жители долины ночью поднимаются по его склонам,

чтобы на заре бросить в громадный (больше семи километров в диаметре) кратер приношения: мелкие монетки или барана. В давние времена, говорят, в жертву приносили новорождённого младенца или юную девушку.

В Маланге, в девяноста километрах к югу от Сурабаи, два каменных гиганта сторожат вход в исчезнувшее строение — его поглотили речные наносы. У гигантов одновременно и свирепый, и добродушный вид: змея обвивает грудь, из-под пышных каменных усов торчат клыки. Что они охраняли? За их спиной видны остатки каменного бассейна, наверно, для ритуальных омовений. Сейчас в нём плещутся ребяташки. Когда были изваяны гиганты? Одновременно со статуями чанди^[33], что стерегли незаконченный погребальный храм, где стояли изображения Шивы?

Как все индонезийские святилища, этот чанди построен в форме небольшой каменной горы, космического возвышения. В XI веке религия Восточной Явы являла собой синтез шиваизма, буддизма и брахманизма. Кроме того, в этой наиболее удалённой от Индии части страны местные верования должны были играть существенную роль. Так, лица многих изваянных из камня статуй представляют собой портреты тогдашних королей; летописи той эпохи подтверждают существование культа короля. Короли почитались как живое воплощение божества, их изображали в виде полубога-получеловека. Они повелевали небесными силами и часто прибегали к магии и колдовству, появившимся с тантристским буддизмом. Интересно отметить, что один из королей Сингасари силой данной ему волшебной власти заменил пять буддийских заповедей пятью «удовольствиями» (еда, питьё, секс и т. д.)^[34]. Эта любопытная подробность показывает, что

божество почиталось не только как сила карающая, но и как творящая добро. Яванская религия с течением времени вобрала в себя все разногласия и приобрела совершенно самобытную форму.

Познав короткий период расцвета, индо-яванская цивилизация на Восточной Яве быстро покати́лась к закату под ударами ислама, с одной стороны, и междоусобиц — с другой.

ГЛАВА IX

ИНДОНЕЗИЙСКИЙ ИСЛАМ

Если бы Магомет посетил сегодня Индонезию, он, без сомнения, был бы удивлён, насколько мало следует в быту его заповедям этот глубоко верующий народ.

Пять ежедневных молитв сведены в лучшем случае к двум-трём. Индонезийцы курят и, как мы видели во время карапан-сапи, со страстью предаются азартным играм. Месяц поста — рамадан — обычно не соблюдается, отмечают лишь его последний день, когда устраивают большой пир — сламетан.

Индонезийские женщины не знают строгих правил, обременяющих мусульманок. Они не носят паранджи, пользуются теми же правами, что их мужья, и часто заправляют семейной торговлей. Родить на свет девочку не означает здесь катастрофу, как во многих странах Среднего Востока; юная индонезийка вместе со своим братом пойдёт в школу и вряд ли станет ревностно изучать Коран. Полигамия в Индонезии скорее редкость; многожёнство обходится дорого, а главное, оно идёт вразрез с исконной индонезийской традицией защиты женщины. В случае развода свод обычного права— адат — превалирует над мусульманским законом. Согласно последнему муж может без всяких видимых причин и без предупреждения отправить супругу назад к её родителям, яванцы же предоставляют женщине право условного развода, или «талак». Перед свадьбой жених в присутствии попечителя новобрачной объявляет, что берет её в жены, а затем добавляет: «Обязуюсь предоставить моей жене право талак в случае: если я оставляю дом на срок больше полугода, или если не буду выполнять свои обязанности, или если три месяца не

буду приносить в дом пищу, если буду дурно с ней обращаться, и если она будет с этим несогласна и обратится в суд, а суд скажет, что она вправе требовать талак».

Адат значительно мягче шариата^[35]. И это — один из пунктов извечного спора правоверных мусульман со сторонниками традиционного индонезийского права. Особенно это заметно на Суматре, где ачинцы именем Корана преследовали мусульман менангкабау, живших по законам матриархата. Конфликт вылился в кровавую резню. Сегодня противоречие адат — шариат означает на практике столкновение приверженцев современности и традиционности.

Подобное восприятие ислама не мешает индонезийцам совершать паломничества в Мекку, несмотря на связанные с этим трудности. Ежегодно значительное число паломников из Индонезии — едва ли не самое большое — на несколько месяцев отправляется в Аравию. В Джидде^[36] даже обосновалась целая колония, обеспечивающая связь между мусульманскими святынями и малайским миром; с её помощью набожные паломники остаются в Мекке для изучения Корана и размышления над смыслом религиозных текстов. По возвращении они получают звание «хаджи» и пользуются большим авторитетом. Хаджи носят на голове белую скуфью. Из их среды выходят учителя закона божьего, пытающиеся привить индонезийцам вкус к строгому соблюдению предписаний пророка.

За исключением области Аче на Суматре и острова Мадура, в остальных районах Индонезии мусульманская религия более или менее приспособилась к местным особенностям. На Центральной Яве, однако, ортодоксы, или «белые», ненавидят нечистых, или «красных».

Первые свято следуют религиозному учению и считают себя «шантри» (синоним набожного, или мудрого).

Кроме небольших мусульманских школ, где ученики заучивают наизусть суры Корана, не вникая в смысл арабских слов, существуют ещё так называемые «песантрены», или интернаты. Это скорее монастырские колледжи; они расположены, как правило, вдали от больших городов и набирают учеников из дальних мест. В школах изучают Коран, толкуют священные тексты, но главное внимание уделяется устным наставлениям учителя. Не забывается и благотворное воздействие физического труда. Чтобы ученики не теряли навыков сельской жизни, их заставляют возделывать школьное поле, доставлять пропитание и готовить пищу.

Выпускники песантренов призваны распространять ислам и впоследствии составить религиозную элиту страны. В наши дни, правда, эти школы стали объектами критики индонезийцев — поборников модернизма, ратующих за светское образование.

Наряду с более или менее соблюдаемой догмой на Суматре и Яве процветает мусульманская мистика, соединяющая весьма причудливым образом чисто индонезийские верования с элементами ислама. В различных частях страны встречаются разночтения священных текстов, особенно Корана. Но в общем можно сказать одно: индонезийская мистика делает акцент на личном опыте, на ощущении бога в себе.

Великие религии, которые повсеместно строились на уже существовавшей основе, с течением веков углубляли познание человеческой личности, постепенно выделяя индивидуальный опыт из коллективного. Они обращались уже не столько к группе людей, сколько стимулировали поиски смысла жизни отдельным человеком через религию. Ислам, в частности, устами последнего пророка призывал каждого человека, вне

зависимости от его социального положения, непосредственно контактировать с богом. На индонезийской почве, подверженной мистическому брожению, вера и догматы Мухаммеда привились и в XV столетии распустились пышным цветом.

Яванская литература того времени, уже впитавшая основные течения индийской культуры, свидетельствует о слиянии индонезийских и мусульманских тенденций. Литературные произведения в ту эпоху выходили в виде небольших рукописных тетрадей — «сулук». Традиция сохранила множество имён авторов сулуков, но историческая достоверность их существования тонет под грузом легенд: апостолам новой религии — «вали» — приписывают конкретные вероучения, а также изобретение многих элементов культуры: театра ваянг, гамелана, криса... Эти герои-цивилизаторы в количестве восьми-девяти человек стали объектами поклонения, их могилы чтут, как усыпальницы святых. Туда приходят толпы паломников, ожидающих чуда от прикосновения к реликвиям. Вали проповедовали учение для избранных, имевшее целью выявить истину в чистом виде.

Ислам, как мы видим, с самого начала распространялся в Индонезии в своей наиболее мистической форме. Но постепенно он приобретал все больше индо-яванских черт. К примеру, для обозначения всевышнего яванцы кроме арабского термина употребляют шиваистские понятия, такие, как «союз» и «ничто». Следуя этим путём, многочисленные школы толкователей ислама доходили до прямой ереси, приспособлявая к мусульманским догматам индуистские и даже доиндуистские понятия.

Самой еретической, без сомнения, была секта бирахи, которая отвергала мораль и занималась исключительно метафизикой. Делала она это весьма оригинальным способом: её члены, мужчины и

женщины, собирались на священные оргии, проходившие под аккомпанемент тамбуринов, и постепенно владели в экстаз^[37].

Индонезийская мистика отражает одну из главных, если не главную, тенденций мышления этого народа — сугубо *конкретную* религиозность.

Обряд обрезания существовал здесь у многих племён ещё до ислама, и приход новой религии лишь способствовал повсеместному распространению этой практики. Тем не менее обряд имеет несколько иной смысл, чем у арабов... Он означает инициацию, возведение в полноправные члены общества, переход от обезличенного, почти животного состояния детства к определённомu положению мужчины. В Сунде мальчика, обрезают, когда он об этом просит сам. Церемонию устраивают обычно в мае перед жатвой. Поутру, когда восходит солнце, мулла из мечети делает ребёнку обрезание. Но семейный праздник, следующий затем, уводит нас далеко от мусульманства.

Обрезанный мальчик садится в повозку, запряжённую «золотым конём» в шорах; мужчина одной рукой правит экипажем, другой держит громадный зонт, раскрашенный золотой краской. Вся деревня идёт следом к реке, где ребёнку устраивают торжественное омовение. По возвращении процессии, под гром барабанов и звуки теромпета начинается праздник. Один из подростков четырнадцати-пятнадцати лет, но только не виновник торжества, садится верхом на лошадь-палку, которую мы видели уже во время церемонии бенджанг. Деревянный конь зовётся «кудалумпинг», что означает «конь-попрыгунчик». Мальчик начинает подпрыгивать верхом на палочке, а односельчане, выстроившись по обеим сторонам главной улицы, бьют его с размаху по спине, бросают камни, осыпают бранью и плюют в него: все злые силы

должны сойти на этого подростка, оставив чистым виновника торжества. Ярость участников церемонии не знает границ, дело иногда доходит до увечья, а то и убийства подростка. Но сунданцы уверены, что он не может умереть: учитель-наставник, весь в белом, рядом, он призван защитить юношу. Жестокая церемония длится около трех часов. Несчастный всадник впадает в транс и наконец под тяжестью ударов падает в изнеможении без сознания наземь, но никто не бросается ему на помощь. Следует подчеркнуть, что юноша добровольно выступает в этой роли. Для него это очень важно: сунданцы необыкновенно ценят силу духа и физическую выносливость.

Если спросить у участников, что символизирует деревянный конь, они как добрые мусульмане ответят, что это тот самый конь, который нёс Мухаммеда в момент озарения. Однако, вне всяких сомнений, церемония кудалумпинг существовала задолго до прихода ислама, поскольку она встречается и у батаков на Суматре, так и не принявших мусульманства.

В Сунде практикуется кое-где обрезание девочек. Эту церемонию держат в глубокой тайне и обычно приурочивают к другому большому ритуальному празднику — подпиливанию зубов. В былые времена женщинам особым камнем стачивали зубы, чтобы те были ровными, один к одному. Сегодня подпиливание, как таковое, уже не сохранилось, остались лишь символические жесты.

Ещё одно наложение мусульманской и индонезийской традиций можно наблюдать во время пиров-сламетанов. Эти пышные пиршества устраивают не только по случаю свадьбы. Они ещё и повод привлечь благосклонность богов к данному дому или, наоборот, отвести от него дурной глаз. Сламетан — пир во славу защитников-предков и во славу Аллаха. В

принципе каждое значительное событие в жизни семьи отмечается сламетаном. В начале праздника мулла именем Аллаха благословляет в мечети собравшихся, на что те отвечают: «Амин». Затем все возвращаются в деревню, чтобы отведать яств, приготовленных к сламетану. Остатки пиршества будут принесены в жертву предкам и богам.

Праздники устраиваются по оригинальному календарю, в котором смешаны местные верования с мусульманскими требованиями: гостей на сламетан зовут на седьмом месяце беременности женщины, по случаю обрезания, свадьбы и похорон (умерших чтут также погребальным обедом на третий, седьмой, сороковой, сотый и тысячный день после смерти). Сламетан устраивают и для того, чтобы отвести тяжёлую хворь или если кто-то из членов семьи желает сменить имя, по случаю переезда либо когда владелец криса решает продать своё оружие: кинжал должен «согласиться» покинуть своего владельца, иначе он может закапризничать в чужих руках и стать опасным; в этом случае приходится устроить ещё один обед, дабы его успокоить. Постройка дома, ежегодное очищение деревни, различные фазы созревания риса также отмечают сламетаном. Получается, что у индонезийцев почти постоянный праздник. В любом индонезийском селении можно увидеть танцы и ваянг, послушать певцов-сказителей древних эпопей.

Приглашённые на сламетан устраиваются как бог на душу положит вокруг дома, а женщины обносят гостей кушаньями, завёрнутыми в большие банановые листья, — всевозможными сладостями и печеньями. Царит атмосфера безыскусного веселья: парни и девушки перекидываются шуточками, звенит смех, обстановка та же, что на деревенском празднике в Европе. После трапезы, которая затягивается иногда на

несколько часов, следует неприменный священный ритуал, имеющий отношение к теме праздника.

Если праздник отмечается по мусульманскому календарю, то следует чтение Корана; к примеру, в двенадцатый день третьего месяца исламского календаря, когда отмечается рождение пророка, под аккомпанемент тамбуринов рассказывают историю его жизни. Запевалы произносят несколько слов по-арабски, присутствующие, как правило не знающие языка, механически повторяют их хором. Повторы чередуются в заданном ритме, который в конце концов может заставить гостей впасть в транс. Часто юноши разыгрывают мимические сцены из жизни пророка. 27 числа раджаба (седьмого месяца) празднуется вознесение пророка. А восьмой месяц посвящён культу предков; индонезийцы, как мы это делаем в день всех святых, приносят подарки на могилы родственников. Но главный праздник года — это саввал (десятый месяц): в последний день поста делаются пожелания на будущий год. Раньше в этот день перед народом появлялся правитель; сейчас султан довольствуется тем, что выставляет дворцовый гамелан, о котором мы уже упоминали. Традиционный вынос королевских регалий, которые молва наделяет чудодейственной силой, и раздача толпе риса постепенно исчезают в наши дни.

В заключение отметим, что индонезийцы любят веселье, любят жизнь и наслаждаются ею. Им чуждо пуританство в любой форме. Во все времена это был один из самых веротерпимых народов на земле.

Глава X

БЫТ

Полдень. Детишки выходят из школы, водрузив тетрадки на голову. Школьников узнаешь издали по бело-голубой форме: государство из демократических соображений ввело единую одежду для всех учащихся, вне зависимости от возраста. Обучение в стране остаётся добровольным.

Семейные обязательства выражаются не в форме материальной повинности, а в сыновней почтительности, вежливости со старшими и поддержании традиционной семейной структуры. Родители не требуют, чтобы дети непременно присутствовали за столом.

Рано утром женщины готовят пищу и кладут её в большие кастрюли, откуда каждый член семейства в течение дня берет, сколько захочет. Если надо подать на стол тарелку риса с сате, кто-нибудь из женщин разогревает еду на кухне.

Было бы ошибкой думать, что индонезийская женщина пребывает в домашнем рабстве. Наоборот, её роль хозяйки дома даёт ей решающий голос в семейных делах. Нередко матроны любящей, но строгой рукой заправляют семейством. В яванках нет застенчивости или робости, они ведут себя очень естественно, отвечают смехом на шутку, хотя и выказывают мужу внешние знаки уважения. Так, проходя мимо мужа, жена слегка пригибается и опускает руку к земле, но на лице её не заметно ни страха, ни подобострастия. Индонезийки простотой манер и лёгкостью походки отличаются от большинства женщин Запада, напускающих на себя «светский» вид. Хлопчатобумажные одежды живой расцветки выгодно

подчёркивают их фигуры. Бронзовые лица не нуждаются в косметике, разве что в праздники женщины пользуются яркой губной помадой и европейскими духами. Традиционный костюм сохранился не только в деревне. Правда, мужчины в городе редко надевают саронг: на работу они ходят в брюках и пиджаках, зато вечером дома с удовольствием переодеваются в батик.

Индонезия, по-видимому, не испытывает тяжёлых сексуальных проблем мусульманского Среднего Востока. Добрачные отношения юношей и девушек довольно свободны — в этом, как и во многом другом, страна придерживается мудрой терпимости. В результате мужчины относительно поздно вступают в брак, в отношениях между мужчинами и женщинами сохраняется равенство. У каждого — своя роль, и, если эта роль выполняется хорошо, конфликтов не возникает. К слову сказать, индонезийцы терпеть не могут семейных неурядиц.

Вернувшись с работы, мужчины усаживаются на веранде или прямо на земле перед домом, курят сигареты с гвоздикой, пьют чай с сушёными бананами и прочими сладостями, которые приносит жена. Жена ест не с мужем, а в отдельной комнате, оставляя открытой дверь в мужскую половину дома. После ужина все члены семьи собираются вместе, отдыхают, беседуют, часто поют, слушают музыку или просто обсуждают меню на завтра. Иногда отец берет флейту и аккомпанирует дочерям; те поют, чуточку в нос, современные или старинные мелодии. Индонезийцы любят поздно засиживаться, и ночь, звучащая музыкой и песнями, заволакивает улицу, заставляя забыть все дневные заботы.

Индивидуализм и любовь к одиночеству считаются здесь ненормальными явлениями, простые люди чувствуют себя хорошо только в группе.

В Индонезии никогда не собираются только для того, чтобы выпить и закусить, целью всегда остаётся дружеское общение.

Деревни на Яве вытягиваются вдоль дороги, так что подчас трудно найти границу между ними. Каждый домик окружён чистеньким садиком, где растут кокосовые пальмы, несколько банановых деревьев; иногда его окружает бамбуковый палисадник с узенькой калиткой. Дорожки тщательно подметены, вообще, все в доме подчёркивает любовь индонезийцев к порядку. Не валяются брошенные инструменты, ни снаружи, ни внутри дома не видно грязи.

Маленький домик на сваях напоминает размерами кукольное жилище. Стены — плетёные, крыша покоится на столбах. Её кроют чёрной соломой либо темно-красной черепицей — массивные двускатные кровли напоминают тогда голландскую деревню. Глины на Яве сколько угодно, и черепицу изготавливают несколько заводов. Внутри домик выглядит так: за верандой следует общая комната — гостиная, за ней — жилые покои. В комнатах на натёртых до блеска паркетных полах лежат матрасы. В глубине — низкий кухонный очаг. На соседней стене висит кухонная утварь; большие медные кастрюли в точности напоминают те, какими пользуются у нас в деревне. Здесь в полумраке — окна в индонезийских домах, как правило, очень маленькие — работают женщины. Приготовление пищи отнимает у них большую часть времени, и если женщинам ещё надо участвовать в полевых работах, им приходится вставать до зари.

Основная еда — рис, пища тяжёлая, но не сытная. Монотонность стола скрашивают соусы, приготовление которых стало подлинным искусством. Мясо, за исключением сате из барашка, редко попадает на стол в свежем виде; обычно его сушат, разрезав на

маленькие палочки, чтобы оно всегда было готово к употреблению. Часто его расщепляют на отдельные волокна и потом долго-долго жуют. Вообще, индонезийцы целый день что-то жуют, дополняя ежедневный основной рацион из трех чашек риса.

Овощи и фрукты на архипелаге растут крайне быстро, и жители получают в пище много витаминов: им приходится количеством компенсировать недостаток качества питания. К счастью, индонезийцы не потребляют алкоголя^[38], пьют только чай, ставший подлинно национальным напитком. Металлические подстаканники долго сохраняют тепло. Чай помогает переносить тяжёлый изнуряющий климат — в Индонезии почти беспрерывно потеешь, и, чтобы не обезводить организм, нужно много пить, но только не ледяные напитки! Горячее или тёплое питье поднимает температуру тела, но в сравнении с температурой воздуха оно остаётся прохладным и свежим. На экваторе действие алкогольных напитков усиливается, поскольку ослабленный жарой организм оказывает меньше сопротивления. Те европейцы, которые в Индонезии продолжают злоупотреблять виски или вином, быстро слабеют.

На стенах комнаты в золочёных рамках висят семейные фотографии, иногда календарь, варьирующийся в зависимости от района; ведь у яванцев, сунданцев и балийцев различные системы отсчёта времени. Календари могут быть мусульманскими и индуистскими, а иногда вообще местного изобретения, так что заезжий иностранец оказывается сбитым с толку. Праздник, назначенный в Джакарте на май, может вполне состояться на два месяца раньше. Заграничные бюро путешествий не в силах пробиться сквозь лабиринт индонезийских дат.

Аналогичный вывод можно сделать и относительно внутридеревенской структуры. Вариации в пределах одной только Явы столь сильны, что составить полное и исчерпывающее описание индонезийской общины невозможно. Можно лишь выделить общие для всех мест элементы социальной организации.

Для индонезийцев очень характерно чувство солидарности. В каждой «деса» (деревенской округе) существует система взаимопомощи, «готонг-ройонг». Это система общественных повинностей, в которых участвует все население. К ним относятся: тяжёлые работы на рисовых полях, строительство домов, помощь безработным, ремонт общественных зданий, сбор средств нуждающимся семьям, сиротам и старикам. Система играет важную роль в жизни общины и подчинена определённым правилам, обуславливающим обязанности в зависимости от социального положения.

Деса, административная и географическая единица, представляет собой иерархическую структуру. На вершине её находится буржуа, владеющий собственным домом и земельным наделом. На него приходится наибольшая доля обязательств в готонг-ройонге. Этажом ниже идут те, у кого есть дом, но нет земли. Они выполняют некоторые общинные повинности. И, наконец, в самом низу — бедняки, не имеющие ни дома, ни земли. Они освобождены от повинностей и пользуются благами готонг-ройонга.

Подобная система в какой-то мере компенсирует социальное неравенство и помогает выжить неимущим, которых всегда большинство. Основная часть крестьян арендует землю у ростовщиков-китайцев. Однако некоторые деса с общего согласия жителей предоставляют безземельным небольшой надел, достаточный, чтобы прокормить семью. Такая система распространена главным образом на Восточной Яве; в остальных районах земля находится в руках крупных

землевладельцев, и на них работают исполщики. Помещики часто живут не в деревне, а в городе, в собственных домах. Деревенские буржуа, таким образом, остаются на месте посредниками между массой неимущих крестьян и землевладельцами. В таких условиях община способна выжить только благодаря готонг-ройонгу.

Тот же дух солидарности позволил индонезийцам сохранить за время голландской колонизации свои обычаи, традиции и социальную структуру, что не удалось многим развивающимся странам. Когда разразился экономический кризис 1930 года, рабочие, уволенные с плантаций Суматры, не погибли только благодаря готонг-ройонгу. В наши дни поддержка общины не позволила экономическому маразму в стране принять трагические формы, как это случилось в других странах мира. Деревня живёт замкнутым натуральным хозяйством, почти без денег: долги платят рисом после сбора урожая.

Взаимопомощь позволяет также разрешить проблему перенаселённости. Нам это решение может показаться неудовлетворительным, однако оно по крайней мере не даёт множеству индонезийцев умереть с голоду. Помощь безработным поддерживает целый класс бродячего пролетариата, который кормится сезонными работами или живёт милостыней. При других обстоятельствах они были бы обречены. Способность народа противостоять нищете не может не вызывать восхищения. Перед лицом победно шествующего модернизма отдалить его засилье позволила только традиционная структура, основанная на духе терпимости и великодушия. Она остаётся живой силой в деревне. В этой связи возникает вопрос: не покончит ли с ней растущая индустриализация? Ведь модернизм — это прежде всего индивидуализм, и без традиционного общинного духа, до некоторой степени

стирающего различие между классами или хотя бы уменьшающего их антагонизм, общество неизбежно разделится на прослойки, как это случилось на Западе.

Часть вторая

БАЛИ

ГЛАВА XI

ЗНАКОМСТВО С ИСТОРИЕЙ И ГЕОГРАФИЕЙ ОСТРОВА

В отличие от Явы, Суматры, Сулавеси и Молуккских островов, принявших ислам, Бали, как это ни парадоксально, остался верен индо-яванской культуре. В XVI веке, после крушения королевства Маджапахит, индуизм и буддизм сохранились только на восточной оконечности острова Ява, в княжестве Баламбанган, а потом на Бали. Там же сохранилась до наших дней традиционная культура Явы, процветавшая за много веков до прихода мусульманства. С течением времени индо-яванская культура претерпела некоторые изменения и превратилась в оригинальную балийскую традицию.

Истоки индуизма на Бали остаются невыясненными — привился ли он в результате прямого контакта с индийскими брахманами, или индуистская культура проникла вначале на Яву, а уж затем на Бали? Древнейшие следы индуизма, похоже, не связаны с яванским влиянием: обнаруженные королевские эдикты и первые религиозные тексты написаны на старобалийском языке с вкраплениями санскритских терминов, в них нет ни одного яванского слова. Яванский язык появляется только с IX века, постепенно вытесняя старобалийский, по крайней мере в письменной речи, и прежде всего в дипломатическом языке. Так, одна грамота, датированная 962 годом, объявляет о создании на Бали курорта для яванцев. Как видим, туризм на Бали не в новинку!

В 989 году балийский князь Удаяна женился на яванке Махендрата. Один из его сыновей, Эрланга, стал

королём. В 1019 году его власть распространилась кроме Бали на Центральную и Восточную Яву. С этого времени начинается интенсивное проникновение яванской культуры и религии на Бали. В XIV веке король Маджапахита завоевал Бали, и на востоке острова, в Гелгеле, обосновалась яванская династия. Княжества, на которые и поныне разделён остров, — их насчитывалось восемь до событий 1965 года — возникли во времена первых беженцев из Маджапахита.

Когда султан Матарамас распространил ислам по всей Яве, Бали остался верен индуизму. Придворные поэты передавали из поколения в поколение изысканный стиль яванской поэзии. Простонародье же Бали приносило в индо-яванизм элементы родной культуры. Ява оставалась идеалом совершенства для дворянства, но не для простолюдинов-крестьян. Что касается собственно балийской религии, то она подвергалась постепенной яванизации. Этот процесс ощущался слабее по мере удаления от княжеских дворов к заброшенным деревням острова. Влияние было столь неоднородным, что ещё сегодня от одной деревни к другой в балийской религии встречаются различия. А кое-где в горах сохранились традиции, существовавшие ещё до маджапахитского завоевания. Например, по берегам озера, возникшего на месте кратера вулкана Батура, живут бали-ага (истинные балийцы): они не сжигают мертвецов, а оставляют их на поверхности земли. О бали-ага среди горожан Бали ходят самые невероятные слухи и легенды. Со страхом, смешанным с восхищением, рассказывают о тамошних колдунах, способных якобы заставлять маленьких девочек летать по воздуху.

Голландцы завоевали Бали довольно поздно и проявили при этом необыкновенную жестокость. В 1906

году, когда армия Нидерландов вторглась на остров, князя Денпасара и Памечутана в сопровождении жён и детей пошли против голландских пушек и винтовок, вооружённые одними крисами. Произошло побоище. Это коллективное самоубийство даёт представление о гордости балийцев, об их обострённом чувстве чести и достоинства, о верности традициям предков, грудью вставших на защиту своего острова и религии. Сегодня Бали удивляет путешественников гармоничностью своего жизненного уклада, пышностью природы и порождённой ею религией.

Когда, покинув восточное побережье Явы, прибываешь на Бали, вовсе не ожидаешь увидеть по другую сторону пролива продолжение оставленного за спиной города, ту же дорогу на прибрежной полосе, зажатой между морем и вулканами, тот же иссушенный пейзаж. Между тем Бали воспроизводит в миниатюре ландшафт и климат Восточной Явы: на севере засушливая зона с хилыми деревцами, рассеянными вокруг редких колодцев, а на юге, по другую сторону вулканического барьера, являющегося как бы спинным хребтом острова, — террасы рисовых полей. К счастью для островитян, южная часть Бали значительно больше северной.

Население острова насчитывает миллион семьсот тысяч человек на площади около шести тысяч квадратных километров. Однако плотность населения, составляющая в среднем около трехсот жителей на квадратный километр, неодинакова: по мере удаления к востоку деревни становятся все многолюднее. Дело в том, что на западном побережье Бали, в низинах между вулканами, раскинулись обширные болота с чахлыми кокосовыми пальмами, торчащими кое-где среди зелёных ползучих кустарников. Там свирепствует малярия. В наши дни, правда, жителей перенаселённой,

восточной части острова пытаются переселять на запад, но это наталкивается на непреодолимые трудности: как все индонезийцы, балийцы очень привязаны к земле своих предков, к родной деревне. Покинуть её означает совершить измену, святотатство.

Смещённый к северу вулканический барьер значительно повышает рельеф Бали: знаменитый Гунунг-Агунг возносится на три тысячи сто сорок два метра, а Гунунг-Батур — на тысячу семьсот семнадцать. Грозные вулканы частыми извержениями выжгли и обуглили окрест всю растительность. Чем выше, тем чернее почва, а с перевала, окутанного экваториальной «изморозью» (температура там примерно плюс восемнадцать градусов), открывается грандиозная картина разрушений...

Наши отрывочные географические заметки останутся чистой абстракцией, если мы не совершим прогулки через весь остров Бали.

Бали — большое зелёное сердце на карте — остров щедрый и великодушный. Наше судно, нёсшее в своём чреве несколько грузовиков и автомобилей, отчалило от маленького яванского порта Баньюванги и прибыло в Гилиманук, на крайнем западе Бали.

Из Гилиманука в Денпасар дорога идёт вдоль моря. На северо-востоке острова вырисовывается цепь вулканов, а в нескольких сотнях метров от нас плещется лазурный Индийский океан. Вокруг тихо и пусто: кокосовые рощицы качают своими растрёпанными головами, море закручивает клубки волн на белом песке пляжа, террасы рисовых полей спускаются чуть не к самому берегу. Вот мелькнул на склоне сложенный из камня алтарь, крытый чёрной соломой. Вход в святилище закрывают изукрашенные резьбой деревянные двери, в нише — принесённые в дар цветы и фрукты.

По мере приближения к Денпасару дорога отходит все дальше от берега, врезаясь зигзагами в густую растительность между холмами. Речки, несущиеся по склонам вулканов, прорыли глубокие узкие долины, так что приходится пересекать ряд металлических мостов, делать резкие повороты и виражи, карабкаться вверх.

На дне тёмной пропасти непременно вьётся ручеёк или шумит водопад. Зелень покрывает стены оврагов до самого низа. Утром и вечером можно увидеть, как в речушках купаются люди и животные; это зрелище удивительной свежести и естественности вызывает в памяти полотна Ренуара: обнажённые женщины, расчёсывающие длинные блестящие от коричневой воды волосы или с радостным смехом плещущиеся в ручье. Рядом с ними, войдя до половины в маслянистую воду, стоят громадные розовые буйволы, вокруг которых вьются голые ребятишки. Золотистый цвет тел удивительно вписывается в мирный пейзаж. По традиции мужчины совершают омовение выше по течению, чтобы таким образом быть ближе к источнику, к чистоте, ближе к бегам.

По дороге к Денпасару можно свернуть налево и взять путь на север острова, к Сингарадже. Для этого надо подняться на перевал горного хребта, делящего Бали на две неравные части. И разом влага сменяется засухой, а лес — кустарником.

Дело в том, что облака, идущие с востока, задерживаются у вершин Агунга и Батура, чтобы пролиться ежедневным дождём над Денпаеаром. По эту сторону гонимые ветрами облака слишком быстро проскакивают узкую прибрежную полосу и выпускают дождь над морем. Эта особенность объясняет странности климата в районе Сингараджи, кукурузного центра Бали. По дороге туда поднимаешься к трём озёрам, заполнившим громадный кратер, от которого начинается постепенный спуск к морю.

Там стоят два больших храма. Первым, в нескольких километрах к западу от Денпасара, встречается святилище Менгви; его со всех сторон окружает вода. Чтобы войти в храм, надо пересечь мост, охраняемый статуями демонов с большими красными цветами за ухом. На стене первой ограды висит современная эмалевая доска, где по-английски написано, что вход в «пуру»^[39] воспрещён женщинам «в недомогании» — они считаются нечистыми. Среди лужаек переднего двора, где устраивают петушиные бои, бьют фонтанчики святой воды. В главное святилище входят через узкие ворота. Поднявшись на несколько ступенек, видишь, что деревянные створки сплошь изукрашены изображениями демонов — хранителей алтарей. Все этажи — а они сделаны в виде высоких пагод — крыты чёрной соломой. Чем выше цоколь, тем важнее божество, которому святилище посвящено. Верховный бог Шива имеет одиннадцать кровель, Брахма и Вишну — по девять. Стоящие непарно алтари покоятся на цоколях изумительной работы. Местный податливый камень даёт пищу воображению, — взяв за основу индуистскую статую, искусные мастера окружили её сплетением вычурных арабесок. Скульптура приобрела от этого причудливый вид. Так, скажем, великий орёл Гаруда^[40] выглядит кошмарным чудовищем с диким каменным оперением. Иногда в самом низу на барельефе изображена будничная сцена из жизни балийцев.

В деревянную раму на цоколе (балийцы называют его индийским словом «меру»—гора) кладут дары: цветы, фрукты, мелкие монетки. Чуть в стороне видна площадка на выложенном из камня возвышении — здесь после моления служители культа совершают ритуальную трапезу из даров, не предназначенных богам.

В храмах-пурах, несмотря на святость места, царит атмосфера деревенского праздника: в Менгви нет ничего торжественного, боги живут здесь запросто, без церемоний. Зато святилища, расположенные высоко в горах, остаются хранителями божественного духа. Здесь поклоняются тайне мироздания. Начинаешь понимать, почему балийцы выбирают для храмов пугающие своей красотой места. Такова пура, построенная на берегу озера Братан, над Сингараджей.

Едва выступая из отливающей металлом воды, поднимаются мрачные меру. Вулкан, у подножия которого лежит озеро, окутан тяжёлыми шлейфами белого дыма. Все вокруг серо. Грозная тишина подавляет, она символизирует ожидание вечности. Прилепившийся к краю озера храм посвящён богам, живущим, по балийскому поверью, в жерле вулканов.

Высеченное в скале основание меру изображает большого свернувшегося клубком змея — это символ зарождения жизни; здесь — начало всех начал. Алтарь служит посредником между предшествовавшим мирозданию хаосом и невидимой обителью богов.

Дорога огибает озеро и делает последний вираж по карнизу. Мы спускаемся к Сингарадже: рисовые террасы на склонах, солнечные блики на морской глади вдали. Было бы интересно проехать северным берегом на другой конец острова, но дорога быстро становится непроезжей тропой. Первые пятьдесят километров в сторону Карангасема путь идёт мимо нескольких деревень. Это самый бедный край Бали, где в дощатых хижинах живут нищие семьи. Едкая пыль вьётся из-под колёс громадных грузовиков американского производства — на них ведётся снабжение края.

Здесь существует зачаточная промышленность в форме древних соляных промыслов. У самого берега рабочиев набедренных повязках, прикрыв головы высокими тюрбанами либо шляпами из листьев, носят

морскую воду в корзинах из сложенных гармошкой ветвей пальмирской пальмы. Корзины укреплены на деревянном коромысле. Коричневые мускулистые мужчины закидывают корзины в волны и выливают воду в отгороженные насыпью садки. Когда солнце выпаривает воду, там остаётся соляной ил. Его разравнивают и вновь льют воду, чтобы получить хорошую концентрацию соли, после чего ил вываливают на сито — большую бамбуковую воронку, выстланную банановыми листьями. И вновь мужчины наполняют корзины, выливая их уже на сито. Для этого они поднимаются на камень и, раскинув руки, одновременно опорожняют обе корзины: вода выплёскивается пенистыми струями, и балиец на мгновение превращается в диковинную птицу с водяными крыльями.

Осадок вновь и вновь промывают солёной водой, так что в конце концов в резервуаре — полом стволе пальмы — собирается насыщенный соляной раствор. Теперь его предстоит выпарить. Раствор вычерпывают половинкой ореха в поставленные на солнцепёк корыта. Способ, как мы видим, весьма непроизводительный: для того чтобы получить пятьдесят килограммов соли, требуется неделя.

За Гианьяром начинается пустыня, напоминающая фиолетовую Мексику. Вулкан Агунг изверг лаву в море и выжег на несколько километров вокруг всю растительность. Торчащие кое-где кактусы придают пейзажу удивительный южноамериканский колорит. Чёрные пляжи, сглаженные волнами, ни единого паруса на горизонте, иссушенное безмолвие — все это напрочь зачёркивает привычное представление о Бали. Но, как во всякой пустыне, здесь есть оазис: букет пальмовых деревьев вокруг вырубленного в камне колодца. Островок свежести, дающий жизнь обитателям соседней дереvушки. На закате они приходят сами и

приводят животных. Идти приходится по изборозждённой морщинами каменистой береговой полосе, с перекинутым через плечо коромыслом: все с наслаждением окатывают себя колодезной водой. Женщины устроили за каменной оградой ванну. А детишки кладут на невысокий парапет полый ствол пальмы: сквозь дыры вниз льётся вода... получается оригинальный душ!

Так люди противостоят вулкану. Настанет день, и он вновь зарычит и выбросит из своего нутра смертоносную струю огня, но вода будет бить из земли вечно, чтобы поить и утешать людей.

По мере того как двигаешься по этой своеобразной балийской пустыне, все чаще наталкиваешься на поперечные расселины. Проливные дожди, время от времени все же обрушивающиеся на этот край, прорывают в толще вулканического пепла русла для однодневных речушек. Речушки быстро высыхают, но русла остаются, и дорога без конца спотыкается... Нет, пройти эти рвы не удастся. К тому же близится ночь; Агунг уже слился в одну грозную массу. На небе чётко выступает Южный Крест. Рокот волн становится сильнее из-за того, что море погрузилось во тьму. От нагретой земли поднимается терпкий аромат.

Высохшие русла приходится заваливать кусками лавы.

В ночи навстречу нам движется факел, его несёт балийка. Позади поскрипывает на плече у мужчины коромысло, темнота мешает определить, что у него в корзинах. Ловко ступая по камням, странная пара, окружённая зыбким жёлтым светом, исчезает в вязкой тьме по дороге на Карангасем. Мы же решили возвращаться в Сингараджу.

Дорога на Денпасар вьётся по склону вулкана до перевала Кинтамани. На дне громадной котловины, образовавшейся в стене лавы, неподвижно лежит,

словно кусок льда, озеро; оно достигает семнадцати километров в диаметре. Лавовые потоки многочисленных извержений различаются по цвету: недавние — самые тёмные. Последнее извержение, случившееся в 1963 году, унесло три тысячи жизней. В феврале взорвался Агунг. Взрывом у него оторвало вершину — он так и стоит усечённым конусом. За соседом в марте последовал Батур. Извержения сопровождались таким выбросом пепла, что он на три дня закрыл небо над Сурабаей, а это в двухстах пятидесяти километрах отсюда! Смертоносной, однако, оказалась не лава, а горячие ядовитые газы, предшествовавшие извержению.

Несмотря на катастрофы, балийцы вновь и вновь селятся у подножия вулканов. Ведь огнедышащие горы — это божества, и, если они приходят в ярость, значит, дары и молитвы оказались недостаточны. Агунг сам во время последнего извержения показал это: потоки его лавы аккуратно обогнули храм, а все окрестные деревни разорили.

Причисленный к сонму богов, одинокий голый вулкан подавляет остров своим жутким величием. Пока он не пышет огнём и жаром.

А на южном берегу начинается парильня — привычная атмосфера Индонезии.

ГЛАВА XII

ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО И БЫТ

Городская жизнь на Бали мало отличается от деревенской: та же лёгкость и непринуждённость в движениях, люди ходят, не оглядываясь по сторонам. Каждый перекрёсток непременно украшен каменной статуей или алтарём с дарами из цветов и фруктов. Религия, вошедшая в ткань жизни города, придаёт улицам какое-то умиротворение, свойственное всему острову.

Как и в Джакарте, здесь вдоль каналов-кали выстроились многоэтажные дома. Машины, грузовики, велосипеды создают известное оживление, но ощущение безмятежности не проходит. Урбанизация, ощущаемая больше всего в Денпасаре, экономической столице острова, как это ни странно, ещё больше укрепила традиционные узы, связывающие балийцев и коренящиеся в недрах деревенской общины.

Взрослый житель Бали непременно должен иметь жену и детей. Дело в том, что каждый крестьянин выполняет определённые коллективные обязанности, а они делятся на мужские и женские работы. Главы всех семей, собираясь в центре деревни на «банджар» (сходку) под священной оградой, сообща принимают решения касательно ухода за храмами и школами; часто возникают неотложные дела в связи с грозящим извержением вулкана. Кроме того, балийский крестьянин состоит ещё членом особой группы — «субак»: она занимается поддержанием оросительных каналов. Только благодаря рациональной системе распределения воды балийцам удаётся снимать по два

урожая риса в год: в сухой сезон, когда реки иссякают, воду берут из естественных резервуаров, какими остаются озера в кратерах. Водопровод из бамбуковых стволов нуждается в постоянном уходе, а кроме того, необходимо рыть каналы, туннели, насыпать дамбы.

Ухоженная природа становится подлинным произведением искусства. Рисовые поля выглядят словно складки сверкающего покрывала, наброшенного на склоны гор. Малейший клочок земли выровнен, ухожен, приспособлен под посадки риса. С течением веков уход за землёй превратился из жестокой необходимости в эстетическую потребность. Бали по праву гордится своими рисовыми полями: они самые красивые в Индонезии, да и, наверное, в мире. Их границы аккуратно следуют изгибам почвы. Дамбочки укреплены красиво уложенными камнями и кораллами, которые индонезийцы добывают в море и на себе поднимают в горы.

Субак объединяет тех, кто пользуется одним источником, одной плотиной или одним каналом. Кроме технических обязанностей по содержанию водостока, за которым смотрит особо назначенный человек, члены субака должны соблюдать и религиозные ритуалы: следить, чтобы на алтарях, построенных возле источников, всегда были свежие дары, тщательно блюсти чистоту вокруг них.

Субак и банджар составляют, таким образом, основу социальной структуры острова. Тяжёлые работы на рисовом поле, особенно посадку и уборку, также выполняют сообща. Женщины собираются в группы взаимопомощи на строительстве дома. Кроме того, балийцы непременно состоят членами танцевального коллектива, оркестра, хора. Жизнь балийца проходит в группе — рабочей или творческой. Её деятельность обуславливает ритм его жизни.

Система каст не оказала на Бали такого большого влияния, как в Индии, — прежде всего потому, что она сформировалась на Бали поздно, после маджапахитского завоевания в XIV веке. На Бали выделились четыре сословия: брахмана — жрецов, занимающихся всем, что связано с религией; сатрия — дворянства, куда вошли и отпрыски королевских фамилий, и вешиа — включающая мелкопоместных дворян и торговцев. Остальная часть населения принадлежит к судра — простонародью, т. е. находится вне каст. Слово «судра» означает человека неблагородного происхождения, но не нищего пролетария. В наши дни межкастовые браки встречаются сплошь и рядом, остатки этикета сохранились разве что у трех высших каст.

Впечатление гармонии, порядка, умиротворения и счастья, которое выносят все путешественники, побывавшие на Бали, создаётся внешне рисунком поведения островитян, деталями их быта. Где бы вы их ни встретили — на дороге, на рисовом поле, возле храмов, — жесты, привычки, обряды балийцев являют собой образец простоты и естественности.

Жизнь на Бали течёт неторопливо и размеренно. Все подчинено своим правилам. Так, за утками смотрят мальчишки и старики; девочка или женщина никогда не станет повязывать белую ленту на бамбуковый шест, вокруг которого сбиваются стайкой эти птицы.

Рыбу тоже ловят мужчины, стоя по колено в воде на рисовых полях. Они ставят ловушки на угрей длиной десять-двадцать сантиметров. Эта рыба — островной деликатес. Когда поле вспахано, на перевёрнутых комьях земли отчётливо видны их следы. У входа в угриное логово крестьянин ставит ловушку: полый бамбуковый ствол, заткнутый с одного конца. В ствол закладывают приманку. Лакомка-угорь заползает в бамбук, проглатывает приманку, а вылезти обратно уже

не может. Готовят рыбу предельно просто: отрезав голову, бросают в кипящее пальмовое масло. Жареный угорь — объедение...

Что едят балийцы, можно увидеть на прилавках бесчисленных лавчонок у дороги, уставленных банками с розовым, белым, жёлтым печеньем. Позади них прекрасные гологрудые женщины варят рис и готовят чай к тому часу, когда, спустившись с рисового поля, работники приходят перекусить. В глубине деревянной лавчонки спят на подстилке пухлые ребятишки. Над черным очагом клубится дым, пропитанный запахом кокосового масла. Часто здесь же рядом дочери, сестры или родственницы хозяйки плетут венки для приношений: сорванные с дерева банановые листья образуют основу, на которую затем кладут палочки ладана и спелый плод. В самом домике на специальном выступе на стрехе висят дары, призванные отвести от дома дурной глаз. А на крышу балийцы сажают сплетённую из рисовой соломы куклу.

Излюбленное блюдо балийцев — сушёное мясо буйволов, перемешанное в чугунке с рисом, перцем, множеством пряностей и сладким картофелем. Европейец может смягчить жгучий эффект местных пряностей, заедая блюдо фруктами, в изобилии растущими на Бали... Эта целая лавина красок, запахов, причудливых форм. Настоящий фестиваль яств: крохотные маслянистые бананы с розовыми семечками; громадные терпкие сочные и упругие грейпфруты; апельсины в зелёной кожуре; твёрдый салак — разновидность фи́ги каштанового цвета, — разламывающийся на три равные дольки с зёрнышком в каждой (его белая вяжущая мякоть вызывает натошак болезненные спазмы в желудке); папайя — розовая дыня с терпким соком; джамбу — маленькие красные освежающе-кислые яблочки; нанка, прячущие под коричневой кожурой сладкую жёлтую мякоть;

мангустан величиной со сливу и такого нежного вкуса, что его совсем не чувствуешь; сирсак — громадный ананас с колючей корочкой, жёлтые дольки которого расходятся как книжные страницы. Его запах так силён, что даже трудно определить — то ли это острая вонь гнили, то ли дивный аромат. Крайности, как известно, сходятся.

Приведённый список далеко не исчерпывает многообразия тропических фруктов, в нём просто теряешься. В целом же преобладает терпкость. Оранжевый климат Явы и Бали заставляет здешние плоды расти слишком быстро, они не успевают обогатиться витаминами, набрать из земли необходимые калории, поэтому их польза для организма человека невелика. Чтобы как-то утолить голод и восполнить недостаток калорийности, балийцы густо приправляют еду пряностями. Перец — мощный реактив, он улучшает кровообращение, согревает, придаёт силы. Его аналог — бетель (тонизирующая жвачка вяжущего вкуса) позволяет индонезийцам, равно как и индийцам, сохранять жизнедеятельность, несмотря на тяготы климата. Бетель готовят из смеси листьев тонизирующего растения, извёстки и красящего рот толчёного ореха. У стариков, мужчин и женщин от него постоянно красные губы и десна. Когда они улыбаются, то часто выглядят словно вампиры после сытного обеда.

Не будучи мусульманами, балийцы охотно едят свинину. Молочных поросят жаривают целиком и подают в остром соусе. Балийские обеды напоминают порой средневековые пиршества, однако такой богатый стол выставляют только по случаю больших праздников.

Сбоку от дороги в тени деревенских домов стоят любовно сплетённые бамбуковые клетки, в них

наслаждаются прохладой бойцовые петухи. Эти птицы — предмет особой заботы мужского населения острова.

Петух ждёт в своей временной неволе, когда пробьёт его час. Птицу не раскармливают, вволю она только пьёт из маленькой бадейки, прикреплённой к бамбуковой стенке. Ежевечерне хозяин вынимает питомца из клетки и долго-долго массирует ему мускулы перед грядущим боем. Часто владелец выгуливает птицу и беседует с ней, потрепывая, тиская и лаская своего питомца. Сидящий на корточках балиец, смотрящий долгим-долгим взором на птицу, — эту картину можно наблюдать в любом уголке Бали. Держа штук тридцать клеток на длинной доске, торговцы, едва выглядывая из-под поклажи, переносят их из деревни в деревню.

Одно время правительство запретило было петушинные бои, но это вызвало на Бали такое волнение, что запрет пришлось срочно отменить. При одном упоминании об игре страсти расходятся не на шутку. Власти, правда, сократили количество боев до двух в месяц; обычно их устраивают первого и пятнадцатого числа каждого месяца. Но в деревне, подальше от начальственных глаз, балийцы следуют не распоряжениям, а своему календарю, в котором чередуются благоприятные и неблагоприятные периоды.

За несколько дней до боя хозяева устраивают короткую тренировку своим питомцам, срамливая их где-нибудь на пустыре. При этом тщательно следят за тем, чтобы они раньше времени не поранили друг друга.

Сам бой происходит на особой площадке в первом дворе храма или — если это «незаконная» встреча — в лесу. Продавцы всякой всячины, лоточники и болельщики плотно сбиваются вокруг участников боя. На полочках, прибитых к столбам, которые

поддерживают соломенную кровлю, сложены ритуальные дары. Они призваны умиловать богов — покровителей петушиного боя и ниспослать хозяевам участников силу, «дабы уберечь их от соблазна покинуть место боя, не заплатив должного». Воровство считается на Бали тяжёлым преступлением и наказуется соответственно; но если кто-нибудь из игроков уйдёт, не заплатив проигрыша, его, кроме того, ждёт ещё небесная кара.

Владельцы петухов собираются в центре: присев на корточки, они выбирают достойных соперников. Петухи переходят из рук в руки, их взвешивают, постепенно формируются первые пары. Затем соперники отходят в сторону, чтобы вооружить бойцов.

Петухам прикрепляют к левой лапке отточенное стальное лезвие — «таджи». Их изготавливает кузнец-панде, тот же, что выковывает традиционные крисы и ножи. Каждый владелец носит петушиное лезвие в особых ножнах из раковины. Ножи существуют самого разного размера, в зависимости от веса петуха. Надевает оружие тот же кузнец-панде. Он приматывает его к ноге птицы длинной красной хлопковой нитью. Во время подготовки хозяин не выпускает петуха из рук, а соперник внимательно следит за его манипуляциями. Панде может привязать лезвие слева или справа от естественной шпоры. В первом случае оно мешает петуху, во втором — превращается в грозное оружие. Эти подробности очень важны для участников; иногда, чтобы уравновесить шансы, владельцы петухов с общего согласия решают ослабить одного из бойцов и дают панде соответствующие указания. Но вот все закончено. Теперь надо сообща проверить, не ёрзает ли лезвие и не отклоняется ли от смертоносного направления.

Держатели пари терпеливо ждут конца долгих приготовлений. Наконец тактика выработана. И тут —

взрыв страстей... Вопли, ругань, предложения, предположения! Гвалт поднимается выше соломенной кровли. Голоса спорщиков все яростнее, мужчины вскакивают на ноги и тут же садятся на пятки, вытягивают руки, нервно щёлкают пальцами. Сговариваются примерно таким образом: «Если выиграет чёрный петух, я дам тебе двести рупий, а если белый —ты, дашь мне триста...». Как видим, на Бали нет ставок типа «все или ничего». Иногда с противоположной стороны площадки простым знаком руки (здесь выработан целый код) заключают пари на крупную сумму.

Владельцы представляют петухов собравшимся. Вокруг арены бушуют страсти и азарт. Шум голосов изредка перекрывают кукареканье, лай собак. Но понемногу все успокаиваются и обращают взгляды на арену. Последние пари заключены. Кипение страстей сменяется напряжённой тишиной.

В углу под навесом сидит, поджав под себя ноги, судья — голый по пояс морщинистый старик с красными от бетеля губами. Он ударяет в маленький гонг— можно начинать бой. В терракотовую чашу, наполненную водой, кладут половину кокосового ореха, в центре которого просверлена дырочка. Орех постепенно наполняется водой: когда он пойдёт ко дну, прозвенит гонг, означающий конец раунда. Бой насчитывает пять таких раундов.

Перед тем как выпустить питомцев на арену борьбы, владельцы петухов прижимают их к саронгам. Губы шепчут слова молитвы, лица напряжены. Взяв пригоршню песка, они подносят его к голове, к груди и хвосту петуха: этим они призывают на помощь могущественные силы земли.

Последний массаж, хозяева распушивают птицам хвосты и выбрасывают их на арену клюв к клюву. Опадает тяжёлое молчание. Петухи на мгновение

замирают, как бы изучая друг друга, затем выпрямляются и расправляют перья: это рыцарское приглашение к бою, вызов. Первая схватка, по сути дела, решает исход боя. Она происходит настолько быстро, что неопытный взор видит лишь ком перьев; слышится хлопанье крыльев, приглушённый ропот прокатывается среди собравшихся. Петухи подсакивают на несколько сантиметров, задирая лапу с привязанным таджи. Тот, кто быстрее взовьётся над противником, сможет нанести удар в грудь. Но смерть наступает не сразу, проходит ещё несколько раундов, прежде чем жертва упадёт. Петух считается побеждённым, когда голова его коснётся земли. Да и тогда хозяин должен пару раз приподнять птицу и показать всем, что она бездыханна.

После пяти официальных раундов, если исход неясен, бойцов запирают вдвоём в одну клетку... Через несколько секунд один из них мёртв. Владелец побеждённой птицы берет своего питомца и подходит к судье. Петуху отрезают лапу с лезвием и, чтобы уже не оставалось никаких сомнений, вонзают таджи в сердце. Лапа остаётся у хозяина победителя как символ победы, и он гордо закладывает её за пояс.

Воспитание бойцовых петухов, равно как и пари, — прерогатива мужчин. Балийки не имеют доступа к арене, где из рук в руки переходят тысячи рупий. Интересно, что срамливают петухов судра — простолюдины. Князя лишь делают ставку, смешавшись с толпой полуголых крестьян. Их участие резко повышает суммы, находящиеся в игре, и таким образом интерес к схватке возрастает.

Бои, начавшись в полдень, заканчиваются в сумерках. Полегло с полсотни петухов, дав балийцам возможность удовлетворить склонность к азартным играм. Вся накопившаяся ярость вылилась во время петушиного сражения. В этом — одна из особенностей

личности балийцев. Этот живой и тонко чувствующий народ колеблется, по словам Викки Баум^[41], «между кровью и нежностью»: с одной стороны, их влечёт насущная потребность в воинственном столкновении, страсть к острым ощущениям, а с другой — необыкновенная нежность, тончайшее чувство красоты и гармонии.

Психологическое дополнение к петушиному бою — балийский танец.

ГЛАВА XIII

БАЛИ — ОСТРОВ БОГОВ

Балийская жизнь покоится на религиозной структуре, обуславливающей каждый шаг, каждое слово жителей острова. Будни здесь обогащаются священным измерением, в которое трудно, если вообще возможно, проникнуть человеку современного Запада.

Местные храмы, верные традиции всех религиозных сооружений Индонезии, вобрали в себя как доиндуистские элементы, так и элементы, привнесённые индо-яванской культурой. Последняя особенно чувствуется в скульптуре, изображающей эпизоды Рамаяны и персонажей театра ваянг. У балийцев чувствуется стремление подчеркнуть декоративный характер храмовых изображений. Они хотят не столько представить богов в их сложном небесном пантеоне, сколько почтить их присутствие на земле. Художники старательно украшают церемониальные кресла Шивы, Брахмы и Вишну. Перегруженность каменных арабесок, излишество украшений, сплетение мотивов небесного и земного — во всем этом сквозь индо-яванские напластования проступает древний балийский фон. Яванское искусство показывает слияние человека с божеством и старается конкретизировать мистику в реальных образах, балийское же искусство — это просто дар богам, щедрое приношение, исполненное наивной веры.

Балийская традиция сказала и в храмовой архитектуре. Подобно Боробудуру, святилища строят террасами!. Правда, террасы эти расположены часто на одном уровне в виде трех смежных двориков с оградой из красного кирпича. В первый дворик ведёт узкая лесенка, упирающаяся в деревянные ворота, богато

изукрашенные танцующими демонами. Там же расположена выложенная камнем молитвенная площадка, затенённая от солнца прямоугольным навесом из соломы, — на ней устраивают петушиные бои. Почему допускается такой разгул страстей внутри храмовой ограды? Дело в том, что в прежние времена эти схватки имели ритуальный смысл: кровавое жертвоприношение призвано было усмирить гнев демонов.

Второй дворик, куда тоже ведут ступеньки, отведён для «балеагунга»; здесь собираются на совет деревенские старейшины, члены многочисленных организаций и коллективов. Кроме того, во втором дворике обычно растёт громадное священное дерево — «варингин».

В третьем дворике расположено собственно святилище. Там нет статуй, стоят только каменные кресла, куда усаживаются божества во время церемоний. О присутствии богов напоминают и меру, крытые в несколько рядов ветвями чёрной пальмы; это придаёт всему храму суровость. Мрачные строения чем-то напоминают китайские или японские пагоды. В святилище, кроме того, устроены маленькие ниши для поминания предков. Балийцы, как мы знаем, в равной степени сохранили верность индуизму и вековым культам предков. В одной священной ограде бок о бок соседствуют принадлежности культа разных религий, балийцы не видят в этом никакого противоречия.

Каждое событие, каждый поступок есть проявление космической божественной воли. Этот трансцендентный порядок придаёт явлениям природы религиозный смысл. Жизнь на Бали подчинена природе. Гора — обитель богов; гора — место, где растёт рис; кроме того, огнедышащий вулкан являет собой сторону благоденствия, радости и веселья, так называемую «сторону Кайа». Море же — источник эпидемий,

местопребывание демонов, обитель зла, несчастий, неудач; ему соответствует «сторона Келод». В южной части Бали, где горы высятся на севере, север и есть сторона Кайа. А в северной части острова считают, что Кайа — на юге, а Келод (море) — на севере.

Кроме этого основного деления для балийцев существенно ещё противопоставление восток — запад. В большинстве традиционных обществ сторона, откуда поднимается солнце, символизирует зарождение жизни, пробуждение, а направление заката — смерть. У балийцев жив до сих пор подлинный культ солнца, в котором звезда олицетворяет Шиву. Ежедневно священники-брахманы обращают к нему молитву. Здесь тоже сказываются элементы религиозного синкретизма.

Если совместить деление на стороны Кайа и Келод и деление восток — запад, то получается символическая ориентировка Кайа — восток и Келод — запад. В одной стороне живут боги и духи-покровители, чьим влиянием можно заручиться с помощью белой магии; в противоположной стороне обитают демоны и злые духи, умиловить которых можно чёрной магией. Мир, таким образом, поделён на две сферы. Балийцы ещё вклинили туда мир людей, промежуточный между богами и демонами; деревня всегда лежит между крайностями Кайа и Келод.

Ту же символику мы находим и в разделении меру на три части. Каждая наделена символическим значением — космический порядок спроецирован здесь на горизонтальную плоскость.

Часто меру покоятся на скальном основании с изображением змея. Этот символ, который мы встречали уже в святилище на озере Братан, принадлежит мифологии Восточной Явы, откуда пришла на Бали индо-яванская культура. Во многих текстах рассказывается о том, как бог Вишну решил перенести священную индийскую гору Махамеру на Яву,

чтобы уравновесить шатавшийся остров. Вишну обернулся для этого змеем. Однако в пути Махамеру разломилась на несколько кусков, ставших главными вулканами на Яве.

Индонезийцы олицетворяют эту гору с той, которая в индийской мифологии служила богам мешалкой для пахтания Млечного моря и приготовления напитка вечности: эта космическая гора изображена на всех чанди Восточной Явы и меру Бали. Храм превращается в место, где боги на алтарях готовят священный напиток. А змей на цоколе символизирует одновременно Вишну, Млечное море и направление, где боги пахтали море.

В центре меру — ниша, олицетворяющая промежуточный мир, где божества соприкасаются с людьми; туда кладут дары. Во время церемоний створки ниши распахивают, чтобы боги и люди могли общаться.

Верхняя часть меру символизирует небо, где обитают боги. Кстати сказать, мир богов вовсе не однороден, он подчинён строгой иерархии, и многоскатные крыши символизируют различные его уровни.

Существует множество других символов. К ним относятся цвета, числа, жесты, положения рук. Все эти аналогии освящают мир, придают ему особенный смысл. Для человека архаичного общества в космосе нет ничего пугающего. Раз поднебесная сфера создана богами, значит, и небесный мир организован по образу и подобию человеческого. Человек составляет часть заведённого порядка, и каждый миг его жизни — это глубоко осмысленная реальность. Через обряды и церемонии человек поддерживает постоянный контакт с миром небожителей, приобщается к ним.

В системе нашей современной материалистической цивилизации ближе всего к подобному мироощущению стоят поэты. Поэзия, выявляя изначальную связь

человека со всем сущим в природе, наделяет все окружающее высшим — священным — смыслом. В каждом из нас дремлет первобытный человек, и, чтобы постичь себя, необходимо научиться понимать иную культуру, не похожую на нашу собственную.

В балийском пантеоне такое множество богов и столько традиционных святых, что перечислить их всех нет возможности. Главные особенности религии острова можно проследить, лишь наблюдая её на практике.

На Бали существует четыре типа священников. Первый, наиболее близкий к индуизму, представляют жрецы «педанда», принадлежащие к касте брахманов. Их готовят с младых ногтей к будущей деятельности специальные наставники, изучающие с ними индо-яванские тексты вед. Эти тексты не имеют ничего общего с книгами вед — древнейшими священными текстами Индии. Речь идёт о трактатах, написанных на балийском языке. Кроме гимнов там собраны священные изречения и религиозные поучения. Балийские педанда — своего рода йоги; с помощью особых приёмов они очищают тело и душу, а прежде чем приступить к богослужению, упражняют дыхание произнесением священных слогов. Религиозное теоретизирование мало распространено на Бали, его заменяет размышление.

Брахманы утверждают, что жизненная сила, символизированная в солнце, находится в человеке в форме огня; луна же и вода поселяются в голове. У обычного человека огонь, разожжённый под водой, питает его живительной силой. Чтобы человек обрёл вечное спасение, т. е. пережил свою телесную оболочку, нужно, чтобы вся вода испарилась. Тогда человек достигнет единства души и вернётся к

невидимому состоянию, достигнет высшего освобождения...

Далее следуют буддийские священники, живущие обычно при княжеских дворах, «педанда-Будда». Они составляют необходимое дополнение к «педанда-Шива» и восседают напротив них во время больших церемоний, собирающих всех жителей деревни. Интересно отметить, что жрец сидит на стороне Келод: у балийцев буддийский священник связан с культом злых сил!

Остальные жрецы занимаются народными верованиями. «Пемангку» — это, как правило, выходцы из судра. Они не получают сана, но считаются избранниками богов, которые устами человека в трансе изъявляют свою волю. Эти жрецы, хранители храма, не имеют доступа на княжеский двор.

Наконец, «сенгуху» осуществляют связь с силами ада. Любопытно, что у балийцев эти силы олицетворяет Вишну, поскольку он является богом моря. Жрецы сенгуху скорее колдуны, призванные заклинаниями защитить население от демонов. Они занимают последнюю ступень в балийской религиозной иерархии и во время церемоний сидят на более низких креслах, чем остальные священники.

На Бали, наверное, храмов столько же, сколько божеств и верований. В каждой деревне их не меньше трех, а всего на острове более десяти тысяч святилищ. В стороне Кайа стоит пура, посвящённая богам — покровителям или основателям деревни. Как и на Яве, предки играли здесь роль героев-цивилизаторов. В стороне Келод построен храм мёртвых; там же обитают души нечистых, которым не удалось окончательно покинуть мир. Между этими двумя святилищами в центре деревни стоит пура, символизирующая место, занимаемое человеком в мироздании. Туда жители

приходят решать свои общинные дела. Таким образом, на Бали небесные силы участвуют во всех делах. Каждому поступку отведено место в божественном мироустройстве.

Кроме названных святилищ, рассеянных по всему острову, есть ещё особые храмы, посвящённые тому или иному богу, тем или иным силам. Они стоят обычно на берегу озера либо на склоне вулкана. Тем самым балийцы освящают природу, чья гармония поражает таинством своего всемогущества.

Самый красивый из этих храмов — без сомнения, Бесаки^[42]. Его террасы поднимаются на склонах Агунга на высоте около полугора тысяч метров. Сотни ступеней, окружённые демонами, ведут к мрачным меру. Святилище было выстроено в XIV веке и уцелело, несмотря на частые извержения Агунга.

В балийском календаре двести десять дней; в праздничные даты боги сходят с небес в храмы, и по этому поводу устраиваются церемонии, известные под названием храмовых фестивалей. Женщины загодя готовят к этому дню дары, отдавая этому занятию все время, остающееся от домашних дел. Нужно сплести особым образом пальмовые ветви, свить гирлянды из цветов, высушить на солнце сласти, набить рисовой соломой куклы. Это занимает у балийцев не меньше трети времени.

Изготовление даров — целое искусство; чужестранцы всегда удивляются, с какой ловкостью женщины раскладывают их в серебряные чаши, убирают плодами и листьями. Эти причудливые сооружения могут достигать двух метров в высоту!

Праздник обычно начинается под вечер. В первом храмовом двореке рассаживается гамелан, тихонько позвякивают ксилофоны. Дары расставляют во втором и третьем дворах. Женщины, мягко изгибаясь под грузом

и придерживая его на голове одной рукой, отважно поднимаются по ступенькам. Чтобы пройти в дверной проем, им приходится приседать: пирамида даров бывает в человеческий рост. Они идут к педанда.

Тот сидит, поджав ноги, на бамбуковой эстраде под лёгкой крышей. Когда появляется вереница женщин с дарами, педанда начинает богослужение. Несколько свечей и керосиновых ламп отбрасывают жёлтый свет на меру и каменные ниши. Пахнет ладаном и цветами, вся атмосфера исполнена нежности и благоговения. Тихо звучат голоса. Изобилие плодов и цветов превращает храмовый дворик в громадный базар, призванный не разжечь аппетит у покупателя, а создать ощущение красоты. Шуршат батики, лица у всех серьёзные, собранные.

Педанда, весь в белом, не выходя из тени, читает нараспев монотонным голосом мантры во славу Шивы, воплотившегося в святой воде и сошедшего к жрецу. Сам священник проделывает дыхательные упражнения по системе йога. В момент, когда «божество входит в него», он бросает в чашу с водой лепестки цветов и освящает колокольчик, который будет звучать в течение всей церемонии. Чтением мантров и медитацией педанда полностью сливается с божеством, затем он брызгает на присутствующих святой водой. Те стоят на коленях, подняв надо лбом руки с зажатыми тремя красными лепестками. Их бросают навстречу спускающемуся богу. Педанда обрызгивает протянутые ладони паствы святой водой, закладывает каждому за ухо по цветку и прикладывает к переносице зёрнышко риса. Этим обрядом он вселяет божество в прихожан, приглашая их к медитации, мистическому единению.

По окончании церемонии принесённые дары пойдут в общую трапезу. Малая толика их останется на алтаре или же юноши закопают их позади меры. После трапезы следуют священные развлечения.

Вечером, после изнурительной дневной жары, после тысячи дневных дел и забот, балийцы погружаются в иной мир, в иное — священное — измерение.

Постоянное обращение к священному искусству — танцу, музыке, живописи, театру — придаёт лицам балийцев выражение удивительной молодости. Они излучают уверенность, душевное спокойствие; их ровное отношение к чужестранцам изумляет. В голову закрадывается мысль о том, что минувшие века западной цивилизации, развития техники и кажущегося прогресса — не более чем иллюзия! Мы убили в себе чувства, разрушив все связи с природой. Здесь, на другом конце мира, на лицах этих людей читаешь радость и внутреннее успокоение...

Балийский гамелан берет за живое звуками ксилофонов. Звуки дёргают за жилы, музыка вызывает не столько к чувствам, сколько к телу. Руководитель оркестра играет на «тендере» — это тот же ксилофон, но чуть больше остальных. Молоточек живо бежит по металлическим пластинкам. Остальные музыканты следят за ним краешком глаза. Вот лёгким движением он прерывает каскад звуков; вступает флейта, весёлая, болтливая — словно торопится поведать что-то. Старик, играющий на ней, в упоении закрывает глаза. Ксилофоны тихонько, мелкими шажками, вторят ему, дожидаясь, пока он доскажет до конца сокровенное. И вновь тишину разрывает, живо контрастируя с ритмической нежностью флейты, водопад светлых нот.

Оркестранты сидят, поджав по-портновски ноги, у ограды первого храмового дворика, так что танцующим приходится двигаться рассчитанными движениями. На каждый такт они реагируют движением пальцев, глаз, застывают на мгновение в равновесии в неуловимо позе. Да, её едва успеваешь уловить, потому что в следующий миг — новый пируэт.

Танцовщицы не выгибаются, не приседают, не выпрямляются, а делают все это разом, одновременно; кажется, что девушка приближается все время к какой-то невидимой границе, не решаясь пересечь её... Воображение дополняет картину — и девушка становится деревом, веткой, лианой.

Волшебные танцевальные метаморфозы составляют часть древней балийской традиции. Наибольшей известностью пользуются танцы «легонг» — это исполняют две девушки под аккомпанемент старика, рассказывающего содержание танца, и «джаньер», в котором участвует несколько танцовщиц. На Бали, как и в Сунде, существует танец рыцаря, который исполняет девушка. Балийская танцовщица движется быстрее, чем сунданка, в её исполнении меньше драматизма. Мы говорили уже, что у балийцев с сунданцами много общего как в характере, так и во внешности, в обычаях. Однако этнически их ничто не связывает.

Едва ли не самый впечатляющий из балийских танцев — «кечак», танец обезьян. В центре первого храмового двора в землю вонзают факел; несколько сот мужчин, обнажённые по пояс, усаживаются концентрическими кругами. За ухом у каждого красный цветок, они ритмично двигают плечами, выкликая: «Кечак... Кечак... Кечак...», а главный рассказчик громко читает наизусть эпизоды Рамаяны. Танцоры изображают обезьянью армию Сугривы. Ритм быстро захватывает присутствующих. Мужчины разом вздымают руки, которые в свете факелов кажутся красными сполохами огня. Вдруг они откидываются на спину, словно раскрывшийся цветок. Гортанные голоса танцоров-певцов придают происходящему совершенно фантастическую окраску, порой кажется, что это шабаш.

В былые времена ритмичным повторением слова «кечак» мужчины доводили себя до состояния транса,

до экстаза. Лишь сравнительно недавно обряд одержимости уступил место балету на темы Рамаяны. Кечак ярко иллюстрирует мысль о том, что на Бали граница между земным и священным весьма зыбкая.

Мир индонезийцев полон фантасмагорий, которые трудно поддаются анализу западной логики. Современная наука, наделив нас могучими орудиями преодоления природы, одновременно закрыла доступ в сокровищницу воображения и веры.

ГЛАВА XIV

ТАНЕЦ КРИСА

Если на деревню обрушивалась эпидемия или другая беда, балийцы устраивали особую церемонию, известную под названием «баронг», или танец криса. Это был культ, по внешней форме приближавшийся к индо-яванской традиции, но в действительности имевший чисто балийский религиозно-магический смысл.

Сегодня эта церемония, к радости западных туристов, превратилась в подобие цирка. Тем не менее в отдельных деревнях, ещё не затронутых туризмом, культ сохранил своё первоначальное значение. Сохранение традиции зависит в основном от того, насколько поддерживается в данном месте любовь к родной земле. Церемония баронг жива ещё кое-где благодаря стараниям бывших князей, пользующихся и поныне престижем в своей округе, — для баронга нужны богатые костюмы, хороший оркестр, пышные аксессуары. Всем этим занимается глава деревни — «агунг», т. е. дворянин, принадлежащий к касте воинов-сатрия. Он живёт при собственном храме в деревенском дворце, примыкающем ко второму дворику святилища. Там и собираются жители для танца криса. Главу легко узнаешь среди толпы односельчан — по покровительственной улыбке, заставляющей вспомнить европейского средневекового сеньора. Агунг выполняет его социально-психологическую роль. Агунг ждёт, пока западные гости закончат лёгкий ужин и усядутся на месте. После этого он делает знак собравшейся у ворот храма толпе: можно входить.

Варингин, балийское священное дерево, покрывает зеленеющий двор величественной тенью. Танцоры

будут появляться и исчезать из дверей в восточной и южной стенах храма.

Здесь же балеагунг — место сбора деревенских старейшин. Статуи хмурых и насупленных монстров уставились на собравшихся. Их, кажется, вовсе не волнует зрелище аппетитных, украшенных цветами даров, которые босоногие женщины в облегающих батиках кладут перед ними. По обе стороны почётного трона на громадных бамбуковых шестах трепещут красно-белые штандарты — это цвета индонезийского флага, но для балийцев это ещё и цвета Брахмы и Шивы.

Мирная, благоговейная обстановка никак не предвещает, что через короткое время здесь начнётся неистовство. Жители деревни густо набились за ограду: мужчины, женщины и дети вперемежку сгрудились под навесом, широко раскрыв глаза и нетерпеливо перешёптываясь.

Среди публики раздаются звуки флейты. Это прелюдия, которую исполняют четыре девушки. Чёрные распущенные волосы волной падают на спину. Вокруг груди обернуты широкие яркие ленты, цветастый батик плотно облегает тело, обнажённые полные руки выются словно змеи, зачарованные звуками флейты. Длинные шлейфы из прозрачной ткани вычерчивают причудливые арабески.

Но вот вступает гамелан: за исключением бронзовых гонгов, висящих на бамбуковых поперечинах, которые держат на плечах двое мужчин, в оркестре нет металлических инструментов. Только деревянные ксилофоны, едва-едва держащиеся на стержнях для пущей вибрации. Музыканты с виду очень молоды (все индонезийцы выглядят моложе своих лет), голые по пояс, на лицах — белые полосы, за ухо заложен алый цветок. Прежде чем усестись под священным деревом,

все двадцать оркестрантов делают вдоль ограды круг почёта.

Танец криса — часть большой драмы, основанной на одной из индийских эпикей. Поскольку в ней борются символы зла и добра, речь идёт скорее о психологической драме. Действие церемонии неотвратимо ведёт к столкновению этих могущественных сил.

Не забудем, что цель происходящего — отогнать эпидемию. Двое священников вносят дары. Они входят через восточные ворота — Кайа, т. е. из царства благолепия. В тот же миг четверо пособников Дхира, одного из демонических воплощений Шивы, разбрасывают и топчут дары. Они вошли через южные ворота (Келод), те, что ведут в загробное царство, в море, в смерть. Чтобы изгнать злых духов, подданные короля Эрлангга — он правил когда-то на Бали и считается одним из перевоплощений Вишну —приводят гамелан.

После разговора с двумя министрами король Эрлангга обвиняет жену Ратнаменгали в том, что она явилась причиной эпидемии, и велит ей отправляться назад к матери, грозной колдунье Рангде, правительнице королевства Дирах. Ретивые министры даже начинают хлестать королеву, но послы Дираха вырывают её из рук мучителей. Рангда, естественно, в ярости: её дочь избили и выгнали из супружеского дома!

Сухое треньканье инструментов все сильнее бьёт по нервам зрителей. Музыканты, сидя под варингином, самозабвенно раскачиваются из стороны в сторону.

Актёры, исполнители драмы, раздражаются жутким смехом, хриплые голоса звучат устрашающе, гримасы искажают лица; персонажи больше смахивают на фантастических монстров, чем на людей. Но ведь чудовища и боги должны быть сверхъестественными.

Лица, скованные густым слоем грима, выражают точно определённые эмоции: герой должен соответствовать канону. Народная традиция бережно хранит его образ и всё, что с ним связано. Точно известно, какой должен быть у героя костюм, грим, голос, какие жесты. Живой архетип легко узнают зрители.

Актёры в золочёном облачении в испуге воздевают руки: на верхней ступеньке лестницы Келод появляется Рангда, вдова короля Дираха и мать поруганной королевы. Её чудовищная маска (налитые кровью глаза, громадные зубы, торчащие белые уши) в ярости поворачивается из стороны в сторону. На ней — длинная коричневая туника, надетая поверх полосатого костюма. Руки вытянуты в проклятии, жуткие когти царапают воздух. Гамелан захлёбывается в неистовом ритме.

Появляется баронг. Это волшебный зверь, олицетворяющий силы добра. Его изображают двое мужчин, скачущих в тяжёлом одеянии из крашеной соломы. Баронг напоминает гибрид дракона и медведя. Голова — широкая маска с выпученными глазами, изо рта торчит язык. Откровенно говоря, он производит не менее жуткое впечатление, чем Рангда.

Баронг проходит по краю земляной насыпи, и зрители встречают его аплодисментами — ведь это явился избавитель... Но колдунья Рангда медленно спускается по ступенькам, застывая после каждого шага, будто механическая кукла. Публика, не зная, кричать ли ей от радости или вопить от ужаса, замолкает в тревожном ожидании.

Рангда бросается на баронга. Ритм гамелана становится совсем неистовым, водопад звуков не даёт присутствующим перевести дыхание, он почти осязаем. Начинается борьба добрых и злых сил. Мир сомкнулся вокруг сцены, где баронг насмерть бьётся с Рангдой, и

ничего больше не существует. Окружающее вернётся только после развязки трагедии.

Баронг разбегается и мчится на колдунью, та увёртывается и ловким ударом опрокидывает священного зверя наземь. Толпа вскрикивает от ужаса: силы зла, похоже, одерживают верх. Но из гамелана на сцену поднимаются несколько человек. Кажется, по ним пробежал ток высокого напряжения. Не спуская глаз с колдуньи, они застывают в трансе, сжав в руке сверкающие крисы. Бамбуковый оркестр продолжает безжалостно подстёгивать ритм. Воздух вот-вот расколется. Зрители и актёры захвачены каким-то неистовством, на секунду в сознании мелькает недоумение: где мы, что с нами? Мир ограничен священной оградой, где происходит церемония, и нет никакой надежды вырваться из этого раскалённого ада. Транс порождает одновременно и радость, и жуткий страх; в высшей точке пароксизма жизнь начинает колотиться в двери невидимого.

Двое людей, изображавших баронга, покинули свой мохнатый панцирь. Присутствующие в самозабвении кидаются к сцене, горя желанием разделаться со злом, пронзить колдунью кинжалами, растоптать её в прах. Удары градом сыплются на тело Рангды. Невозможно представить себе, сколько нужно сил актёру, исполняющему эту неблагодарную роль. Но ведь кто-то должен её играть! А он не только сопротивляется, но и сам переходит в наступление. Разве колдунья может поддаться каким-то людишкам! В тот момент, когда над ней заносят десятки кинжалов, актёр мановением руки обращает острия крисов против владельцев. Согнувшись пополам, балийцы бьются в конвульсиях, готовые покончить самоубийством. Но тут вступают силы добра, прятавшиеся до сих пор под маской баронга. Они останавливают смерть у последней черты.

В тучах пыли едва различаешь мужчин в трансе. На лицах публики — страх, нервы вот-вот не выдержат. Мы позабыли о гамелане, а ведь это он довёл толпу до состояния транса. У людей вздулись мышцы, глаза налились кровью, гримасы исказили черты лица. Они отражают отчаянную внутреннюю борьбу: силы зла заставляют их покончить с собой, а силы добра удерживают от этого шага и возвращают к жизни. Вот кто-то бросается животом на острие кинжала, крик сгибается, но на теле не выступает ни капли крови! Кто выведет балийцев из этого состояния?

Прыжком перемахнув через ступени ворот Кайа, прибегает педанда. На жреце — длинное белое покрывало, в руках — чаша со святой водой, которой он брызгает на людей в трансе. Танцоры-самоубийцы бросают оружие и падают на землю. Какое-то мгновение их лица ещё искажены, но вот черты разглаживаются, напряжение спадает, они засыпают; это кома. Рангда быстро скидывает с себя громоздкую амуницию. На теле актёра после всей потасовки не видно ни единой царапины. В изнеможении, истекая потом, он садится к подножию священного дерева. Толпа, онемев, все ещё не может прийти в себя от потрясения.

Но выяснилось, что это ещё не конец: присутствовавшая на церемонии двадцатилетняя англичанка, гостья князя, вдруг начинает биться в истерику... Её уносят... девушка в трансе выгибается, жестикулирует, трясёт головой, словно силась избавиться от наваждения.

Педанда укладывает её во дворце на кровать, велит женщинам воскурить палочки благовоний, разбрасывает по полу цветы и дары. Вокруг запястья девушки он повязывает две три глотка святой воды. Сведущие в магии дворцовые женщины суеются вокруг впавшей в транс гостьи. В дело вмешивается сам князь,

но тут же сам падает без чувств, к вящей панике придворных! Все начинают метаться по узким коридорам дворца.

Покамест ни святая вода, ни цветы, заложенные за ухо англичанке и князю, не оказывают нужного действия. Педанда выбегает на минутку, велит прислуге зажечь несколько палочек благовоний и читать молитвы. Он возвращается, держа в каждой руке по цыплёнку, садится на корточки и ловко отрезает им головы перочинным ножом — птенцы не успевают даже пискнуть. Жрец мажет кровью девушке и князю лоб, горло и плечи. Транс тотчас прекращается, одержимые впадают в прострацию.

Несколько часов спустя князь поведал нам причину происшедшего: поутру, когда колдун, игравший роль Рангды, принёс во дворец маску Зла, княжеская семья забыла окропить её святой водой и поднести дары. Вот Рангда и решила отомстить — во время церемонии князь вдруг почувствовал, как по хребту у него пробежал мороз и чудовищная маска колдуньи стала приближаться к лицу. Он попытался было отогнать это пугающее видение, но Рангда, заливаясь сатанинским смехом, подходила к нему все ближе и ближе. Князя объял жуткий страх, и он впал в транс.

Молодая англичанка не помнила ничего из того, что с ней случилось, и пролежала без движения несколько часов.

Такие вещи в Индонезии не в новинку: если бог или демон начинают преследовать девушку, она иногда теряет рассудок. Рассказывают историю одной яванки, которая возле Сурабаи неосторожно присела на могилу мусульманского святого, весьма почитаемого в тамошних местах. Разгневанные святотатством, жители камнями прогнали девушку. На следующую ночь юная яванка увидела во сне богиню моря; та велела пойти с ней, чтобы избежать проклятий жителей деревни.

Девушка не вняла вещему сну, и богиня каждую ночь начала являться к ней. Однажды днём юная яванка поехала к своей подруге на мопеде и увидела на обочине богиню в белом. Та крикнула девушке: «Пойдём со мной». Девушка от испуга потеряла сознание и серьёзно поранилась при падении. Чтобы избавиться от наваждения, она переехала в другое место. Девушка отнюдь не была деревенской простушкой, а принадлежала к знатному роду, получила образование.

История живо напоминает происшедшее с нашим князем.

Было бы упрощением отнести подобные феномены к области чистой патологии, поскольку для балийцев, как и вообще для всех индонезийцев, транс —это проявление душевного здоровья. С помощью транса они избавляются от внутренних конфликтов. Кстати сказать, замечено, что в Индонезии меньше неврозов, чем в других местах. Истоки этого следует искать в культуре: она не даёт развиваться внутренним конфликтам, не загоняет их в подсознание. Регулярные церемонии снимают агрессивность, ликвидируют глубинные конфликты личности до того, как они станут явными. Все эти меры обеспечивают жизнестойкость традиционного общества.

ГЛАВА XV

ЦЕРЕМОНИЯ КРЕМАЦИИ

Как и в Индии, на Бали мёртвых сжигают. Но церемония кремации не носит трагический или мрачный характер, для балийцев это — праздник. Как и во всем, здесь проявляется любовь островитян к церемониям, к музыке. Организовать пышную кремацию стоит недёшево. Семье покойного приходится мобилизовать все средства на проводы души родственника в царство мёртвых. Пока изыскиваются средства, тело лежит в могиле. Семья ждёт похорон значительного лица — князя или священника, чтобы по случаю сжечь и своего мертвеца. Таким образом, похороны превращаются в коллективное сожжение.

Ночью покойника вырывают из земли. Подготовка к церемонии длится несколько дней. Женщины готовят дары: выкладывают на плетёных тарелочках печенье из рисовой муки, украшают яства цветами. Из рисовой соломы плетут маленьких кукол, на концы высоких шестов привязывают гирлянды бамбуковых листьев: они символически представляют тело богини риса, матери-плодоносицы. Работы эти требуют много времени.

Юноши и молодые мужчины в это время строят башни для останков покойника. Из бамбуковых стволов делается высокое сооружение, достигающее иногда двадцати метров в высоту. Несколько башен и маленьких ниш на носилках вместе с громадным наивно раскрашенным деревянным быком составят траурный кортеж.

Около полудня женщины выходят из дома покойного, неся на голове дары. Часть их лежит в серебряных чашах. Сооружения из даров, фруктов и цветов представляют собой сложную архитектурную

конструкцию. Десятки женщин цепочкой направляются к морю, а бамбуковые башни тем временем выстраиваются на дороге.

Музыка, сопровождающая церемонию кремации, ни на что не похожа. Она, пожалуй, единственный траурный элемент этого праздника: звенят цимбалы, глухо бьют тарелки... Страх смерти... Неотступное преследование... Этот праздник — тоже своего рода поминальный транс. Призрак тления изгоняют пышной торжественностью процессии. Мужчины несут на плечах длинные шесты, на которых висят громадные гонги. Время от времени над толпой взмывает голос старика или молодой женщины.

Процессия растягивается на пять километров: с криком, воплями и смехом юноши несут причудливые башни, которые колышутся в такт движению. На перекрёстках носильщики трижды кружатся на месте, чтобы отогнать обитающих на перепутье злых духов. Шествие ряженных сопровождает носильщиков; женщины в лучших нарядах закрываются от солнца высокими зонтиками с золотыми кистями.

Паломники доходят наконец до моря и садятся на песок лицом к волнам. Они выкладывают принесённые дары — цветы в серебряных корзинках, отборные плоды. Краски — золотые, голубые, белые — придают всему происходящему какой-то фантастический характер. Традиция превращается в детскую забаву с крашеными игрушками. Забываешь, что это похороны.

Каждая семья усаживается возле своего портативного алтаря. Жрецы воскуряют благовония, бормочут молитвы, звонит в колокольчики, кропят толпу святой водой из убранной лепестками чаши. Привезённые на грузовиках дрова складывают возле расцвеченных башен. Там же стоит громадный ящик, до краёв набитый дарами — раскрашенными игрушками и поделками.

Рядом с бамбуковой лестницей выстраиваются по двое, по трое женщины, придерживая белый свёрток с останками главного усопшего. Женщины идут по шаткой лестнице в святилище. Покрытые белым саваном балийки величаво с пением поднимаются к голубому небу.

Наконец зажигают костёр. Потрескивают дрова. К деревянному быку тянутся длинные языки пламени — в брюхе этого мифического зверя, сделанного из ствола сухой пальмы, покоится тело усопшего. Под действием жара руки и ноги покойника начинают дёргаться. Мужчины беспрерывно подкидывают в огонь ветки и дрова. От костров тянется едкий дым... Душа покойного останется бессмертной, она лишь поменяла состояние. И как всегда, когда провожают в дальний путь старого друга, люди надевают выходное платье. Им немного грустно, но они рады за него. Каркас причудливых сооружений рушится в пламени, и вскоре от него остаётся только пепел. Балийцы бегут к морю, набирают воду в кувшины и чаши и гасят тлеющие угли. Вода с шипением испаряется.

Толпа устремляется на пепелище, выхватывая оттуда обгоревшую кость или монетку, только что брошенную на счастье в огонь. Эти похоронные находки потом отмоют в море и принесут домой кусочек белой кости. Но пока люди молча лихорадочно роются в грудe пепла. Нужно не упустить шанс и найти кость. Скрипит под ногами песок. Понемногу родственники расходятся и собираются большой яркой толпой возле грузовиков, которые отвезут их назад в деревню. Море позади шепчет свою вечную молитву.

Тринадцать дней спустя паломники вновь вереницей придут на берег и бросят в море горсть пепла, чтобы душа усопшего уже окончательно покинула деревню. Для этой церемонии делают башни поменьше: собранный пепел и несгоревшие кости

покоятся на носилках или в пустой скорлупе кокосового ореха. Процессию сопровождает тот же оркестр. Юноши ждут окончания молебна, а затем бросаются к морю со своей ношей.

Они пускаются вплавь, таща за собой последний груз и стараясь, чтобы течение поскорее унесло его: какое-то время башенки плывут по волнам, но быстро идут ко дну. Окончательный отлёт души символизирует стая голубей.

Море — это начало и конец, это безликое состояние, откуда выходит все живое и куда оно возвращается после смерти. В воде, лишённой определённых очертаний, плавают ростки всей предыдущей и всей последующей жизни.

В отличие от моря вулкан олицетворяет зарождение жизни, и его почитают как божество. Он высится над хаосом среди волн, он изрыгает огонь, он злорадствует и ликует. Вулкан ужасен, он близок человеку, поскольку, как и он, держится прямо, как и человек, сердится или спит, как и человек, любит, выбрасывая в небо жгучее семя. Вода же — совсем иной мир. Она очищает и моет, унося в своё глубокое нутро всю нечисть.

Для балийцев, как для всех индуистов, смерти не существует. Есть только видимое и невидимое воплощение, есть форма и сущность, два дополняющих друг друга аспекта вечно живого и неживого мира.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мерри Оттен, известный французский кинооператор, автор популярных географических фильмов о дальних странах, и его товарищи — бельгийский спелеолог и кинооператор Бернар Маго и молодой этнограф, выпускник Сорбонны Альбан Банса — пробыли в Индонезии всего четыре месяца, слишком мало для того, чтобы составить себе представление об этой огромной стране (Индонезия, раскинувшаяся на крайнем юго-востоке Азии более чем на 13 000 островах, занимает пятое место в мире по количеству населения: сейчас там живёт около 120 миллионов человек). Не удивительно поэтому, что авторы книги ограничились своим маршрутом только двумя островами, сравнительно небольшими по площади, но зато занимающими центральное место в экономике, политике и культуре страны, — Явой и Бали.

Ява — сердце Малайского архипелага, на ней живёт около 70% населения Индонезии, на ней расположены миллионные города — Джакарта, Сурабая, Бандунг. Ява в гораздо большей степени, чем другие районы Юго-Восточной Азии, оказалась втянутой в техническое и общественное развитие XX в. Современная Ява — это промышленные предприятия, крупные порты, широкие асфальтированные дороги, водоворот машин, небоскрёбы, центр напряжённой и сложной политической жизни, борьбы между различными партиями, общественными течениями. Одним словом, Яву никак нельзя назвать «затерянным миром», где вдали от главных путей мирового развития течёт незатейливая жизнь простодушных островитян. Но вместе с тем на Яве, причудливо сочетаясь с проявлениями цивилизации атомного века, продолжает

сохраняться самобытная традиционная культура, воплощающая творческий дух нескольких народов — яванцев, сунданцев, мадурцев, наконец, балийцев.

Со стороны Индонезия кажется единым организмом, единой страной, которую населяет единый народ — индонезийцы. На самом же деле многообразие народов, языков, культур, этнических и расовых наслоений в Индонезии необычайно. Этнографы расходятся во мнении о точном количестве народов, населяющих страну, но, во всяком случае, их не менее двухсот. Большинство говорит на родственных языках, объединяемых в малайско-полинезийскую, или аустро-незийскую, языковую семью. Это, с одной стороны, такие крупные и сыгравшие большую роль в истории страны народы, как яванцы (более 50 миллионов человек), сунданцы (15 миллионов), малайцы (6 миллионов), мадурцы (6 миллионов), минангкабау Суматры (5 миллионов), буги и макаassarцы Сулавеси (4 миллиона), батаки (3 миллиона), балийцы (2 миллиона), с другой — небольшие раздроблённые этносы, живущие в глубинных неосвоенных районах больших островов и до недавнего времени сохранявшие в хозяйстве и общественном устройстве немало элементов первобытнообщинного строя. Распространённое мнение о том, что все языки Индонезии родственны между собой, что это осознаётся их носителями и создаёт у них ощущение единства всех народов, населяющих страну, в целом, конечно, не соответствует действительности. Разница между яванским и бугийским языками едва ли меньше, чем между русским и немецким. Даже относящиеся к одной подгруппе языки Явы — яванский, сунданский и мадурский — не взаимопонимаемы. А чем дальше на восток от Явы, тем более разнообразны языки и культуры, тем мельче и раздроблённее народы. Наконец, на самом востоке, в некоторых районах Молуккских островов и на острове

Новая Гвинея, западная часть которого — Западный Ириан — входит в состав Индонезии, живут народы, говорящие вообще на папуасских языках, не относящихся к числу малайско-полинезийских.

По мере продвижения от Явы и Суматры на восток меняются не только языки, но и расовый облик, религия, культура. Восток страны населён людьми темнокожими, напоминающими скорее негров, чем смуглокожих яванцев, а на островах, расположившихся между Явой и Новой Гвинеей, можно наблюдать целую гамму переходных типов между папуасом и малайцем. Западная часть Индонезии, где сосредоточено 85% населения, — область почти безраздельного господства своеобразного индонезийского ислама (его отличие от ортодоксальных форм Средней Азии и Ближнего Востока удачно охарактеризовали французские путешественники). На Молуккских островах, в восточной части Малых Зондских островов и на Северном Сулавеси ислам уступает лидерство христианству — как протестантизму, так и католицизму. На Бали сохраняется индуизм, наконец, на Новой Гвинее и в глубинных районах больших островов, таких, как Калимантан, Сулавеси, Хальмахера, Серам и др., ещё в полной силе племенные религии.

Многообразие это измеряется не только территориальными масштабами, но и стратиграфически, и в этом убеждает нас почти каждая страница прочитанной книги. На Яве, где уже пятьсот лет исповедуют ислам, продолжают существовать относящиеся к седой древности шаманские обряды, как ожившие тени индуистского и буддийского прошлого возникают куклы ваянг-голека и актёры, исполняющие балет «Рамаяна» на площадках индуистского храма Прамбанан. Языческие игрища петушиных боев органически вплетаются в изощрённый балийский

индуизм, а считающий себя добрым мусульманином сунданский колдун где-то в 20—30 километрах от Бандунга, символа освободившихся стран Азии и Африки, жуёт стекло и на радость изумлённым зрителям бросается головой на столб. Как объяснить все это поразительное многообразие, даже пестроту, все эти парадоксальные сочетания колдунов с небоскрёбами, современной армии с гамеланом, шикарных магазинов с самосожжениями вдов (последний такой случай был зарегистрирован на Бали в 1907 г.)?

Ответ на этот вопрос даёт история страны, во всяком случае, история народов Явы и Бали, связанных общностью судеб и культурного развития. На заре письменной истории, которая в Индонезии началась в первых веках нашей эры с проникновением на архипелаг индуистской культуры, острова Западной Индонезии уже давно были заселены аустронезийскими народами, предками современных яванцев, сунданцев, мадурцев и балийцев. Предки этих древних индонезийцев за много тысяч лет до того населяли прибрежные районы современного Южного Китая и оттуда распространялись в более южные районы, постепенно осваивая островную часть Юго-Восточной Азии, острова Тихого океана, Мадагаскар, области континентального Индокитая, Японию. Почти везде они сталкивались с местным населением. Где-то его оттеснили в недоступные лесные районы крупных островов, где-то истребили в кровопролитных сражениях с пришельцами, где-то оно ассимилировалось.

К моменту проникновения на архипелаг индуистских влияний на Яве уже оформились основные элементы культуры и хозяйства, составляющие и до сих пор основу общественной и духовной жизни. Древние индонезийцы конца I тысячелетия до н. э. умели

возделывать рис на орошаемых полях и были знакомы со сложной техникой ирригации. Были приручены буйвол и бык, широко использовались в повседневном быту металлы, железо и бронза. Мореходство, игравшее огромную роль в жизни малайцев, полинезийцев и других аустро-незийских народов, на Яве не получило особого распространения. Жители этого острова были и остаются до сих пор сугубо земледельческим народом, связанным в первую очередь и главным образом с рисосеянием. Основой социальной организации была и в значительном мере остаётся до сих пор сельская община «деса», принимавшая разнообразные формы и где-то сближавшаяся с соседской общиной, где-то с родовой. Деса регулировала всю хозяйственную деятельность и личную жизнь каждого её члена. Важной функцией десы была организация ирригации. Впоследствии она перешла к государству.

Яванской цивилизации накануне проникновения индуизма были уже, очевидно, известны оркестр-гамелан, техника изготовления батика и театр плоских кожаных кукол — ваянг. Последний совершенно определённо в то время был теснейшим образом связан с религиозной жизнью и с культом предков, который играл важную роль в доиндуистской религии. Охарактеризовать эту религию подробно сложно, так как от неё мало что сохранилось. Можно, конечно, сказать, что эта религия представляла собой разновидность анимизма с элементами шаманизма, тотемизма, культа предков и т. д., но все эти элементы присутствуют в любой религии, включая ислам или христианство, и специфика религиозной системы создаётся не соотношением между частями того или иного «изма». Любая религия уникальна в том смысле, что она представляет собой цельную мировоззренческую систему, в которой синтезированы все верные и неверные представления общества о

самом себе и об окружающем мире. Каждый элемент этой системы тесно связан со всеми другими. Это особенно относится к племенным религиям, потому что они являются единственной формой идеологии племенного общества. В основе племенной религии лежит обычно комплекс мифов, повествующий об основных началах или первопринципах, регулирующих жизнь мира, общества или отдельного человека. Весь сложный организм анимистических, тотемистических и прочих представлений, вся культовая практика, весь комплекс обрядов, ритуалов, празднеств, весь многочисленный пантеон подчинены прежде всего основному мифологическому стержню, который и придаёт данной религии уникальный характер.

К сожалению, для доиндуистской Явы этот мифологический комплекс утерян. Можно только догадываться, что он включал в себя ряд сюжетов, распространённых в существующих сейчас или существовавших сравнительно недавно племенных религиях Индонезии. Об этом говорит, например, приведённый в книге миф о Ньяи Поачи, сунданской богине риса, принесённой в жертву верховным владыкой Санг-Янгом. Известный, в частности, из племенных религий Молуккских островов миф об убитой деве, чьё тело превращается затем в плоды земли, кормящие человека, содержит в своей основе принцип диалектического единства жизни и смерти. С некоторой долей вероятности можно восстановить и какие-то части доиндуистского пантеона. Боги повергнутой религии обычно превращаются впоследствии в злых демонов, в нечистую силу, в образы, связанные с землёй, с подземной жизнью. Такая судьба, например, постигла грозную древне-славянскую богиню смерти Бабу Ягу. В современном яванском ваянге мы находим, правда, менее жуткий, но в целом скоморошеский образ Семара, мудрого, но ёрничающего спутника Пандавов.

Семар, возможно ранее входивший в сонм божеств, потерял свой небесный характер, но не утратил полностью своей силы и в написанной для ваянга «Повести о санг Боме» он даже побеждает небесного владыку Шиву-Будду.

Тогда как основа и характер каждой племенной религии всегда уникальны, культовая практика, как раз наоборот, отличается достаточным единообразием почти во всем мире и может быть сведена к сравнительно небольшому количеству представлений. Здесь мы подходим к очень важному для понимания книги вопросу о магии, чародействе и шаманизме и их месте в религиозных системах Индонезии. Шаманизм часто называют формой религии и даже непосредственно религией. Между тем это далеко не так. Шаманизм — это всего лишь система, где между божеством и человеком стоит некий посредник, шаман, который может вступать в непосредственное общение как с божеством или духом, так и с людьми. С божеством шаман обычно общается в трансовом состоянии. Иными словами, шаманские представления связаны не с сущностью мироздания, а лишь с формой, посредством которой обеспечивается необходимый контакт между человеком и божеством, т. е. шаман есть элемент культовой практики, а не религии. То же можно сказать и о колдунах, магах и чародеях. Магия даже ещё меньше, чем шаманство, связана с религией, так как она может быть направлена на достижение самых различных целей — от контакта с божеством до насылания порчи. Сущность магии и шаманства не изменится, если на место одной религии подставить другую. Шаманы и колдуны существовали среди австралийских аборигенов с их архаическими верованиями, среди народов Сибири, исповедовавших самые различные религиозные учения, наконец, уживаются с высокоразвитыми религиями классового

общества — христианством, исламом, индуизмом... Таковы и те примеры магических действий, которые читатель нашёл в книге. Оторванность их от языческой религии все больше и больше приводит к превращению их в скоморошье зрелище и фокусничество. Так произошло с жевателями стаканов и электрических лампочек, которых можно в изобилии встретить на улицах любого индонезийского города. Для того чтобы разжевать стекло, не надо особого умения — достаточно небольшой тренировки.

Иное дело — магический сеанс, в котором люди, подчиняясь воле колдуна, начинают вести себя как животные. В его основе лежит многовековая магическая практика предшествующих поколений. Но и в нём, несмотря на кажущуюся фантастичность, ничего сверхъестественного нет. Наука, как известно, различает несколько типов человеческих характеров. В частности, так называемый «истерический характер» отличается способностью к повышенной внушаемости, благодаря которой истерик может ощущать чужие мысли и поступки, как свои собственные. Клинические случаи истерии демонстрируют гораздо более «фантастические» случаи, чем те, которые показывал сунданский колдун. Известно, например, что женщины, страдающие истерией, могут внушить себе «беременность» до такой степени, что у них начинают набухать грудные железы. Особенности характера формируются в значительной степени под влиянием среды, в том числе социальной. Поэтому в обществах, находящихся на доиндустриальных стадиях развития, появляются некоторые патологические формы поведения, почти неизвестные современному европейцу. Индонезийское сельское общество, в котором характер человека формируется под влиянием целого комплекса весьма архаичных воззрений, породило две специфические формы психических

расстройств. Первое — амок, очевидно, известно многим из знаменитой одноимённой новеллы С. Цвейга. Но для нас более интересно второе — лата. Эта болезнь наступает вследствие внезапного испуга и заключается в том, что больной впадает в особое заторможенное состояние, при котором он против своей воли начинает повторять все движения и слова напугавшего его человека. Не напоминает ли в чём-то лата то состояние, в котором находились «люди-выдры» и «люди-тигры»? Мы уже говорили, что маги опираются на огромный опыт своих предшественников, причём основным объектом воздействия магии была психика их соплеменников. Поэтому не удивительно, что колдуны накопили большой запас знаний о различных свойствах человеческого сознания, в числе которых могут оказаться и отдельные элементы, ещё неизвестные современной науке. Так, очевидно, что колдуны способны повышать подверженность человека внушению, «истеризировать» его и таким образом добиваться желаемого результата. Но при этом важно помнить, что влияние колдуна, как правило, не распространяется на людей, выросших в других культурных условиях, например на горожан или иноплеменников. Человек должен верить в колдуна для того, чтобы его сознание подчинилось воздействию магического обряда.

Наконец, ещё один признак доиндуистских религий Явы и Западной Индонезии — изобилие мотивов космического дуализма в мифологии. Постоянное противопоставление противоположных начал характерно не только для религии и культуры, но даже для языков индонезийских народов. Названия стран света, например, могут быть возведены к изначальному противопоставлению гор и моря, совпадающему с противопоставлением добра и зла, света и тьмы, права

и лева и т. д. Яркий пример такого мышления приводят авторы книги, описывая балийский индуизм.

В начале нашей эры на островах возникает государственность, утверждаются индуизм и буддизм. На Яве первое известное государство возникло в V в. на Западной Яве в долине реки Читарум. Правитель княжества Таруманагара, Пурнаварман, брахманист, горделиво сообщил в высеченной на скале надписи о том, что он построил необычайной длины ирригационный канал. Примерно в это же время на Суматре сложились буддийские государства, вскоре объединившиеся в империю Шривиджайя, могущественное морское царство, в которое входили в период между VII—VIII вв. Суматра, Малаккский полуостров, перешеек Кра, некоторые районы Калимантана и, возможно, Западная Ява. Влияние Шривиджайи распространялось и на более отдалённые территории. Южная Суматра превратилась ещё в VII в. в крупнейший международный центр буддийского учения махаяны. Шривиджайя была подлинно морской империей, едва ли распространявшей свою власть на внутренние районы. Её могущество зиждилось на контроле над стратегически важными морскими проливами, через которые осуществлялись торговые связи Индии с Юго-Восточной Азией и Китаем. Отношения Шривиджайи с яванскими государствами не совсем ясны. Таруманагара после V в. надолго исчезает из поля зрения, и практически об истории Сунды, т. е. Западной Явы, мало что известно вплоть до XIV в. Центр исторического развития острова перемещается в VII в. на Центральную и Восточную Яву, где возникают шиваистские государства Калинга и Матарам. Однако с VIII по IX в. на Центральной Яве появляется параллельно с шиваистской династией правителя Санджайи буддийская династия Шайлендра, видимо подчинившая прежних индуистских властителей. Эта эпоха, о

политической истории которой почти ничего не известно, ознаменовалась необычайным взлётом яванской архитектуры. Махараджа Индра Шайлендра (конец VIII в.)—инициатор возведения величайшего архитектурного памятника — храма-ступы Боробудур. Интересно, что как буддийская архитектура периода Шайлендров, так и более поздние индуистские храмовые комплексы типа Прамбанана никоим образом не представляли собой простого перенесения индийских образцов на индонезийскую почву. Синтез внешней индуизированной оболочки с глубинными местными традициями составил основу блестящей и оригинальной яванской средневековой архитектуры. К IX—X вв. относятся и самые ранние произведения яванской литературы, написанные на древнеяванском языке — кави.

В середине X в. политический и культурный центр надолго перемещается из Центральной Явы в Восточную. Правивший в первой половине XI в. раджа Эрлангга сумел на какой-то период объединить Центральную и Восточную Яву и Бали, а также воспользоваться сокрушительным поражением Шривиджайи в войне с индийским государством Чола для укрепления международного и экономического положения яванского королевства. При Эрлангге яванские гавани в районе Тубана и Сурабаи впервые превратились в крупные международные торговые центры. Примерно с этого времени яванские купцы начали контролировать торговые пути, ведущие на Молуккские острова — родину пряностей.

Эпоха Кедири (1117—1222) после правления Эрлангги характеризовалась бурным расцветом яванской литературы. В этот период были созданы такие монументальные памятники, как поэма «Бхарат-таюддха», яванская переработка Махабхараты, лёгшая в основу репертуара ваянга, поэма Мпу Панулуха

«Харивамса» о легендарном радже Джойобойо, мрачные пророчества которого продолжали занимать умы яванских политических деятелей вплоть до середины XX в. Продолжало расти и значение Явы как посредника в международной торговле. Эпоха высочайшего расцвета средневековой яванской культуры, широких территориальных экспансий, вершины политического могущества падает на XIII— XIV вв. — период существования восточнояванских империй Сингасари и Маджапахит. Политика объединения различных индонезийских островов под эгидой Явы связана с именем Гаджа Мады (1319—1364) — великого министра Маджапахита. Гаджа Маде удалось реально подчинить Яве Бали, Ломбок, Сумбаву, южную часть Калимантана, южную часть Малаккского полуострова и распространить своё влияние на далёкие острова восточной части Малайского архипелага. В современной Индонезии Гаджа Мада почитается как один из величайших национальных героев, провозвестник идеи национального единства.

В эпоху Маджапахита окончательно сформировалась традиционная яванская культура. Почти все более поздние яванские государства, такие, как султанат Матарам (XVII—XVIII вв.) и возникшие после его гибели султанаты Суракарта и Джокьякарта, считали себя в значительной степени наследниками и хранителями традиций Маджапахита. Господствующей религией этой средневековой империи продолжал оставаться шиваизм, но очень сильно трансформировавшийся на яванской почве. Доиндуистские верования яванцев продолжали долгое время существовать подспудно, проникая изнутри в буддийское и шиваистское учения и наполняя их чуждой им сущностью. Естественно, что продолжала существовать и шаманская и магическая культовая практика, легко приспособляющаяся к новым

оболочкам. Буддийские и шиваистские храмы Явы были одновременно и местами отправления культа предков. Насыщение привнесённых из Индии религий местными доиндуистскими представлениями неизбежно привело на Яве к сближению шиваизма и буддизма и к окончательному слиянию их в период Сингасари в единый культ Шивы-Будды. Этому сближению способствовало также развитие мистического учения тантризма, т. е. стремления достичь намеченной цели сверхъестественными методами: колдовством, оргиастическими обрядами, заклинанием духов и т. д., иными словами, посредством обрядов, издревле широко практиковавшихся аустронезийскими народами.

Тантристы-буддисты, придерживавшиеся учения махаяны, стремились достичь состояния Будды не в результате серии перерождений (инкарнаций), а ещё при жизни человека с помощью магических средств. Однако Будда рассматривался индонезийскими махаянистами не как проповедник, а как верховное божество, следовательно, достигнуть состояния Будды значило слиться с божеством. Тантристы-индуисты также стремились к слиянию с богом, но уже не в образе Будды, а в образе Шивы. Таким образом, исчезало существенное различие между двумя религиями. Прабу Кертанагара официально провозгласил в стране культ Шивы-Будды, или Харихары. Этот сплав двух великих религий, родившийся на средневековой Яве, дожил до наших дней в балийском индуизме, где, как видно из рассказа французских путешественников, наряду со жрецами Шивы или Махадевы существуют в той же системе и жрецы Будды.

В XV в. на Яву начинает активно проникать ислам. Эта эпоха во всей Юго-Восточной Азии отмечена упадком высочайшей цивилизации средневековых индуизированных государств. В континентальной части

Юго-Восточной Азии на смену ей приходит буддизм тхеравады (или хинаяна), до сих пор господствующий в Бирме, Таиланде, Камбодже, Лаосе, Вьетнаме. В малайском мире индуизм очень быстро вытесняется мусульманством. Маджапахит пал в начале XVI в. под ударами коалиции небольших, но экономически сильных торговых султанатов Северной Явы. Последние приверженцы индуизма, называвшие себя маджапахитцами, бежали на Бали, где их потомки сумели сохранить до наших дней почти в неприкосновенности культуру индуистской Явы. Ява была полностью исламизирована к концу XVII в. Однако ислам пережил в Индонезии примерно ту же трансформацию, что и буддизм и шиваизм. Повсеместно возникали мистические суфистские секты и учения, питавшиеся в том числе и местными магическими традициями. Под покровом ислама продолжал процветать ваянг, в репертуаре которого и до сих пор преобладают сюжеты Рамаяны и Махабхараты, насыщенные индонезийским колоритом, при дворах яванских султанов продолжали развиваться родившиеся в индуистский период придворные танцы, а мусульмане-крестьяне, как и тысячи лет тому назад, продолжали приносить жертвы богине риса и хозяйке Южных морей Ньяи Роро Кидул, нисколько не заботясь о соответствии этих действий учению Мухаммеда.

Длившееся почти четыреста лет европейское господство в Индонезии, вначале португальское, затем голландское, не оказало существенного влияния на индонезийскую и особенно яванскую культуру. Христианство проникло на Яву в самой незначительной степени, и только в начале XX в. промышленное развитие страны и вовлечение Индонезии в международные и экономические связи привело к проникновению на Яву, прежде всего в города,

общемировых элементов индустриальной цивилизации XX в.

Так складывался облик современной яванской культуры, так возникала та красочная, яркая картина, которая предстала перед глазами группы Мерри Оттена во время короткого путешествия по двум индонезийским островам и вдохновила их написать прочитанную вами книгу. По жанру и характеру книга «Чародеи с Явы» относится к числу распространённых в последнее время книг-путешествий, в которых описывается именно путешествие, как таковое, путешествие как самоцель, предпринятое именно для того, чтобы проехаться, увидеть что-то новое, интересное, сфотографировать это и, если можно, снять фильм. До XVIII в. автором книг, рассказывающих о дальних странах, был главным образом путешественник-купец или путешественник— искатель приключений, в XIX — начале XX в. его сменил путешественник-естествоиспытатель и путешественник-учёный, а в наше время доминировать начинает путешественник-турист или путешественник-журналист. Наши авторы фактически тоже туристы, но туристы, обладающие острым глазом, владеющие искусством рассказа и стремящиеся осмыслить увиденное. И я полагаю, что мы все, читатели этой книги, должны быть благодарны им за интересное повествование о сложной и яркой культуре далёких от нас Явы и Бали.

М. А. Членов

notes

Примечания

1

см. «Послесловие»— Здесь и далее прим. ред

2

река (яванский-нгоко). Так жители индонезийской столицы называют джакартские каналы

З

мыс-кувшин (малайский)

Строительство нового порта было начато в 1877 г. и закончено в 1883 г. Основной причиной переноса порта в место, отстоящее на 9 км от Джакарты, послужило не столько обмеление каналов, сколько оживление судоходства, вызванное распространением пароходов и открытием Суэцкого канала

Индонезийское название западной части острова Новая Гвинея. При завоевании Индонезией независимости в 1945 г. Западный Ириан оказался отторгнутым от молодой республики и управлялся Голландией.

В 1962 г. решением ООН Западный Ириан, называвшийся до того времени Нидерландской Новой Гвинеей, был передан под управление Индонезии. Сейчас составляет отдельную провинцию с центром в г. Джайяпура

6

свобода (индонезийский)

Под несколько неудачным термином «протомалайская культура» авторы, очевидно, имеют в виду культуру аустронезийских народов до начала эпохи индуизации (см. «Послесловие»)

Джакартский стадион, открытый в 1962 г. к Азиатским играм, стоил по технической помощи Советского Союза

деревня, посёлок, городской квартал (малайский). Авторы не правы, приравнивая кампунг к сельской общине. Это слово как раз чаще всего употребляется для обозначения населённого пункта безотносительно к его социальной организации. Сельская община у сунданцев называется н а г а р и, у яванцев — д е с а.

Авторы имеют в виду летучих собак (Pteropus), широко распространённых по всему Малайскому архипелагу

Крупнейший после яванцев народ Индонезии, населяющий в провинции Западная Ява область Сунда. Кроме них на Яве живут яванцы и мадурцы. В особую народность консолидируется малайязычное население индонезийской столицы, называемое джакартцами

Имеются в виду надписи Пурнавармана, датируемые
V в. н. э.

30 сентября 1965 г. в Индонезии к власти пришла армейская верхушка, которая развязала кампанию травли индонезийских коммунистов. Компартия Индонезии, насчитывавшая около 3 млн. членов, была объявлена вне закона, её руководители и большинство рядовых членов были физически истреблены или брошены в тюрьмы. Жертвами двухлетней резни, протекавшей преимущественно на Яве, стали несколько сот тысяч человек

универсальная женская и мужская одежда, представляющая собой сложенный вдвое и сшитый по краю кусок ткани, обёртываемый вокруг бёдер.

По поводу интерпретации этого мифа см.
«Послесловие»

16

Разнообразные несладкие хрустящие печенья, изготавливаемые из рисовой муки с добавлением муки из крабов или креветок

Традиционный яванский ритуальный театр. Авторы описывают форму, получившую название «ваянг голек». Это театр деревянных кукол (голек), наиболее популярный именно на Западной Яве

Чисто яванский персонаж, отсутствующий в Махабхарате и Рамаяне, выступает в роли шута-мудреца и резонёра

Пандавы (или Панду) — пятеро братьев, главные герои индийского эпоса Махабхарата

Пьер де Байяр (1473—1524) — легендарный полководец Карла VIII, Людовика XII и Франциска I, прозванный «рыцарем без страха и упрёка»

Индонезийский вариант частушек

крайняя степень заторможенности

23

глубокий обморок

24

крупнейший концертный зал в Париже

нойонский епископ, умерший в 557 г. Своими проповедями он доводил паству до коллективной истерии

Шаман — тунгусское слово. В европейские языки оно попало через русский. Тунгусы же, очевидно, восприняли это слово от буддистов Центральной Азии, у которых оно означало «буддийский монах», «аскет»

Следует отметить, что дукун вершил своё действие не в обычном состоянии. Доказательство тому — крайне напряжённое выражение его лица. — Прим. авт.

Индуизм проник на Яву гораздо раньше. Однако все эпиграфические памятники, относящиеся к более раннему периоду, написаны на санскрите и выполнены, в основном, письмом паллава

См. главы VIII и XII. — Прим.авт.

Название города Джокьякарта употребляется здесь авторами иносказательно, как символ Центральной Явы и яванской культуры. Сам город был основан в начале XVII в., т. е. через много веков после того, как культ Шивы пришёл на Яву

Прамбанан — название комплекса индуистских храмов, состоящего из 8 больших храмов и окружающих их 156 гробниц. Лара-Джонггранг — буквально «стройная дева» (яванский) — название центрального храма, данное по находящейся внутри статуе богини Дурги

подавляющее большинство исследователей склонны признавать ваянг-пурва исконно яванским элементом культуры

родовое название средневекового индуистского или буддийского храма в Индонезии

Имеется в виду правитель Сингасари Прабу Кертанагара (1268—1292). Два основных источника по средневековой истории Индонезии занимают диаметрально противоположные позиции по отношению к этому государственному деятелю. Поэма «Нагаракарта-гама» изображает его достойным мужем, аскетом, мудрым политиком, а исторические хроники «Параратон» представляют его как бездарного монарха, пьяницу и развратника. В книге нашло отражение последнее мнение

путь (арабский) — кодекс мусульманского права

36

главный порт Саудовской Аравии

Интересно отметить в этой связи, что в Турции существует секта бекташи, занимающаяся аналогичной практикой. — Прим. авт.

это заявление несколько категорично. Действительно, в стране потребляется меньше алкоголя, чем в Европе или Америке, тем не менее алкогольные напитки, как местные, так и импортные, пользуются в Индонезии спросом

39

родовое название индуистского храма на Бали

мифическое существо, перевозившее на себе бога Вишну. Согласно индонезийской традиции изображается в виде чудовищной птицы или человека с птичьим клювом

австрийская писательница. Её перу принадлежит ряд популярных романов, в том числе книга «Любовь и смерть на Бали» (1937)

Пура Бесаки — не только самый красивый и древний храм Бали, но и главное святилище острова, посвящённое Шиве-Махадеве. Место обязательного паломничества всех членов балийских княжеских домов